Л. М. ВАСИЛЕВСКИЙ.

ДЕТСКАЯ „ПРЕСТУПНОСТЬ“

— И —

ДЕТСКИЙ СУД.

Издательство „ОКТЯБРЬ“.

Врач П. М. ВАСИЛЕВСКИЙ.

ДЕТСКАЯ „ПРЕСТУПНОСТЬ“

— И —

ДЕТСКИЙ СУД.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проф. П. И. Люблинского.

1923.

Издательство „Октябрь“.

Гублит № 929. Г. Тверь 1923 г. Отп. 3000 экз.

Гостипсграфия имени Карла Маркса.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос о борьбе с детской беспризорностью и преступностью относится к числу тех вопросов, мимо которых не может пройти равнодушно ни один человек, принимающий сознательное участие в общественной жизни. Этот вопрос приковывает к себе наше внимание не только потому, что мы сочувствуем тяжелой участи беспризорного ребенка или страшимся за будущность подростка, ставшего на опасный путь правонарушений. Есть много явлений в окружающей нас действительности, могущих вызвать в себе не меньшее сострадание. Нет, наш усиленный интерес к этому вопросу поддерживается сознанием, что в беспризорности и моральной запущенности детей лежит источник величайших опасностей для культуры, для будущего здоровья народа и для крепости его духовных сил. Подобно тому, как органическая жизнь с каждым новым поколением творится сызнова, начиная с простейшей зародышевой клетки, так и культурный быт народа, его социально-психологический облик воссоздается вновь с каждым новым поколением из примитивных инстинктов, заложенных в нас при рождении. Но если естественно-биологические условия, определяющие физическое развитие организма, в общем и целом остаются мало изменчивыми, то совершенно обратное приходится сказать об условиях социальной среды (экономических и психологических), которые зачастую испытывают резкие и длительные потрясения. глубоко накладывающие свою печать на социально-психологическую сторону развития индивида.

Наше молодое поколение 12—16 летних подростков в течение десяти лет — почти всего периода своей сознательной жизни — прошло через ряд величайших в истории

социальных кризисов — мировой войны, жестокой блокады, гражданской войны и социальной революции, голода и экономической разрухи. Оно восприяло жизнь как кровопролитную борьбу народов и классов за власть, за материальные интересы, как жестокую схватку отдельных людей друг с другом за кусок хлеба, как школу лишений, тяжелых испытаний и невзгод. В этой борьбе, вероятно, выковалось не мало сильных характеров и стойких натур, но еще больше оказалось слабых, надломленных и морально-искалеченных. Ребенок всегда является социально-слабым. Но его социальная беззащитность особенно резко проступает тогда, когда ломаются те защитные круги, которые охраняют его от социальных опасностей в детские годы — здоровая и крепкая семейная оболочка, регулярное и систематическое школьное образование, социальная опека и помощь. И хотя государство у нас с первого момента Октябрьской революции выдвинуло в первую очередь интересы детей и сделало очень многое для их спасения, но все же оно далеко не смогло компенсировать своими усилиями всего того, что было разрушено бурным течением жизни. В результате — сильный и все увеличивающийся рост беспризорности и неизменно грядущей вслед за нею преступности среди детей, наблюдаемый не только у нас в России, но и во всех странах Европы, участвовавших в империалистической войне.

По данным Вены за годы войны преступность несовершеннолетних возросла на 150%. В то время, как в Венском окружном суде в 1913 г. было осуждено 396 несовершеннолетних, в 1914 г., их было 363, в 1915 г.— 575 и 1916 г. — 946. В Берлине преступность подростков упорно росла в течение всех лет войны. Если взять опять-таки более тяжкие случаи, рассматривавшиеся в окружных судах Берлина, то мы имеем следующие цифры. В 1914 г.—200, 1915—590, 1916—1.040, 1917—1.155,

1918—1.512, иными словами преступность несовершеннолетних увеличилась в семь с половиною раз. Первый год германской революции дает резкое понижение преступности до 897, но затем она снова быстро начинает идти вверх: в 1920 г.—988 и первая половина 1921—448. Этот рост весьма близок к тому, который мы наблюдаем у нас в Петрограде, где, исчислив коэффициент сокращения населения, можно установить следующую картину роста детской преступности: в 1913 г. на 1.000 населения в возрасте от 7 до 18 лет, приходилось обвиняемых несовершеннолетних 1,6. В 1914 г. этот коэффициент падает до 1,1, после чего начинается его упорный рост: в 1915 г.—1,2, 1918—2, 1919—5,1, 1920—7, 1921—7,6.

Картину роста детской беспризорности в Германии дает нам отчет прусской комиссии по попечительному воспитанию. В течение года с 1/IV—1916 г. по 1/IV—1917 г., в учреждения попечительств воспитания поступило 13.458 детей. На 1 апреля 1917 г. в этих учреждениях находилось 59.500 детей. По сведениям отчетов, вновь поступившие обнаруживают сильную степень беспризорности; число больных, особенно легочно больных, значительно возросло. Среди поступающих наблюдается значительный процент плохо питающихся и физически недоразвитых детей. Возросло процентное отношение детей умственно слабых, нравственно порочных и неподдающихся перевоспитанию. Школьное образование вновь поступающих детей по общему правилу является крайне недостаточным.

По сведениям отдела социально-правовой охраны Наркомпроса, к концу 1922 г., во всей Р. С. Ф. С. Р. в 182 учреждениях воспитывалось 6.429 морально-дефектных детей, при чем это число едва охватывает 1/3 нуждающихся в таком воспитании, в число же беспризорных попадают почти все воспитанники наших детских домов,

число которых измеряется сотнями тысяч. По отчету главного управления местами заключения за 1922 г., из общего количества 80.559 чел., заключенных несовершеннолетних в местах заключения содержалось 1,4%, т. е. примерно около 1.200 чел.

Беспризорность есть явление социальное. Она характеризует не самого малолетнего, а ту социальную обстановку, которой он окружен. Беспризорным является малолетний, лишенный родительского дома или заботливой семейной обстановки, ребенок, хотя и находящийся в семье, но подвергающийся в ней дурному надзору, эксплоатации, жестокому обращению, беспризорным является малолетний, предоставленный самому себе и случайным влияниям окружающей среды в тот период, когда он еще нуждается в семейной или социальной опеке. Но беспризорность, будучи анормальным социальным состоянием малолетнего, необычайно легко создает болезненное социальное состояние малолетнего, которое мы называем детской преступностью. В большинстве случаев «детская преступность» есть беспризорность, осложненная антисоциальными склонностями, легко возникающими на почве заброшенности, нужды, невежества,соблазна и озлобления и выражающаяся во вне в виде общественно-опасных действий малолетнего, образующих «состав» того или иного преступления, предусматриваемого уголовным кодексом. Детская преступность есть социальное зло не столько в силу тех общественно-опасных последствий, которые она влечет, сколько как симптом глубоко развившейся детской беспризорности, подобно тому как язвы, обнаруживающиеся на теле и имеющие порою отталкивающий вид, не составляют еще сами по себе болезни, а лишь служат симптомом внутреннего болезненного состояния организма. Не будет парадоксом, если мы скажем, что преступность детей это есть преступление самого общества. Мы знаем много болезней, распро-

странение которых есть лишь результат санитарного невежества, некультурности и равнодушия самого общества. Точно также и детская преступность в значительнейшей своей части есть продукт некультурности и равнодушия общества к насущным и необходимейшим нуждам ребенка. Мы пытаемся излечить эту болезнь различными мерами, из которых лучшими являются исправительное воспитание и попечительный надзор. Но эти лекарства помогают немногим и не всегда являются действительными. Несравненно важнее профилактика этой социальной болезни — спасение детей от преступности путем своевременной заботы об их материальном и моральном благополучии. В области борьбы с детской беспризорностью и преступностью идеи такой профилактики нашли свое выражение в политике социально-правовой охраны несовершеннолетних.

Социально-правовая охрана несовершеннолетних исходит из признания того принципа, что каждый ребенок имеет по отношению к государству и обществу определенные естественные права на охрану своей жизни, физических и моральных сил, имеет право на счастливое и здоровое детство, на образование и воспитание, а в юношеские годы и на социальную помощь при вступлении в трудовую жизнь. Если ранний социализм провозгласил право каждого взрослого человека на труд, являющийся вместе с тем и его обязанностью, и тем дал толчек новому пониманию социальных отношений, то идея социально-правовой охраны детей в ее развитой форме, утверждая социальные права малолетнего, ставит его в новые отношения к обществу и государству. Ребенок перестает быть только об'ектом семейной заботы или опеки, построенной по частно-правовому принципу. Он становится целью разнообразных социальных мероприятий и об'ектом разносторонне проведенной государственной опеки. Государство становится его верховным опекуном и воспитателем. Оно творит и организует

все необходимые для его благополучия силы и учреждения, регулирует их работу, направленную к определенной цели, и снабжает всеми необходимыми средствами для успешности ее.

Эта идея социально-правовой охраны была выдвинута у нас с первых же месяцев революции, но практическое ее осуществление встретилось у нас с затруднениями, лежащими в скудости нашей страны материальными средствами и знающими людьми. Было сделано много смелых шагов, намечено много широких планов, к сожалению, часто несогласованных с имевшимися возможностями. В области борьбы с детской преступностью, была сделана попытка перенести весь вопрос в плоскость мер медико-педагогического воздействия, при чем в начале совершенно была упущена из виду социально-профилактическая сторона вопроса. Таково было положение дела при существовании первого декрета от 18 января 1918 года. С весны 1920 г., намечается некоторый поворот. Сфера медико-педагогического воздействия несколько с'ужается по декрету 4 марта 1920 г., допущением в отношении подростков от 14 до 18 лет, «неподдающихся мерам медико-педагогического воздействия», общих мер репрессии. Но наряду с этим начинается медленное развитие социальной профилактики в виде создания отделов правовой защиты (позднее: социально-правовой охраны) несовершеннолетних, постепенно организующих приемники и распределители для детей, опеку, юридическую помощь патронат, детскую социальную инспекцию, устройство детей в частных семьях (семейный патронаж) и пр. К сожалению, это зарождение социально-профилактической деятельности совпало у нас с наиболее трудным периодом экономическо-продовольственного кризиса, с быстрым сжатием административно-служебного аппарата и с резким переломом в области экономической политики, что не позволило сколько-нибудь удо-

влетворительно развить сеть соответствующих учреждений. «Отступление на экономическом фронте» вызвало необходимость быстрого свертывания и на прочих фронтах, причем порою поспешно бросались и такие позиции, которые, казалось бы, не являлись угрожаемыми. В течение истекшего 1922 г., мы наблюдали, в связи с изданием уголовного кодекса, отказ от применения медико-педагогических методов в отношении молодежи от 16 до 18 лет, а несколько позднее, проведенное несколько случайно, и дальнейшее ограничение применения таких мер в отношении подростков от 14 до 16 лет. Есть надежда, что это последнее ограничение будет в скором времени отменено и определение вопроса о необходимости применения мер медико-педагогических, а не мер репрессии, будет предоставлено комиссиями о несовершеннолетних, а не суду. Но все же пока приходится отметить, что 1922 г., прошел под лозунгом существенных отступлений от первоначального принципа в вопросе о применении мер репрессии в отношении несовершеннолетних.

Комиссии о несовершеннолетних, заменившие у нас прежний детский суд, существуют уже более пяти лет в Советской России. Но широкие круги еще очень мало знакомы с методами их работы и еще менее известны результаты деятельности их. К концу 1922 г. в Советской России действовало 245 комиссий, из которых каждая представляла собою вполне самостоятельную единицу, ничем не связанную со всей системой. Естественно, что в этой области наблюдалась значительная пестрота, и составить общий отчет о положении у нас дела борьбы с правонарушениями несовершеннолетних было крайне трудно. Только за последние месяцы стал у нас на очередь вопрос о создании Центральной комиссии, которая руководила бы работой местных комиссий и вырабатывала надлежащую отчетность. Надо надеяться, что вопрос этот получит скорое и удо-

влетворительное разрешение, и тогда в значительной степени сократятся те, часто неосновательные, нападки на новую постановку дела, которые в истекшем году вызвали было поворот от новых методов в обратную сторону. Пора вместе с тем вопросы, связанные с борьбой против детской преступности, сделать предметом широкого обсуждения в печати.

Работа д-ра Л. М. Василевского дает нам ряд ценных указаний, извлеченных из опыта четырехлетней работы в Воронежской и Уфимской комиссии о несовершеннолетних и в Тверской губ., в частности втечение последних голодных лет. Она затрагивает вопрос в весьма широких рамках и в общих чертах намечает пути к их правильному решению. Это — чуть ли не первая книга, посвященная борьбе с детской преступностью в современных условиях нашей жизни. Сведения, приводимые автором, зачастую являются отрывочными, случайными, но нельзя упускать из виду, что у нас почти не началась разработка данных о положении этого дела в различных уголках России со времени Октябрьской революции. Эти страницы жизни того поколения, которое вскоре придет на смену нам, еще остаются незаполненными и туманными, а между тем они во многом должны будут об'яснить последующий ход развития нашей страны. Всякая попытка вписать в них факты и впечатления должна, поэтому, представлять несомненную ценность.

В течение нескольких лет мы были изолированы от общения с Западом. Теперь постепенно перед нами открывается картина происшедших и там за последние годы перемен в области детской беспризорности. Почти перед всеми народами после войны встают однородные проблемы. Понижение общего уровня жизни, оскудение крупных центров, сиротство, раннее вступление в трудовую жизнь, трудность обеспечения себе средств к жизни и жестокая

борьба за существование с самых ранних лет — вот социальная обстановка, с которою приходится почти повсюду считаться в ближайшие годы. И чтобы ослабить социальное бедствие беспризорности и преступности детей, нужно рассматривать этот вопрос не в изолированном виде, не оторванным от других вопросов, а лишь как одну из сторон того мирового социального кризиса, который переживается теперь чуть ли не всем европейским миром.

Проф. **П. И. Люблинский.**

Петроград, май 1923 г.
Морская, 13.

ВВЕДЕНИЕ.

В деле борьбы с нравственной дефективностью и преступностью, вообще в деле заботы о ребенке, Советская Россия с первых же шагов своего бытия обнаружила исключительную чуткость и широту, и потому странным и печальным фактом является слабая разработанность этой области за год революции.

Литература по вопросам о детской преступности почти вся дореволюционная. За последние годы по данному вопросу несколько работ появилось в юридической и педагогической печати, изредка помещались статьи — преимущественно отчетного или полемического свойства — в московских «Известиях» и в провинциальной печати. Но все это было посвящено отдельным, вполне частным вопросам и носило именно газетный или журнальный характер. Серьезной разработки возникающих в процессе действительности недоумений, спорных пунктов и пр., критики законодательства, а тем более общих исследований в историческом или методологическом плане не было.

Мало того: работники на местах еще и сейчас обречены на тягостный недостаток, неполноту и даже противоречивость инструктивного материала. Законодательство о детском суде, о правовой охране детей, об опеке несовершеннолетних и пр. неоднократно за последние годы менялось и дополнялось, притом весьма существенно. Случалось, что члены комиссий о несовершеннолетних на местах долгими месяцами тщетно ждали из Центра руководящих указаний, а покуда вынуждены были поступать ощупью, как им подсказывало их чутье и правосознание.

Эта острая потребность в литературе и побуждает меня предложить свой очерк детских правонарушений и детского суда. При всех недостатках моей попытки в этой изменчивой, колеблющейся области—недостатках, неизбежность которых я предвижу—она не окажется, быть может бесполезной для всех интересующихся проблемой детской преступности в наши дни.

К опубликованию этой скромной работы побуждает меня также потребность поделиться некоторым личным опытом по участию в комиссиях по делам о несовершеннолетних и по ведению организованных мной в разное время и в разных пунктах провинции краткосрочных курсов для подготовки сотрудников комиссий, именно обследователей и обследовательниц.

Основанная на практике последних лет разработка интересующих нас вопросов может иметь еще один полезный результат: хочется думать, что она поможет привлечь к вопросам борьбы с детской преступностью новые, более активные и более ценные, чем сейчас, педагогические силы. У нас очень смутно отдают себе отчет в том, какое широкое и благодарное поле для усилий педагога представляют нравственно ущербленные дети.

Человек, посвящающий свои силы воспитанию физически или умственно дефективных детей—слепых, глухонемых, калек, идиотов, слабоумных, тяжелых эпилептиков—действует, главным образом, во имя сочувствия к обездоленным, жалости и сострадания к ним. Самое большое, на что он обычно может рассчитывать, в результате своих забот и усилий, это—немного приблизить своих питомцев к средней норме быта, облегчить им хоть отчасти путь к сносному существованию, но вырастить особенно ценную в социальном отношении личность он не может надеяться.

Среди детей указанных выше категорий натуры, стоящие выше нормы, естественно, почти не встречаются.

Совсем не то со средой детей нравственно запущенных. Правда, нравственная дефективность часто возникает именно на почве какой нибудь телесной недостаточности, или даже прямого телесного недуга (а то и душевного), но не менее часты случаи, когда нравственная недостаточность идет рука об руку с высокой одаренностью ребенка, с исключительным богатством в нем фантазии, предприимчивости, силы воли и других ценных качеств.

Поэтому отдать себя воспитанию — точнее, перевоспитанию—таких натур можно не только из чувства сострадания, но и задаваясь благодарной педагогической задачей, питая известные педагогические надежды и ожидания. Подобно тому, как в школьнике озорство и шалость часто сочетаются с живым характером, активным умом и яркой пылкой фантазией, только направленными в дурную сторону, так и нравственная дефективность, в том числе факты столкновения с уголовным законом, нередко наблюдается у детей, одаренных от природы выше среднего уровня.

Аналогию со школой можно провести и дальше. Старая школа—почти полностью можно это сказать и о школе современной в ее сегодняшнем переходном состоянии—была приноровлена к детям среднего уровня, к натурам, так сказать, шаблона. Все, что было выше этого среднего уровня, этой шаблонной нормы, извергалось школой, равно как и все, что было ниже этой нормы, этого уровня. Известно, что очень многих крупных, великих людей в детстве об'являли испорченными, озорниками, негодными и нетерпимыми в общественном смысле, и школа исключала их из своих рядов. Между тем, вся беда их заключалась иной раз именно в том, что они были выше, переросли тот шаблон, по которому скроена и слажена школа.

Что выдающиеся, знаменитые на разных поприщах люди были в детстве плохими школьниками и оказывали слабые успехи в науках, общеизвестно; из сотен относящихся сюда примеров назовем хотя бы Ньютона, Пушкина, Бисмарка, Наполеона, Гумбольдта, Серова, Либиха, Гельмгольца, Свифта, Корнеля и мн. др. Это свидетельствует не только о нечуткости педагогов, но и о том, что школа всегда и везде имеет ввиду только детей среднего уровня, обычной нормы.

Дети и подростки, вступающие в конфликт с законом, тоже иногда несчастны только от того, что обладают недюжинными духовными силами: они шире и выше обычной нормы. Чтобы направить их бурлящие силы, способности и порывы на правильный, целесообразный путь, нужны особые, специальные методы воспитания. Этих методов жизнь им не дала—и вот вся их одаренность, все богатство жизненных сил, вся яркость переживаний тратится на дурное, уходит по мутному, антиобщественному руслу.

В результате вырастает то уродливое и жуткое, что на языке старого суда и полиции именовалось «малолетним преступником».

А между тем—всякий работник детского суда подтвердит это—среди этих свихнувшихся подростков есть натуры, которые при надлежащем уходе, при любовном и разумном воспитании дали бы в будущем новых поэтов и изобретателей, новых философов и вождей революции, новых музыкантов и инженеров... (Ср. «Дома одаренного юношества» в Москве).

Всякий работник на этой ниве может найти себе удовлетворение в сознании, что он делает поистине нужное, творческое дело. Не инвалидам облегчает он унылый путь к могиле, а выравнивает ствол молодых, крепких, нередко

здоровых внутренно и таящих большие жизненные соки деревьев.

Или, как прекрасно выразил это современный крупный знаток и деятель по детской дефективности, проф. П. Г. Бельский—область нравственного воспитания дефективных детей есть «ортопедагогика», педагогическое «выправление» питомцев.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

«Что вы хотите, чтобы я сказал вам, господин президент? С юных лет я очутился один на тротуарах Парижа. Я никогда не встречал никого, кто бы интересовался мной. Ребенком я был предоставлен случайностям. В перспективе я не имел ничего кроме кражи. Я воровал и кончил убийством».

Настоящий обвинительный акт всей современной культуре представляет собой эта горькая исповедь, произнесенная на суде в Париже малолетним убийцей Мальсом. В трогательно-простых и исчерпывающе полных словах выражен здесь тот путь, которым наше цветущее «завтра», побеги нашего будущего достигают жутких провалов греха и преступления, доходят до суда и тюрьмы.

Дети—и преступление: понятия, казалось бы, не соединимые. Но жизнь умеет сочетать их, и с каждым годом сочетает их все ближе, все трагичнее, все неустранимее и чаще.

Раннее сиротство ребенка, его заброшенность, отсутствие общественной заботы, ядовитые соблазны улицы—таковы главные черты этой Голгофы ребенка. Не названы прямо, но проникают насквозь горькую исповедь Парижского убийцы-подростка бедность и нужда—первые и основные факторы детской преступности.

Так трудно укладывающееся в нашем сознании понятие детской преступности—явление большой социальной сложности. Его питает все, чем тяжка жизнь современного большого города—грозная безработица с ее полчищами близких к отчаянию голодных людей, смрад и теснота коечных и каморочных жилищ, неимоверный под'ем детской беспризорности, пьяный угар и разгул бульваров.

Лишенные сдерживающего влияния и даже простого надзора семьи, для которой лишний рот является бременем и проклятием, в значительной степени безграмотные и ничему не наученные, нередко наследственно всосавшие инстинкты бродяг, нищих, проституток и профессиональных воров — дети большого города представляют богатую и весьма податливую на соблазны преступления среду.

Конечно, бывают случаи детской преступности, где на первом плане стоит фактор не социальный, а биологический, где преступление, совершенное малолетним, обусловлено тяжелой наследственной отягощенностью, подготовлено глубоким распадом личности, вырождением ее, нравственным помешательством. Но эти случаи, где нравственная изуродованность — истинная «моральная дефективность» зашли очень глубоко и не поддаются перевоспитанию, составляют ничтожное меньшинство.

Таков, например, описанный известным русским криминалистом, покойным Д. А. Дрилем, герой парижской уголовной хроники Капс, с 10 лет бродяживший и живший на содержании у 12-летней проститутки Леонтины. Капс убил свою сожительницу, покушался на убийство еще одной малолетней проститутки, а также на убийство некого Венкара, своего партнера по педерастии, которому он продавался, когда заработки Леонтины были для него недостаточны.

Когда духовник в тюрьме увещевал его покаяться, он холодно возразил:

— Зачем это? Я убил—меня убивают. Мы квиты.

Но, как правильно отметил другой исследователь вопроса, проф. Елистратов, этот Капс и общество—вовсе не «квиты»: в громадном большинстве случаев общество остается перед малолетними правонарушителями в долгу. Ибо оно «начинает воспитывать их лишь у подножья эшафота и кормить их начинает лишь в тюрьме». Но случаи глубоко зашедшей нравственной испорченности, обуслов-

ленной неопредолимыми биологическими законами, в частности наследственными влияниями—являются, как сказано, редкими исключениями, столько же редкими, как и в области преступности общей.

Как правило же, можно утверждать—и в дальнейшем мы это увидим на статистическом материале—что детская преступность есть лишь дальнейшая степень беспризорности—беря это понятие в широком смысле, и отожествлять всякого малолетнего, вступившего в конфликт с законом, с нравственно дефективной натурой немыслимо. Правонарушение малолетних обычно возникает на почве недостатка надлежащего ухода, вообще недочетов окружающей среды. Злой воли в юном правонарушителе нет, и действительными стимулами к совершению проступка являются либо неодолимые веления голода, либо внушения и наущения старших—то же неодолимые—либо, наконец, общее давление среды, против которой юный, неокрепший ум и воля ребенка опять-таки не в силах бороться.

Кроме того, детскую преступность не следует рассматривать как явление одностороннее. Оборотная сторона детской преступности—преступное отношение к детям со стороны взрослых. Нарушение интересов ребенка, телесных и духовных, эксплоатация детей—вот почва, на которой, в конечном счете, вырастает почти все зло детской преступности. Отсюда следует, что охрана ребенка и стоящее на страже его детское право—вот единственно верная и действительная база борьбы с детской преступностью.

С легкой руки шведской писательницы Эллен Кей принято называть двадцатый век «веком ребенка»—похвала, очень мало заслуженная современностью. Старая заповедь «чти отца и мать свою» до сих пор сохраняет свою односторонность, и новый лозунг, о необходимости уважать не только старших, но и младших, чрезвычайно медленно просачивается в умы, в законодательство и особенно в—быт.

Это конечно, красиво, когда на многолюдном перекрестке Лондона полисмен, видя переходящего через улицу ребенка, подымает свою палочку, и сотни автомобилей и карет останавливаются, чтобы дать ребенку пройти. Или когда в Японии любая процессия, будь то даже процессия микадо, останавливается для того, чтобы дать дорогу «Его Величеству Ребенку».

Но все эти красивые моменты, приводящие в такой восторг Эллен Кей, в конце концов, только детали, частности. В основном же охрана ребенка еще только начинает осуществляться, и современная цивилизация, подобно языческой цивилизации древности, приносит кровавые жертвы самым для нее дорогим, именно, жертвует детьми.

Только у нас государство считает себя верховным опекуном всего детского населения и действует—там, где сталкиваются интересы взрослых и детей,—всегда в интересах последних. Только у нас воспитание детей родителями признается не только правом этих последних, но и общественной обязанностью.

Что касается, в частности, детской преступности, то опять-таки только у нас был доведен до конца единственно—правильный принцип чисто воспитательного—а не карательного—характера борьбы с нею. В Советской России цель детского суда—профилактическая: имеется ввиду с помощью медикопедагогических мер приостановить разрушение социальной личности юного правонарушителя и воссоздать из него полезного, или хотя бы только терпимого члена общества.

Вместе с этим детский суд, согласно современным взглядам, предоставляет собой самую действительную меру для уменьшения преступности взрослой, для разгружения судов и тюрем.

Конечно, провозгласить принцип и осуществить его на деле—вещи совершенно разные—мало того, под давлением

суровых об'ективных причин, о которых речь впереди, даже принципальная сторона дела потерпела у нас немалый ущерб. Но все же, в основе своей, детское законодательство и детский суд в Советской России стоят на более правильном пути, чем на Западе и в Америке, и в дальнейшем, можно сказать это с уверенностью, детское законодательство пойдет именно по нашему, русскому пути.

Надо, впрочем, прибавить, что русская практика и русское законодательство представляют собой просто более последовательное и смелое развитие тех положений, какими руководствуется законодательство Америки, Англии, отчасти Пруссии и т. д. Именно эта последовательность, это доведение до конца основных положений и составляет великую заслугу русской революции.

Выше мы упомянули о дефективности; пора немного остановиться на этом понятии.

Под дефектом вообще разумеют недостаток, недочет в чем либо, а под дефективностью недостаточность, ущербленность в каком либо отношении. Различают дефективность телесную (физическую), затем умственную и наконец, нравственную (моральную).

Физическая дефективность включает все виды телесной недостаточности, уродства и калечества: в эту группу входят слепые, глухонемые, калеки разного рода, тяжелые эпилептики и пр. В группу умственно дефективных входят дети всех видов и степеней умственной отсталости, начиная от легкой формы малоуспешности и кончая высшими степенями слабоумия вплоть до полного идиотизма.

Наконец, в категорию нравственно дефективных входят дети, страдающие какими либо моральными дефектами, нравственными ненормальностями, уродствами и пр. Здесь разнообразие может быть особенно большое, и кроме чистых форм имеется бесконечное число форм смешанных или пе-

реходных, ибо в природе человеческой вообще нет твердо очерченных границ, и психофизика детей находится в постоянном движении.

Проф. П. Г. Бельский на основании своего большого опыта (петербургского, за годы революции) приводит следующее деление наблюдавшихся им «малолетних преступников» по доминирующим в их психофизике признакам:

Первая группа: суб'екты эмоциональные (страстные)—они в среднем составляют около 40%.

Вторая группа: суб'екты абуличные (слабовольные и безвольные)—примерно 25%.

Третья группа: фантасты (деятельные мечтатели) — их около 15%.

Четвертая группа: дефективные—нравственно (5%) и умственно (10%).

Пятая группа: психоневротики (истерики и психоастеники) и психически больные—они вместе составляют, в среднем, 5%.

Разумеется, деление это, как и всякая схема, только приблизительное—мой личный опыт, относящийся к тем же годам, но в глухой провинции, в общем согласуется с приведенной схемой.

Вскрывая основное психологическое содержание каждой группы, проф. П. Г. Бельский отмечает характерные особенности каждой. Для первой группы типична повышенная страстность: жажда удовлетворить свои, обычно довольно элементарные, эмоции—эмоции пола, аппетита, азарта и пр. Это тип растительный по преимуществу. Нравственная дефективность в детях этой группы обычно дает воспитателю хорошие шансы на успех.

Группа натур слабовольных и совсем безвольных характеризуется пассивностью, податливостью и ленью. Воспитательному воздействию эта группа тоже поддается легко, но положиться на детей этой категории невозможно:

слишком они зависимы от посторонних, даже случайных влияний. Поэтому, добившись у них какого либо нравственного успеха, трудно быть уверенным в прочности, устойчивости этого улучшения.

Дети третьей группы—деятельные мечтатели, натуры с пылким воображением, влекущим их и к плохому и к хорошему. Сюда входит многочисленная категория бродяг по призванию, непосед, которых неудержимо влечет на все новые и новые места, все к новым приключениям и впечатлениям.

Здесь—прибавим мы от себя—успех или неуспех воспитательного воздействия всецело зависит от чуткости, проявленной воспитателем при выборе для подростка профессии, вообще образа жизни. Если выбор сделан тактично и правильно, если пылкую фантазию и льющуюся через край активность ребенка удастся направить в согласии с его основными порывами и склонностями, то из него вырабатывается очень полезный и трудолюбивый, а то и талантливый работник.

Гораздо малочисленнее, но зато гораздо тяжелее в педагогическом отношении группа морально и умственно дефективных. На первом плане здесь стоит дефективность нравственная, а умственная часто к ней присоединяется. Здесь оттенки тоже очень различны, начиная от слабой, недостаточной чувствительности к велениям совести и кончая полным безразличием к интересам других. Такие дёти совершенно не умеют понять боль, страдания другого живого существа, человека или животного.

При этом умственная недостаточность сказывается в том, что проступки или преступления совершаются без всякого расчета и без всякого предвидения последствий. Эта категория детей, группа трудно воспитуемых и морально запущенных, составляет как бы переходную ступень к детям уже совершенно больным. В легких случаях они

поддаются все же перевоспитанию, хотя и с трудом, в тяжелых—поддаются этому лишь частично.

Наконец, дети, страдающие психоневрозами и душевными болезнями (чаще всего психоастеники и истерики) дают наихудшее предсказание в смысле возможности их перевоспитания. Это и понятно, ввиду наличия в натуре таких детей глубоких изменений, врожденных или приобретенных, частью даже органического свойства.

Уже из сказанного видно, какую близкую, интимную связь нравственная дефективность имеет с состоянием здоровья ребенка; связь эта всего резче в тех многочисленных случаях, когда основу дефективности составляет именно то или другое телесное расстройство и когда, следовательно, для «выпрямления» ребенка в одинаковой мере нужны как услуги педагога, так и помощь врача.

В дальнейшем, при рассмотрении деятельности комиссий по делам о несовершеннолетних, мы не раз будем иметь случай говорить о сочетанном воздействии на юных правонарушителей врача и педагога, о слитном медико-педагогическом влиянии на них.

Отметим еще, что этическая, в частности, дефективность бывает, по П. Г. Бельскому, трех родов. К группе «диетиков», то есть лишенных этического чувства, относятся дети, у которых наряду с полным отсутствием этого чувства наблюдается часто также умственная отсталость.

Ко второй группе относятся дети, у которых этического чувства тоже не существует, но взамен имеется близкое к нему понятие, утилитарного свойства: «если я украду, то меня побьют и будет больно». Наконец, к группе «автоэтиков» относятся дети: у них мораль хотя и имеется, но своя собственная, индивидуальная мораль.

Разумеется, в чистом своем виде не наблюдается ни одна из этих групп: речь идет лишь о преобладании у ребенка тех или иных моральных понятий и черт.

Нельзя не заметить, что термин «дефективные дети», приобревший большую популярность, вносит в дело, как справедливо указывает д-р Гуревич (сборник «Здоровые дети—светоч будущего», НКЗ. 1923), много вредной путаницы. По своему буквальному смыслу термин этот предполагает наличие убожества, малоумия или морального извращения, фактически же этим термином стали обозначать всякого рода, незначительные даже уклонения от нормы и причислять к дефективным детей нервных, неустойчивых, педагогически запущенных и т. п., то есть, в сущности, детей полноценных, для которых «ярлык дефективности является лишним моментом, унижающим и отягчающим их положение».

Поэтому термин «дефективность», как лишенный точного научного содержания, следовало бы совсем устранить, и если мы в нашем изложении все же иногда им пользуемся, то только в интересах краткости.

Наука по детской дефективности, в частности дефективности нравственной, еще сравнительно молода, и научные учреждения в этой области, в Москве и в Петрограде основаны лишь в самые последние, уже послеоктябрские годы.

Совершенно своеобразный характер имеет обследовательский институт для дефективных детей при Психоневрологической академии в Петрограде. Институт, созданный в 1918 г. усилиями и энергией проф. А. С. Грибоедова, занят, помимо чисто учебных задач—он обслуживает учебные нужды до 1000 студентов—исследованием (клиническим) привозимых дефективных детей из школ, детских садов, семей и комиссий по делам о несовершеннолетних. В случае надобности дети остаются здесь и для более длительного наблюдения, от 2—6 месяцев.

В среднем за год через институт проходит до 1200 амбулаторных детей и до 300 исследуемых стационарно, клинически. В числе уже обследованных за пять лет ра-

боты детей морально дефективные составляют 27%, умственно отсталых было 49% и нервно-больных и психопатов 24%.

Нравственная дефективность и преступность детей.

В дальнейшем мы имеем ввиду не нравственную дефективность в целом и не «ортопедагогию» вообще, а лишь те, не всегда совпадающие с нравственной дефективностью случаи, где ребенок (малолетний или несовершеннолетний) входит в конфликт с уголовным законом, то есть область детской преступности и борьбы с нею.

Мы рассмотрим взгляд законодательства на детскую преступность в истории и в более новое время, опишем вкратце систему детского суда в разных странах и историю вопроса в России и более подробно остановимся на оценке и судьбах Советского законодательства о детях. При этом мы спачала будем иметь ввиду малолетнего правонарушителя как суб'екта преступления, а затем рассмотрим эксплоатацию малолетнего, где он, являясь страдательным лицом, подготовляется жизнью к позднейшим правонарушениям.

Ибо преступление, совершенное ребенком, есть почти всегда прямой ответ на то или иное нарушение интересов, допущенное в отношении к нему взрослыми. Связь эта не всегда ближайшая и непосредственная, но она почти всегда существует.

Из сказанного следует, что нас интересует только те проявления нравственной дефективности, которые выливаются в форму противузаконных актов, вообще в форму общественно опасную или вредную. То, что на обывательском языке называется «испорченностью» ребенка, часто не имеет никаких признаков общественной вредности и потому нас здесь интересовать не может. Мы говорим о

детской преступности в смысле прямого конфликта либо с писанным законом, либо вообще с общественным благом.

Ниже, в главе о статистике детской преступности, мы видим, какое угрожающие развитие, какой бешенный рост обнаруживает это явление почти повсеместно; тем не менее, проблема борьбы с ним сколько нибудь широко стала ставиться только с средины девятнадцатого века. При этом на первом плане стояла и стоит до сих пор борьба путем судебных репрессий, которыми человечество пыталось и пытается «вылечить» болезнь детских правонарушений. О предупредительном же способе борьбы, о системе мер, которые бы предотвращали обращение малолетних на путь преступности, стали думать лишь в последние тридцать—сорок лет, да и то идут по этому пути половинчато и робко.

Надо, впрочем, иметь ввиду, что охрана ребенка в действительно полных, широких размерах и невозможна в рамках капиталистического строя, существующего в большинстве государств: капитализм неизбежно связан с целой системой порабощения бедности и труда, в частности—бедности и труда несовершеннолетних, а этот гнет, в свою очередь, неминуемо плодит и поддерживает преступность.

Итак, на первом плане в деле борьбы с интересующим нас явлением всегда и везде стоял элемент судебный. До нового времени несовершеннолетние либо, по молодости лет, совсем не подлежали суду, либо, если подлежали ответственности, судились в общих судах и даже приговаривались, как правило, к тем же наказаниям, что и взрослые. И это не где нибудь у полудиких народов, а, например, в культурной и передовой Англии, или в герцогстве Виртемберг. В Англии еще в восемнадцатом веке был случай присуждения к казни двух детей, 8 и 10 лет, за убийство; над одним из них приговор был приведен в исполнение.

В Виртемберге в промежуток времени от 1627—8 гг. было сожжено, по приговорам судов, 16 детей в возрасте от 8—12 лет, а в Швеции в 1670 году было приговорено к казни много детей самого юного возраста.

Во Франции смертная казнь допускалась к подросткам по достижении ими 16-летнего возраста, и действительно, за годы 1896—1910 гг. 56 об'виняемых в возрасте от 16—20 лет были приговорены к смерти.

В Германии уголовная ответственность начиналась с 12-летнего возраста, а юноша, достигший 18 лет, уже рассматривался судом, в смысле размера наказания, вполне как взрослый.

В русском законодательстве детская преступность отдельно от общей впервые упомянута очень поздно: первое упоминание относится к так называемому Сыскному Приказу 1666 г. где говорится: «аще семи лет отрок убиет кого, не повинен есть смерти».

Позднее, при Петре Великом, по отношению к детям еще применялись пытки, а именно, по делам о государственных преступлениях.

Общее же определение, относящееся сюда, впервые было опубликовано в указе Сената от 1742 года. Указом этим возраст до 17 лет был избавлен от пытки, сечения кнутом и смертной казни и взамен всех этих кар предписывалось назначать сечение плетьми и заключение навеки в монастыри на тяжелые работы. Но в отношении рецедивистов (как малолетних, так и несовершеннолетних) закон попрежнему предписывал беспощадность.

Следующий указ сената, опубликованный в 1744 году, устанавливал судебную вменяемость с 12-летнего возраста, в дальнейшем же законодательство о подсудности и вменяемости малолетних идет у нас зигзагами.

Так, в 1775 г. все дела о малолетних передаются новым «совестным» судам, и им в их деятельности предла-

гается руководствоваться принципами, довольно новыми и широкими для своего времени, а именно: «человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения».

Самое же ценное в этих вновь провозглашенных принципах заключается в предписании новым судам судить «не только по закону, но и по естественной справедливости» (см. известный обширный сборник «Дети—преступники», изданный в 1912 г. под редакцией проф. М. Гернета).

Впрочем, и здесь либеральный «фасад» эпохи Екатерины II остался, как и в других областях, только фасадом: практика, вопреки вновь провозглашенным началам, остается прежней, и благородные чувства по отношению к юным правонарушителям «борются с нерешительностью, филантропия и угрызения совести за свою жестокость скрещиваются со страхом за свое мягкосердечие».

В 1833 г. в области деления по степеням уголовной ответственности установлено было деление на три возрастные группы, которое с некоторыми изменениями, особенно по закону 2 июня 1897 г., сохранилось вплоть до 1907 г. Первую группу составляли, таким образом, дети до 10 лет, вообще не ответственные по суду, вторую—дети от 10—17 лет и третью группа от 17—21 года.

В отношении второй группы суд определяет в каждом отдельном случае степень разумения и постановляет о применении либо меры исправления, либо меры наказания. В отношении третьей группы меры наказания применялись общие для всех, но уменьшались, ввиду молодого возраста подсудимых, на одну треть.

В Судебных Уставах 1869 года имеется по данному вопросу лишь одно постановление, но оно ценно для нас как первое определенное намерение законодателя изолировать юных правонарушителей от развращающего влияния общей

тюрьмы. Постановление говорит об отдаче малолетних на известный срок в исправительные приюты, вместо заключения в тюрьму.

Следующим этапом в истории вопроса в России явился закон 5 декабря 1866 г. об «Учреждении воспитательно-исправительных заведений для малолетних преступников», чем было положено начало систематической, хотя к далеко недостаточной, борьбе за исправительный принцип в данной области на смену принципа карательного.

Уставы Александра II от 1864 г. как и Уложение о наказаниях 1866 г. (ст. 137) уже категорически устанавливают в отношении малолетних начало исправления их путем особых воспитательных учреждений. Закон разрешает судье применение к малолетнему исправительных мер и призывает к учреждению детских приютов и колоний (так наз. «богоугодных заведений»).

Новый крупный этап—закон 2 июня 1897 г., который в вопросе о судимости детей вводит новый принцип «разумения» и в зависимости от этого ставит степень вменения преступления малолетнему. По смыслу этого закона, безусловно невменяемыми признаются дети до 10-летнего возраста, а в отношении детей от 10—17 лет невменяемость признается условной: это значит, что в каждом отдельном случае суд определяет степень разумения, каким обладает данный подсудимый. До закона 1897 г. Уложение о наказаниях допускало в отношении к детям от 10 лет ссылку на поселение, а для детей от 14 лет каторгу. Закон 1897 г. внес сюда следующие ограничения: детей в возрасте от 10—14 лет разрешалось заключать в особые помещения при тюрьмах на срок до 5 лет, а подростков от 14—17 лет на срок до 12 лет.

Наконец, новое Уложение о наказаниях требовало, чтобы подростки от 14—17 лет направлялись «по преимуществу» в исправительные приюты, а при невозможности

сделать это предписывало помещать их в тюрьму или в арестный дом непременно в **отдельное** помещение для малолетних. В этом случае приговор тоже ставится в зависимость от степени разумения подсудимого, устанавливаемой судом.

В отношении правонарушителей от 17 до 21 года вменяемость признавалась полная, но суд обычно смягчал приговор во внимание к молодости подсудимого.

Нет нужды подчеркивать, что практика русская—как и практика других стран—далеко не совпадала с вновь провозглашенными принципами, и положение малолетних подсудимых в русской тюрьме было ужасающим. Приведем, для иллюстрации, только два маленьких факта: немец-тюрьмовед Венинг при Александре I нашел в русских тюрьмах скованных одной цепью разбойников—стариков и детей 11—12 лет.

Еще полвека спустя, уже в 1874 г., 16-летний мальчик был доставлен по этапу из Пскова в Петербург за грабеж, не сопровождавшийся, к тому же, ни насилиями, ни угрозами; несчастный был приговорен на поселение в Сибирь, и в Петербурге его—тщедушного, недоразвитого физически—доставили в кандалах, с обритой на половину головой.

Заграницей возрастный минимум для полной и условной уголовной ответственности по суду был всегда очень различный. Так, в Италии и Испании полная безответственность существовала до 9 лет, в Дании, Австрии, Голландии, Болгарии и России до 10 лет, в Швейцарии, Сербии, Румынии, Венгрии и Германии до 12 лет, в Турции до 13 лет, в Норвегии даже до 16-летнего возраста—наиболее высокий в Европе возраст, до которого суд признавал подростка вполне безответственным.

Условное вменение признавалось итальянским законодательством начиная с 14-летнего возраста правонаруши-

теля. В Испании этим возрастным пределом было 15 лет, в Швейцарии, Сербии, Румынии, Венгрии и некоторых штатах Северной Америки 16 лет, в России и Болгарии 17 лет и, наконец, в Германии, Франции, Дании, Швеции, Норвегии и нек. штатах Сев. Америки 18 лет.

Если бы в основе различий этих возрастных пределов лежали этнографические или бытовые мотивы, то-есть, более или менее раннее созревание молодежи у разных народов, то такая пестрота была бы естественна и разумна, но ближайшее рассмотрение приведенных данных показывает как раз отсутствие такой зависимости возрастных пределов от срока созревания. Так, некоторые южные законодательства предполагают созревание малолетних для уголовной ответственности в более позднем возрасте, чем иные северные законодательства. Таким образом, в этой области европейские законодательства всегда заключали в себе значительный элемент произвола.

Вообще в законодательстве о детях в истории разных стран много своеобразного и даже неожиданного. Так, в Англии, вообще стоявшей всегда на гораздо высшем уровне культуры, чем, напр., царская Россия, и в частности, гораздо заботливее охранявшей всегда человеческую личность для малолетних правонарушителей издавна существовало и даже сохранилось до последнего времени право судьи постановлять о наказании их розгами (до 15 ударов), наряду с помещением их в воспитательно-исправительное заведение. Между тем, царская Россия в своих воспитательно-исправительных заведениях для малолетних отменила телесные наказания еще в 1909 г. Но при всей пестроте картины в разных странах, она об'единяется одним основным признаком: уголовный закон остается общим для взрослых и для детей, и если юный возраст подсудимого не исключает ответственности, то аппарат суда действует в отношении к нему по общему правилу. В лучшем случае

для признанного вменяемым малолетнего отмеривается более легкая, пониженная кара, то есть пускается в ход— в пределах, повторяю, общего судебного процесса—то великодушие и та «естественная справедливость», к которой. наряду с буквой закона, признавал отмеченный выше, гуманный русский закон 1775 г.

Только поздно и очень медленно культурное человечество начинает отказываться, в отношении к малолетним, от своего обычного взгляда на правосудие как на способ наложения кары, в целях устрашения преступника и гарантии общества от новых противузаконных актов. Но уголовный закон оставался для малолетнего все тем же карательным орудием, что и для взрослого, только в меньшей дозе. И если даже государство и задавалось целью исправить малолетнего правонарушителя, то цель эта стояла на втором плане. Учитывалась не личность ребенка, а лишь содеянное им.

Оставалось в тени—и во всяком случае не находило себе выражения в уголовном законодательстве—все своеобразие детской психики, вся импульсивность детских порывов, вся неодолимость вредных и разрушающих влияний окружающей ребенка среды.

Самое же главное — оставалось в пренебрежении то великое зло, какое общий уголовный суд и особенно, следующее за ним пребывание в общей тюрьме оказывает на податливую психику, на несложившийся характер, на неокрепший даже в физическом смысле организм подростка.

Нужны были настойчивые усилия лучших людей целых поколений для того, чтобы культурные страны Запада и Америки поняли всю нецелесообразность и невыгодность того порядка, при котором государство как бы само подготовляет все новых и новых молодых нарушителей закона, держит для них суды и тюрьмы, тратит массу денег и энергии на борьбу с бедствием, все более и более растущим.

Вместо того, чтобы влиять на источники преступности детей, вместо того чтобы тратить деньги и усилия на исправление, «выпрямление» свихнувшихся, государство ждет, пока эти, в огромном большинстве случайные правонарушители станут глубоко испорченными, привычными ворами или грабителями. превратятся в закоренелых рецидивистов—и тогда только спохватывается и берется за дело устрашения или за дело исправления и перевоспитания—с почти одинаково слабыми шансами на успех.

Практичные англичане и американцы много раз делали точные подсчеты тех миллионов фунтов стерлингов и долларов, которые уходят на заведомо неосуществимое дело: черпают море ковшом, вылавливают из моря житейского отдельных маленьких «преступников», оставляя нетронутыми ту почву, ту среду, на которой они вырастают, и делая из случайно преступившего закон ребенка впоследствии настоящего и отпетого обитателя тюрем.

Первым шагом, внесшим значительное улучшение в эту мрачную область, явилось устройство специальных детских судов, где исправительная, педагогическая задача занимает уже гораздо более видное место. Громадное значение, и не только принципиальное, но и чисто практическое, имела эта подсудность преступивших закон детей специальным судам; рядом с этим радикально изменились в лучшую сторону и приемы судебного воздействия на малолетних подсудимых, и нормы приговоров, и внешняя, техническая процедура судопроизводства.

Та восьмилетняя девочка в Филадельфии, которая подожгла дом с целью посмотреть. как приедут пожарные и будут подставлять лестницы, была бы приговорена (дело было в семидесятых годах 18-го века) общим уголовным судом на 8 лет в исправительное заведение, где, конечно, погибла бы безввозратно. Ее судьба побудила энергичную деятельницу «детского движения» в Америке м-ль Анни

Шлаф поднять широкую общественную кампанию за устройство в штате специальных детских судов, и уже через несколько месяцев был вотирован особый закон, а месяцем позже открылась в Пенсильвании первая камера детского суда. Не случайно это—отметим вскользь—что детские суды впервые появились в Америке: страна крупных центров, естественно, испытывала особую тревогу перед детской преступностью.

Почти одновременно в Америке стал приобретать популярность, в качестве непременного дополнения к особой детской юрисдикции, также институт попечительного присмотра: в весьма значительном числе случаев отдача малолетних, постановлением детского судьи, в руки ответственных попечителей („probation officer") приводит к самым лучшим результатам в смысле выведения малолетнего на правильную трудовую стезю. Дело в том, что для детского суда само по себе преступление имеет малое значение: для него важен весь облик ребенка в целом, так как только исходя из общего облика подсудимого можно установить, каким путем легче всего добиться его исправления.

Впервые система попечительного присмотра („probation system") введена была в Америке, в штате Масачузетс в 1878 г. В Чикаго первый детский суд был учрежден в 1899 г., после введения законов о беспризорных и бесприютных детях и об особых камерах для рассмотрения «детских дел».

Через десять лет, накануне учреждения в России первого детского суда (в 1910 г., в Петербурге) в Америке детские суды существовали уже в 30 штатах из 46, в дальнейшем они были введены уже повсеместно. Что же касается института попечительного присмотра, то он к 1909 г. существовал уже по всей Америке.

Мало по малу детские суды, как мера борьбы с детской преступностью, распространяются во всех странах. Мы не будем здесь прослеживать шаг за шагом перипетии этого вопроса: формы детских судов и других, смежных с ними, институтов настолько разнообразны, что подробное изложение их возможно только в специальном исследовании. Укажем только важнейшие даты по введению этих судов: в 1905 г. они впервые появляются в Англии, в 1907 г. во Франции, в 1908 г. в Германии и Италии, в 1910 г. в России, в 1911 г. в Португалии, в 1912 г. в Швейцарии, Бельгии и Франции.

Крупнейшую роль в истории разбираемого вопроса сыграл знаменитый „Children Act“ в Англии (1908 г.), обычно называемый «Великой хартией детей». Действительно, еслибы все положения этого благодетельного акта полностью проводились в жизнь—что в рамках капиталистической Англии, конечно, немыслимо—то проблема борьбы с детской преступностью, вообще задачи охраны детства были бы разрешены почти целиком. Полнее наименование акта говорит об «Охране жизни малых детей, охране несовершеннолетних от жестокого обращения, об исправительных учреждениях, о малолетних правонарушителях и о детских судах»—то-есть, охватывают весь об'ем вопроса о правовой охране детства и социальной помощи детям (за исключением опеки).

Согласно этому биллю, тюрьма и содержание малолетних в обыкновенном арестном помещении допускается только в исключительных случаях, в отношении же детей до 14 лет не допускается ни в каком случае.

Из массы разнообразных постановлений о детских судах в различных странах выберем несколько более типичных особенностей, ценных для нас ради сопоставления с принципами и практикой Советской России.

Такими характерными чертами является, во-первых, единоличность детского суда на Западе (и в Америке)— в противуположность коллегиальности нынешних комиссий по делам о несовершеннолетних. В Западной Европе и в Соединенных Штатах единоличный судья либо назначается правительством, либо, в других местах, избирается самим населением или же судьями из своей среды. При этом от кандидата требуется не только юридический опыт, но и опыт в обращении с детьми.

Впрочем, не везде на Западе детский суд был единоличным: примером коллегиального детского суда, имеющего основные черты наших комиссий, является суд в странах Скандинавии, где, как в Дании, в состав суда входили, как и у нас, учитель, врач и юрист и кроме того, еще священник.

Далее считается всеми законодательствами полезным, в интересах детей, ограничить публичность заседаний детского суда, и о них запрещается писать в газетах. Во всяком случае не разрешается приводить в отчетах подробности и имена.

В тех же целях ограничений публичности, заседания назначаются в одном из небольших помещений (комнат) судебного здания, лучше в ранние утренние часы. Вход в камеру детского суда обычно устраивают с боку здания, по возможности незаметно. Даже представители печати допускаются в зал заседаний с ограничениями.

Что касается участия сторон, то представителей обвинения не существует, участие же адвокатов местами (напр., в Англии и в некоторых штатах Америки) предусматривается законом, но на практике почти не применяется. Порядок суда, с некоторыми вариантами, везде одинаковый.

Самым новейшим из законов о детских судах за рубежом, какой мне известен, является новый закон о судах

для юношества, вступивший в силу в Германии с 1 июля 1923 г. Отныне все дела о преступлениях, совершаемых несовершеннолетними, передаются в специальные шеффенские суда для юношества. Дела, вообще подсудные суду присяжных, рассматриваются юношеским судом („Iüngendsgericht“) в усиленном составе: двух судей и трех шеффенов (присяжных). Член суда для юношества есть вместе с тем и опекунский судья.

По новому закону дела о преступлениях несовершеннолетних не должны быть соединяемы с уголовными процессами взрослых. Во избежание торжественности обстановки и вредного влияния на ребенка усиленного внимания к нему со стороны публики, разбор дела и вынесение приговора происходит при закрытых дверях. В тех же психологических целях суд имеет право, если находит нужным, во время прения сторон удалить обвиняемого из залы. Защита в более серьезных делах обязательна, в других допускается сообразно обстоятельствам дела.

С наибольшем сочувствием встречен пункт нового закона, по коему наименьший возраст уголовного совершеннолетия отодвинут с 12 до 14 л. С 14 же до 19 л. несовершеннолетний лишь в том случае несет наказание за свое деяние, если во время совершения его он по своему духовному развитию был в состоянии понимать неправомерность своего поступка и сообразно этому разумению управлять своей волей. Суд только в том случае вправе подвергнуть несовершеннолетнего какой-либо карательной мере воздействия, если вина его в совершении преступного деяния вполне доказана. Если же этого нет, то суд не вправе вынести никакого постановления даже в том случае, если будет обнаружена крайняя испорченность обвиняемого: правом этим в последнем случае пользуется суд опекунский.

Если вина подростка доказана, то суд или сам постановляет о принятии какой либо воспитательной меры воздействия, либо передает решение этого вопроса опекунскому судье. Если правонарушение незначительное, то несовершеннолетний может быть совсем освобожден, при чем на него возлагаются издержки по производству.

Меры воздействия, предусматриваемые новым законом: помимо установления надзора и отдачи на воспитание за счет государства, предупреждение (нечто близкое к выговору), отдача на воспитание определенному надежному лицу или в школу, возложение на несовершеннолетнего определенных обязанностей.

Под этим последним разумеется следующее: несовершеннолетний может быть приговорен к выплате некоторой суммы возмещения, к заглажению причиненного вреда, к принесению извинений на суде или же на месте совершения проступка (чаще всего в школе, по поводу школьных проступков).

Суд может также обязать несовершеннолетнего прекратить посещение трактиров, потребление спиртных напитков, курение табаку, игру в карты, переменить местожительство, принять определенную работу, переменить профессию, примкнуть к какому нибудь юношескому союзу и пр.

Если подросток не имеет убежища, или же с согласия лиц, на попечении которых он находится, суд может постановить о помещении его в какой либо детский дом, приют и пр.

В отношении мер карательного характера новый закон вносит следующие смягченные, сравнительно с карами для взрослых, нормы: вместо смертной казни или пожизненной каторжной тюрьмы определяется 10 лет тюремного заключения или заключения в крепость.

При временном лишении свободы наказание понижается на одну степень. Передача подростка в руки общей полицейской области не допускается.

В разных стадиях процесса суду предоставляется право приостанавливать производство и не приводить приговора в исполнение.

Вообще новый германский закон является дальнейшей ступенью в деле перехода от карательных к чисто воспитательным мерам воздействия на юных правонарушителей. Но шаг, сделанный Германией по этому пути, как мы видели, все еще достаточно робок и нерешителен: судебная, карательная точка зрения и теперь еще преобладает очень заметно.

Везде издание законов о детском суде сразу резко понижало, конечно, число попадавших в тюрьмы подростков. Так, в Чикаго до соответственного закона о детском суде ежегодно присуждалось в тюрьму 568 подростков в возрасте от 16—19 лет, после же издания закона только 370 (беря среднее за пять лет), В Берлине за первые семь месяцев после издания закона 1908 г. в тюрьму были присуждены только 17,6% привлеченных к суду несовершеннолетних, а в Бирмингаме за весь 1911 г. в тюрьму не попал даже ни один подросток.

Вообще в Англии указанное явления выразилось всего красноречивее. Так, в 1908 году в английские тюрьмы было отправлено подростков до 16 лет 547, тогда как в следующем 1909 году, когда стал действовать только что введенный „Children Act“, это число упало до 297, в 1910 г. 51, в 1911 г. 21, в 1912 г. 40 и в 1913 г. 15. Наполовину уменьшилось и число арестованых в возрасте от 16—21 г.: в 1908 г. их было 13.811, а в 1913 г. 7490.

Таким образом, детский суд, как он обрисован выше, остановился на полдороге между формами общеуголовного суда и приемами воспитательного учреждения. Подробнее

этот половинчатый характер детского суда на Западе и в Америке нам станет ясен после ознакомления с историей комиссий о несовершеннолетних в Советской России.

Выше, в заглавии „Children Act“, говорится о «малолетних правонарушителях» в противуположность «малолетним преступникам». Этот оттенок в терминологии имеет громадное принципиально-правовое и педагогическое значение. Хотя Англия и после введения в жизнь названного акта еще не совсем разделилась с традиционным взглядом на детскую преступность, но важно уже одно то, что оффициальный юридический язык отныне начинает избегать термина «малолетний преступник» и говорит именно о «правонарушителе», что, конечно, гораздо больше отвечает действительному облику громадного большинства юных обвиняемых и имеет, кроме того, все преимущества с точки зрения педагогической.

Глубокий смысл и большую ценность представляет собой то, с виду незначительное обстоятельство, что наши нынешние комиссии даже не называются судами и вообще в своей терминологии тщательно избегают всего, что ассоциируется с преступлением, с уголовщиной, с приговором и проч.

Поэтому нас, работников современных детских комиссий, обычно задевает та небрежность и необдуманность языка, с какой многие, даже крупные наши учреждения говорят о «малолетних преступниках» или, еще хуже, о «колониях для малолетних преступников» вместо «колоний для юных правонарушителей».

Следует раз навсегда условиться говорить не о детях—преступниках, а о детской преступности, ибо борьба ведется, конечно, с **явлением** преступности, а не с самыми подростками, вступившими в столкновением с уголовным законом.

Всемирный пенитенциарный конгрес 1910 г. в Вашингтоне (см. доклад о нем делегата конгресса, проф. П. И. Люблинского) установил, как незыблемое положение, что малолетние не подлежат никаким карательным репрессиям. Дух постановления этого конгресса позволяет нам сделать вывод, что участники его—кстати сказать, люди высокого опыта и знаний, практической осторожности—вообще отрицали существование детей—преступников в том смысле, как мы это говорим в отношении взрослых. Постановление конгресса явилось, без преувеличения, идейной революцией в области законодательства о детях.

Глубокую перемену во взглядах на детскую преступность в новейшее время удачно и просто выразила украинская исследовательница вопроса А. Рубашева. Самый факт проступка или преступления—говорит она—для детского судьи не должен иметь значения, и когда он отправляет ребенка, после разбора дела, в воспитательное учреждение для принудительного воспитания, он должен уяснить себе—не **«за что»** он отправляет ребенка, а **«зачем»**, с какой воспитательной целью и надеждами.

Тяжелым, мучительным, но неуклонным путем приближается человечество к новому взгляду на дело. Все большее число сторонников приобретает врачебно-педегогический подход к делу детской преступности. Не карать, во имя веления закона, а возраждать к трудовой, общественно-полезной жизни, не отвешивать порцию—хотя бы и уменьшенную—страданий и унижений для тех, кого мы пышно называем «цветами жизни», а ставить эти «цветы» в нормальные условия развития и роста, не страшать и запугивать «чтоб другим неповадно было», а выпрямлять и возвращать к здоровой обстановке—вот какие задачи, не только чуждые общему суду, но отчасти ему противуположные, ставит себе современное детское законодательство.

Этого идеала не достигло еще ни одно законодательство мира. Советское право ближе всех остальных правовых систем подошло к указанным целям, хотя позднее и замутилась чистота его принципов, сузился размах его работы и его результатов.

Причины детской преступности.

Нищета, безпризорность, развращающая обстановка, плохие физические и моральные условия среды, дурная наследственость—вот движущие силы детской преступности.

Лет двадцать тому назад в Америке широкую известность приобрел детский судья города Денвера Линдслей. По его мнению, корень детской преступности лежит в беспризорности и соблазне, и «главная цель детского судьи состоит в том, чтобы помешать совершению преступлений». «Надо исправить, укрепить и охранить от падения всех тех, кто мог бы стать преступником».

Действительно, выдающуюся роль беспризорности—понимая под этим вообще недостаток ухода и надлежащего воспитания—подтверждает статистика детской преступностивсех стран. Особенно широкое подтверждение выставила наша родина в последние годы в разгар беженства, сначала военного, потом политического, и в периоды голодовки с голодной эвакуацией.

Еще старая русская статистика считала, что среди малолетних об'виняемых в преступлениях, влекущих за собой тюремное заключение, 73% выросли на почве беспризорности, а кражи, присвоения и грабежи, вообще правонарушения имущественного характера занимают в общем числе детских правонарушений до 80%. Впрочем, громадное преобладание имущественных правонарушений свидетельствует, строго говоря, не о факторе беспризорности,

а о другом, не менее кардинальном факторе, именно о материальной нужде: беспризорность возникает уже вторично, как следствие нужды [1]).

Социальный состав юных правонарушителей хорошо иллюстрирован в отчете детского судьи Н. А. Окунева, в его статье—отчете о петроградской камере детского суда за 1914 год. Из числа привлеченных к ответственности только 54% имели какое-либо занятие при совершении проступка. Среди девочек было 34,7% прислуги и 20,3% работало в мастерских, а среди мальчиков 35,5% работало в мастерских и 11,5% на фабрике, столько же было торговцев.

Н. А. Окунев приводит ответы ряда привлеченных подростков о том, чем непосредственно было вызвано преступление. Ответы нередко циничны: хочу пожить по настоящему, играть на тотализаторе, в карты, иметь любовницу (иногда даже двух сразу), пьянствовать. И в этой мотивировке—подчеркивает Н. А. Окунев—нет ничего удивительного, ибо позади у этих юнцев—учеба и побои в мастерской, где нибудь в трактире или в бане, где «отбивали печенки», где «били сапогами под самую душу».

В русских исправительных колониях в годы 1911—15 менее одной пятой питомцев жили при родителях, от 42—56% уже сами находились на службе или на работе, от 11—14% раньше бродяжили или нищенствовали.

Одним из крупнейших в России исправительно-воспитательных заведений был огромный, на 1200 питомцев, Рукавишниковский приют в Москве. Согласно отчета этого

[1]) Один из частных факторов повышения в связи с войной, спроса на детский труд, особенно уличный (папиросники, газетчики). Для детей—газетчиков существует даже (особенно в Москве, в районе Сухаревки) особые карточные притоны, где дети—газетчики, а также торгующие папиросами, ирисом и пр., проигрывают крупные суммы денег и даже платье и обувь.

приюта за 1913 г. (в общем отчете б. Главного тюремного управления), 75% родителей всего детского населения приюта принадлежали к фабричным рабочим, ремесленникам и поденщикам, 17% родителей занимались земледелием и только 8% жили на собственные средства. Семейное положение воспитанников определяется тем, что 57% их были сироты, полусироты и внебрачные дети—а известно, какое бремя, бесправия, гнета, унижения и беззащитности лежало на этой последней категории детей, еще не так давно именовавшихся нелепым и жестоким термином «незаконнорожденные».

Из той же сводки интересно отметить еще, что 13% родителей рукавишниковских питомцев не имели определенных занятий, а 10—20% имели прямое уголовное прошлое; можно себе представить, значит, моральную обстановку, в которой росли дети. Нередко родители, как было тогда установлено, учили детей фиктивным кражам, для того чтобы их приняли в приют. До 60% родителей оказалось алкоголиками.

Роль алкоголизма в детской преступности—как и в общей также—настолько велика, что нелишним будет привести еще несколько цифр. Так, в том же Рукавишниковском приюте (согласно другим источникам) за десятилетие 1900—1909 г.г. сильно пьющие отцы воспитанников составляли 54%, сильно пьющие матери 13%, умерли пьющие отцы в 44% случаев, пьющие матери в 38%, не пьющие отцы (среди умерших) 9% общего числа, не пьющие матери 8%.

Весьма выразительны данные о 105 подростках 10—15 лет, выбывших в 1908—1909 гг. из отделения для малолетних при Московском городском работном доме. Среди их родителей оказалось алкоголиков—отцов 47, матерей

24, страдающих сифилисом, чахоткой или душевными болезнями отцов 14, матерей 20. Из числа самих 105 подростков 35 выпивали и 75 курили.

Зависимость преступности от состояния опьянения общеизвестна. Косвенно зависимость эта иллюстрируется также анализом того, на какие дни недели преимущественно падает совершение преступлений.

Так, то же обследование, относящееся к 1908—09 гг., о котором сказано выше, показывает, что в понедельник и в послепраздничные дни было совершено 25 преступлений, во вторник 17, в среду 13, далее 15 и 5 затем в субботу и предпраздничные дни 27 и в воскресения и праздники 69. Таким образом, на наиболее «пьяные» три дня, от субботы до понедельника причитается из общего числа 163 преступлений—113, а на остальные четыре дня 50 преступлений: разница очень резкая.

Очень рельефно влияние голода на преступность детей, согласно данным В. Куфаева («Право и Жизнь», июнь 1922 г.); влияние это рисуется, в суммарных цифрах, следующим образом. В 1920 году за первое полугодие по всей Республике (без Москвы и Петрограда) поступило во все комиссии 12500 дел о несовершеннолетних, а в 1921 (голодном) году тоже за первое полугодие число поступивших дел достигло 32.535, то есть подскочило на 160,6%.

В Уфе, в Самаре, Саратове, Челябинске констатирована даже прямая пропорциональность между ростом цен на хлеб и под'емом детской преступности. Характерно, что рост, и очень резкий, наблюдался не только в голодающих районах, но и в местах иммиграции голодных, как, например, в Москве, Ташкенте, Ростове, Краснодаре и пр.

Зависимость между числом несовершеннолетних правонарушителей и ценами на хлеб видна из прилагаемой таблицы по Москве за 1921 г.

Число несовершеннолетних, по месяцам:

435, 584, 697, 557, 533, 1027, 1453, 1867, 1353, 860, 990 и 684.

Цена фунта хлеба и картофеля, в рублях, в те же месяцы:

1150, 1675, 2860, 2737, 2825, 3532, 4800, 3900, 3300, 2938, 3780 и 5000.

Параллелизм очень явственный.

В Москве, опять-таки в прямой зависимости от голодного беженства, в 1920 г. зарегистрировано было дел о несовершеннолетних правонарушителях 9000, а в 1921 г. 11400—повышение на 27,3%.

Даже в сытом Краснодаре, далеком от мест неурожая, но привлекшем немалое число голодных беженцев, наблюдалось то же явление: главный контингент несовершеннолетних правонарушителей доставили в это время беженцы из Поволжья. Так, в 1920 г. в местную комиссию поступило всего 2043 дела, а в1921 г. 2596—повышение на 27%. Краж было совершено несовершеннолетними в 1920 г. 1351, а в 1921г. 2071—увеличение на 53%. В тоже время фунт хлеба вздорожал за год в 12 раз.

Разумеется, здесь играет роль не только вздорожание предметов первой необходимости и вообще, не только нужда, но и безпризорность: среди голодных беженцев, как известно, громадный процент составляли сироты и полусироты.

Даже дела о тяжелых правонарушениях при ближайшем знакомстве с условиями жизни подростка оказываются зачастую последствиями и прямым выражением беспризорности. вообще дурной обстановки, в которой живет подросток. В однодневной газете «Спасайте детей», изданной комитетом «Недели беспризорного и больного ребенка в Москве» апрель 1923 г. С. Копелянская приводит несколько красноречивых иллюстраций к этому.

В Звенигородском уезде девочка 15 лет, обвинялась в соучастии в сожжении своего собственного новорожденного младенца. «Преступление кошмарное, от всего дела веет чем-то нереальным по дикости и мрачности происшедшего». И с первого взгляда у многих готов вывод: девочка эта — преступница, выродок, ее нужно предать каре и изоляции»...

В действительности же картина такая: мать умерла, детей 7 человек, отец в пьяном виде изнасиловал ее, 14-летнюю девочку, боявшуюся его и не знавшую жизни («мать не об'яснила мне»). После изнасилования отец продолжал жить с ней.

Родился ребенок. Когда она лежала в безпамятстве после родов, отец, сам принимавший ребенка, сжег его. Ей вначале «было все равно». Потом «жалела»... Когда встала, выгребла золу из печки («костей не нашла») и постирала золой белье...

Ужасна и другая картина. Мальчика 16 лет обвиняли родители 5-летней девочки в ее растлении. Когда явилась милиция для его ареста. она нашла «преступника» совершенно голым. Оказалось, что у него, как и у его двух братьев (13 и 12 лет) нет никакой одежды и они поэтому не ходят даже в школу.

Старшие уходят на работу, а дети остаются без присмотра, без занятий, даже без одежды. Факт растления девочки (дочери соседей по комнате) остался недоказанным, но факт «баловства» с ней был установлен. Можно ли удивляться, что предоставленные самим себе целыми днями, совершенно раздетые, лишенные занятий, надзора, разумных развлечений—запертые вместе мальчики и девочки занимаются нездоровыми «играми», которые приводят к подобным последствиям?

Таковы тяжелые правонарушения, в большинстве же случаев причинная связь между беспризорностью и правонарушением, обычно гораздо более легким по своему значению, еще очевиднее.

Еще в старом исследовании проф. Богдановского («Малолетние преступники», 1881 г.) находим много данных, иллюстрирующих связь между правонарушениями несовершеннолетних и семейным положением, занятием родителей. Так, по статистике французской и английской, приводимой Богдановским, 40% юных правонарушителей беспризорные, 10% дети преступников, столько же детей нищих, бродяг и проституток. К такому же выводу приходят: Ферриани, Кистяковский, Ро, Тарновский, Ленц, Корр и др.

Корр исследовал семейное положение 8006 несовершеннолетних, содержавшихся во французских местах заключения в 1864 г., и пришел к заключению, что 60% из них родились вне брака, в том числе 38% от бродяг и публичных женщин. То же нашел Ферриани в отношении Италии. Луккини нашел 1.540 сильно нуждавшихся, 792 имевших лишь самые необходимые средства, 104 подростка жили раньше в условиях полузажиточных и только 11 произошли из зажиточных семей. По Ферриани, из 2.000— только 148 никогда не знали нужды.

По русской статистике (того же Богдановского) из более обеспеченных слоев выходили от 2 до 4 процентов юных правонарушителей, около 25% из среды фабричных рабочих, ремесленников и прислуги и 10% из среды нищих, не имеющих определенных занятий и даже определенного места жительства.

Надо, впрочем, при оценке этих выразительных цифр иметь ввиду то обстоятельство, что правонарушители из более зажиточных слоев чаще, чем из бедноты, оставляются на исправление в семье и потому не входят в статистику ни детских приютов, ни арестных помещений.

По отчету первого детского судьи в России, петроградского мирового судьи Н. А. Окунева, в 1910 г., поступило 5.437 дел, в том числе о кражах 1.725 (почти треть), о нищенстве 466 и о мелких полицейских нарушениях 2.042. Среди обвиняемых было 3.869 мальчиков и 327 девочек— последних, таким образом, меньше 10%; отметим кстати, что такое соотношение между правонарушениями обоих полов (как 1:10)— величина довольно постоянная. В моем опыте, относящемся к двум губернским комиссиям по делам несовершеннолетних (годы 1918—1921), девочки тоже составляли около десятой части всех прошёдших через комиссию.

Возвращаясь к петроградской статистике за 1910 г., интересно присмотреться к данным о малолетних, привлекавшихся за кражи, растраты, присвоение и мошенничество, то есть по правонарушениям имущественным, которые всего ближе связаны со социальными факторами, тогда как преступления против личности обусловливаются нередко факторами биологическими.

Большинство малолетних, привлекавшихся в отчетном году по указанным правонарушениям, принадлежало к крестьянскому сословию: 85% среди мальчиков и 80% среди девочек. Целых три четверти из этой категории оказались в возрасте 14—16 лет, то-есть в периоде, переходном от детства и юности, когда формируется характер и определяется нравственый облик.

Период между 14 и 16 годами вообще наиболее благоприятствует конфликтам с законом, тем более, что он совпадает с наибольшим обменом веществ и наибольшей потребностью организма в пище. У мужской молодежи эта потребность гораздо настоятельнее, чем у женской.

Уже затронутое выше соотношение между преступностью и уровнем образования иллюстрируется в петербургском отчете за 1910 г. следующими данными: 57% мало-

летних получили образование ниже начального, 32% начальное, 5% выше начального и 5% были вовсе неграмотны. Невысокий процент совсем неграмотных легко об'ясняется сравнительно высоким культурным уровнем столицы, но в менее крупных губернских городах, а тем более в уездной России среди привлекаемых к ответственности малолетних процент неграмотных и малограмотных бывает неизменно очень высоким. Здесь сказывается не только цивилизующее действие самого образования, но и более высокий, обычно, уровень призора за детьми в том кругу и в тех семьях, где детям озабочиваются дать образование.

Данные о связи между образованием подростка и его склонностью к правонарушениям везде одинаковые. Так, в итальянских реформаториях 22% воспитанников не получили никакого образования и 52% получили слабое образование. В Рукавишниковском приюте в Москве только четверть до преступления окончила курс в школе, а по всей России в годы 1911—1915, по сведениям Гл. Тюремного Управления, 27% осужденных в возрасте до 17 лет были совершенно неграмотны.

Влияние материальной обстановки на частоту правонарушений видно из того выразительного факта, что 54% привлеченных подростков в момент совершения проступка не имели никаких занятий (источника заработка), а 48% принадлежали вообще к необеспеченным семьям.

Небезынтересны, с точки зрения влияний, среди которых жили привлекаемые, сведения о характере читаемых ими книг: 44% их читало выпуски «Похождений Пинкертона», «Шерлока Холмса», «Ника Картера» и пр. В какой мере такое чтение может быть ответственным за нарушения уголовных законов?

Возможности некоторой психической заразы, идущей со страниц этой уголовной бульварщины, отрицать нельзя,

равно как нельзя отрицать «заразительности» авантюрных и детективных картин кинематографа. Подобная инфекция, сама по себе не будучи в состоянии сделать ребенка правонарушителем, способна все же, в ряду других воздействий, толкнуть ребенка на путь проступка, а то и преступления.

Быть может, отчет магдебургского детского судьи, который полагает, что пятая часть подростков, совершая свое первое преступление, имеет целью достать себе денег для посещения кино, слишком сгущает краски, но в общем влияние этого искушения несомненно, особенно при нынешнем поголовном увлечении кино. Иногда преступление, совершаемое подростком, даже прямо является попыткой воспроизвести, по приемам и обстановке, преступление, виденное им на фильме.

В статье «Кинематограф и детская преступность» А. П. Зак («Дети преступники»), сообщает следующие данные, взятые из материалов анкеты 1912 г.: из 1.123 ответивших детей 610 детей, сравнивая книгу и кино, отдали предпочтение книге (54,3%) и 409 (40,9%) отдали предпочтение кинематографу; 4% любят одинаково и то и другое. И автор делает отсюда правильный вывод: «Книга, воспитательница человечества уже втечение тысяч лет, сразу потеряла почти половину своих позиций, занятых победоносным завоевателем».

Но и кино, и литература уголовщины, детективов, пинкертовщины и пр. способны, в конечном счете, только дать толчек к совершению правонарушения, истинная же почва, на которой вырастает это последнее, лежит, как мы уже видели, гораздо глубже.

Неблагоприятные жилищные условия играют виднейшую роль в качестве стимулов детской преступности. Скученность каморочно-коечных квартир и «углов» толкает детское население с самых юных лет в гущу жестокой борьбы за существование, обнажает перед ребенком изнанку

человеческих отношений, грязнит его воображение, принижает и мельчит его мысль, уродует его инстинкты, преждевременно пробуждает в нем такие желания, которых он не в состоянии ни преодолеть, ни удовлетворить нормальным, законным путем.

В частности, девочка большого города, растущая в такой обстановке, да еще лишенная, к тому же, даже простого надзора старших (родители уходят на фабрику, в магазин и пр.), часто толкаются в об'ятии проституции и жизнь женщины начинают почти неизбежно раньше нормального срока. Детская проституция, укажем кстати, в значительной мере маскирует преступность девочек: нужда понуждает их торговать собой вместо того, чтобы заниматься кражами.

По данным петербургского детского суда за 1910 г., 10% девочек, прошедших перед судом, продавали себя. Но это уже были случаи, когда занятие проституцией обнаруживалось попутно, напр., в связи с кражей у «гостя» в бане, в трактире, в меблированных комнатах и пр.

Проституция имеет вообще теснейшую связь с преступностью среди девочек; можно даже утверждать—таков, по крайней мере, мой опыт—что всякий сколько-нибудь серьезный случай нравственной запущенности или, правонарушения со стороны девочки—а тем более, случай рецидива—непременно связан с активной половой жизнью девочки, если не прямо с занятием проституцией.

У всякой юной правонарушительницы уже имеется половой опыт, и вокруг этой области обычно располагается вся ее жизнь, в том числе и столкновения с законом. Поистине, детская проституция есть родная сестра уголовной преступности в женской среде.

Что касается мальчиков, то ранняя половая жизнь не всегда так разрушительно действует на всю их личность. Исключение составляет пассивная педерастия («гольцы»,

«маргаритки» в тюрьмах), а также «коты» при малолетних проститутках, такие подростки неминуемо совершают также и серьезные нарушения уголовных законов.

Возрастный состав проституции был широко обследован в России в августе 1888 г. Обследование охватило огромную армию в 17.603 проститутки и среди них оказалось: моложе 12 лет 0,4%, от 12—13 лет 0,8%, от 13—14 лет 2,4%, от 14—15 лет 6,6%, от 15—16 лет 12,1%, от 16—17 лет 15,9% и от 17—18 лет 14,9%. В частности, в Петербурге в 1909 г. из 373 проституток было дефлорировано (лишено девственности) в возрасте до 18 лет 259 женщин.

Эти тысячи девочек, занимающихся проституцией как ремеслом, почти все без исключения правонарушительницы—по крайней мере, потенциальные—не говоря уже о том, что само по себе занятие проституцией в юные годы не может не быть связано с далеко зашедшей моральной запущенностью. Проститутка, да еще малолетняя, есть не только паразит, ведущий нетрудовую жизнь, но и антиобщественная личность, требующая глубокого перевоспитания. И малолетняя проститутка, хотя бы и не совершившая прямого уголовного деяния, должна быть предметом упорной и систематической заботы воспитателя.

Хотя детская преступность есть явление типично городское, особенность, главным образом, крупных центров с их напряженной борьбой за существование, с периодической безработицей и соблазнами улицы, но в последние годы дань этому общественному бедствию отдает и деревня, в особенности в голодных местах и в центрах усиленной гражданской войны, восстаний и бандитских выступлений (на Украине, в Сибири, на Дону).

Ближайшая связь между склонностью к общественно-опасным проступкам и отвращением к труду очевидна. Итальянский исследователь Ферриани на материале 200

правонарушителей до 20-летнего возраста пришел к заключению, что больше половины их (1112) оказались совершенно ленивы, 545 оказались «полуленивыми», 232 «не любят труда» и только 79 трудолюбивы. В общем, отвращение к труду, особенно к труду регулярному является в среде **привычных** правонарушителей правилом, противуположная черта—редкое исключение. Но, конечно, здесь имеются ввиду именно привычные правонарушители, морально запущенные подростки, а не случайно совершившие общественно-опасный проступок дети.

Вопрос о роли наследственности в происхождении преступности еще далеко не закончен разработкой. В качестве сравнительно свежего, недавно изученного материала приведем данные, полученные немецким врачем Ратом при исследовании им 500 преступников, произведенном в 1914 году.

Наследственный фактор Рат нашел у 98—процент, кстати сказать, подозрительно большой!—в том числе у семерых преступниками оказались отец и мать. В 5 семьях из этих последних все 15 сыновей были присуждены по разным преступлениям к каторжной тюрьме, в 6-ой семье из 5 братьев было 3 преступников, в 7-ой из 7 детей двое.

В тех из изученных Ратом семей, где отец был осужден и мать тоже, видимо, имела преступные наклонности, из 32 детей было осужденных 28, т. е. 87,5%. Здесь также фактор наследственой отягощенности, фактор биологический выступает с исключительной выпуклостью. Но если даже принять без оговорок эти жуткие цифры наследственно «обреченных» на преступление как вполне точные, то не будем все же забывать, что и здесь громадную, трудно учитываемую роль играют, рядом с чисто врожденными влияниями, также влияния дурного примера, вообще дурной нравственной обстановки, в какой ребенок живет в подобных семьях. И, конечно, решающую роль играют не

столько те порочные соки, какие ребенок носит в себе уже в момент рождения, сколько последующие влияния, которыми он обязан жизненной среде [1]).

Вопросы, относящиеся к движению детской преступности в разных странах, обследованы далеко не всесторонне, и этнографический, например, момент (частота детских преступлений в разных расах) до сих пор почти совершенно не освещен. Недостаточно освещен также элемент возрастный и половой. К тому, что сказано об этих последних факторах выше, прибавим еще несколько замечаний о причинах значительно меньшей частоты преступлений среди девочек, чем среди мальчиков.

Видеть в этом, как принято в обывательской среде, результат более высокой нравственности девочек было бы близоруко: дело тут, прежде всего, в том, что мальчики гораздо чаще живут и работают вне семьи и вне дома и значит, чаще сталкиваются с соблазнами. Наконец, здесь играет роль и большая активность мальчиков, большая предприимчивость, решительность и смелость, девочек же часто удерживает от совершения разных проступков боязнь последствий, неподвижность и недостаток воображения. Отчасти же, как мы уже говорили, нравственная дефективность у девочек выражается в занятии проституцией, как средством заработка. Меньшая активность девочек находит себе выражение в том, что они гораздо чаще совершают кражи домашние (у родителей, жильцов, хозяев и проч.), но значительно реже отваживаются на карманные кражи. По статистике петроградского детского суда за

[1]) Возвращаясь на минуту к материалам Рата, укажем любопытное соотношение между преступностью обследованных им преступников и алкоголизмом. Оказывается, на январь, февраль, апрель, октябрь и ноябрь месяцы наибольшего потребления алкоголя—среди 500 преступников Рата пришлось 52% зачатий, тогда как среди окрестного населения на эти месяцы падает только 39% зачатий.

1910 год, среди мальчиков число таких «домашних» краж выразилось в 21 %, а среди девочек—52%; напротив, карманных краж у первых было 25%, а у вторых только 7%. С этим можно связать еще и то обстоятельство, что в карманных кражах есть притягательный для мальчиков элемент азарта, молодечества и спорта.

Очень многие преступления совершенно не наблюдаются среди девочек, как напр., вооруженные налеты, грабежи со взломом, конокрадство, порубка казенного леса и другие. Напротив, присвоение (особенно носильных вещей и драгоценностей) утаивание, растрата, злоупотребления в области продовольственной с ордерами и пр. в первые годы революции были излюбленными, по моим наблюдениям, именно в среде девочек. Но так велика деморализующая сила голода, что в голодные 1921 и 1922 гг. в Приуралье и вообще в голодных местах стали нередки случаи участия девочек и несовершеннолетних девушек в вооруженных шайках, делавших налеты на огороды («картофельные сражения»), а также и в самовольной порубке лесов.

В преступлениях против личности, особенно в более тяжких, девочки участвуют очень редко, и больше пассивно.

Совершенно особняком стоит отношение женской молодежи к крайнему пределу голодного ужаса, к трупоедству и людоедству. В полосе этих ужасных преступлений, набросивших такую мрачную тень на голодные 1921 и 1922 гг., дети играли немалую роль, но, правда, в громадном большинстве случаев только в качестве пассивных участников. Большей частью (см. мою брошюру «Жуткая летопись голода», Уфа, 1921 г.), первый толчек к потреблению человеческого мяса давала именно жалость родителей к голодающим детям, и «людятина» шла в пищу именно детям. Обыкновенно жертвой становилось тело умершего ребенка или вообще умершего члена семьи, и оно поедалось осталь-

ными детьми. Иногда же мать или отец убивали одного из своих детей для того, чтобы его мясом поддержать угасающую жизнь остальных.

Наряду с трогательным выражением высокого самопожертвования, вроде той 12-летней девочки в Белебеевском уезде, которая со слезами умоляла свою мать зарезать ее и ее мясом накормить младших, более слабых и истощенных голодом братьев и сестер, нередки были и случаи противуположные, когда единственным стимулом доведенных до отчаяния маленьких страдальцев оставался животный голод, жалости же к другим, хотя бы и родным братьям и сестрам места не было.

В этом мире ужасов, как удостоверяют все наблюдатели, работавшие на голоде, женщины и, в частности, малолетние девочки принимали большее участие, чем мужчины и мальчики. По крайней мере, в трупоедстве чаще уличались матери, а среди малолетних, потреблявших без протеста человеческое мясо, чаще попадались девочки. Напротив, убийство человека с целью с'есть его, гораздо чаще встречалось—по крайней мере в моем опыте—в мужской среде, чем в женской.

В той, правда, малочисленной казуистике детских шаек, имевших целью людоедство, какая мне знакома по голодовке 1921—1922 гг. в Уфимской губернии (ныне Башреспублика), активная роль целиком принадлежала мальчикам, девочки же исполняли роль сторожей и затем участвовали в дележе добычи.

Причина этого преимущественного участия девочек в потреблении человеческого мяса не выяснена; быть может, ее надо искать в том же неподвижном, домашнем по преимуществу, образе жизни, какой обычно ведут девочки. Не привыкшие покидать дом в поисках пищи и вообще предпринимать вне дома какие нибудь попытки к спасению себя

от голода, они единственное спасение свое видят в том куске мяса, в какой обратилась—вот здесь же, под боком—умершая от голода сестра или другой член семьи.

Конечно, употребление человеческого мяса детьми—совершенно исключительная категория преступлений. Даже в кошмарные голодные годы таких случаев было зарегистрировано всего несколько сотен, а в будущем, несомненно, они и совсем исчезнут. Во всяком случае, это—крайние пределы, и в обыденной жизни работнику детского суда с ними не приходится сталкиваться.

Выше уже упоминалось о преобладании горожан среди малолетних правонарушителей. Среди питомцев русских воспитательно-исправительных заведений было городских жителей в 1910 г.—55%, в 1911 г.—58% и в 1913 г. даже 72%—почти три четверти. Но не следует думать, что все это коренные горожане—напротив, в громадном большинстве они до преступления успели прожить в городе не более трех лет. Из деревень в крупные центры устремляются все новые и новые кандидаты в исправительные дома. Крепкая, неискушенная деревенская молодежь прибывает в город на заработки или в «учение»—и город не дает им ничего кроме уличного угара, блеска витрин, самогона, кокаина и кинематографа.

Если все это наваливается на слабую натуру подростка, не поддерживаемую к тому же добрыми влияниями семьи (вообще старших) или школы, то путь к первой краже с лотка на рынке или из корзины прохожего открыт.

Если, как это в прежнее время бывало в огромном большинстве случаев, подросток за первое же правонарушение — часто совершенное случайно или по неведению—попадает в тюрьму, или вообще в среду взрослых преступников, то дальнейшая судьба его предопределена: ему почти так же трудно выбраться из тисков преступности, как, скажем, зарегистрированной проститутке выбраться

из трясины разврата на трудовой путь. В этом отношении характерны данные обследования русских тюрем и арестных помещений за 1913 год.

Из находившихся в этих учреждениях 17.000 арестованных в возрасте моложе 17 лет половина провела вместе со взрослыми преступниками—бродягами, грабителями и проч. — свыше трех месяцев. В том числе 78% не имели за время ареста никакой работы и только 8% пользовались во время лишения свободы школьным обучением.

Немудрено, если три четверти взрослых преступников начинают свою будущую уголовную карьеру в детстве и что детская преступность (по дореволюционной статистике) дает не менее 57% рецидива.

Существующее повсюду детское законодательство таково, что все виды преступлений, хотя бы и совершенные случайно, могут привести юного правонарушителя в тюрьму, а оттуда — роковым образом на торную дорогу рецидивиста, привычного преступника. Поэтому с полным основанием называют тюрьму «академией преступности»: попав туда, с чистой, лишь поверхностно замутненной психикой, ребенок выходит оттуда законченным хулиганом, развратником и убежденным, так сказать, вором.

Мы уже видели выше, что в огромном большинстве случаев подросток в тюрьме обречен на полное безделье. Если он делит это безделье с ненавидящими труд и глубоко ему чуждыми взрослыми преступниками, нетрудно представить себе, чему он может научиться в этом обществе, при полном отсутствии отвлекающих впечатлений.

В общей камере подросток получает солидную подготовку и практические указания насчет того, как убегать от полиции или милиции, как после «дела» заметать следы, какие принимать в «делах» предосторожности, как держать себя на допросе. Целые дни заполнены циничными восхвалениями ловкости и «подвигов» уголовной шпаны и

издевательством над честным трудом, над правдивостью, над всем, что составляет крепость в жизни общества, его стержень.

Подросток здесь научается ценить только успех, изворотливость и богатство, презирать труд и бедность. У него кружится голова от открываемых ему старшими блестящих перспектив обогащения и веселой жизни. Он скоро становится «фартовым», по тюремному жаргону, то есть дельным, ловким членом тюремной общины, изо всех сил тянется быть похожим на взрослых.

Карточный азарт, самая циничная ругань, похабные разговоры наполняют его день и его мысли. Последние остатки стыда вытравляются, и отныне его главной задачей, по выходе на волю, будет забота поискуснее, поосторожнее совершать свои уголовные подвиги, «не попадаться»—будет его единственной заповедью и стремлением. Не малую роль играет здесь самое сознание принадлежности к арестантскому миру: раз уж побывал в тюрьме—значит, «меченый». Туда, значит, и дорога.

Попав в тюрьму, подросток уже считает себя оффициально преступным, подобно тому как зарегистрированная проститутка фактом своей регистрации морально прикрепляется к своему позорному ремеслу.

Известно, например, что измерение преступников по Бертильону и дактилоскопирование прямо пугает многих несовершеннолетних правонарушителей. «Я меряный» — с горечью и вызовом, с деланным удальством говорят они, считая себя с момента обмеривания отпетыми, как бы конченными.

Наконец, весьма серьезную и почти неминуемую опасность совместного пребывания со взрослыми преступниками составляет половое развращение малолетних. «Плашкет», «голец», «маргаритка» — так называет преступного мальчика тюремный жаргон. «Голец» неминуемо ста-

новится жертвой педерастических склонностей тюремного населения, и питомцы не раз уже упоминавшегося Рукавишниковского приюта во время своего, даже кратковременного пребывания в общей с взрослыми тюремной камере подвергались изнасилованию.

Известны случаи, когда малолетние подвергались половым истязаниям три-четыре раза за ночь. В этом отношении «голец» или «маргаритка» разделяет судьбу взрослого арестанта, который, проигравшись в карты, тоже обычно расплачивается за проигрыш тем, что представляет себя к услугам половых извращенцев.

Рост детских правонарушений.

Как проявление детской беспризорности и нужды, детская преступность растет вместе с ростом нужды и угнетения масс, вместе с развитием капитализма во всех странах.

Конечно, специальное законодательство в защиту детей способно многое сделать для уменьшения этого уродства, но путь борьбы с правонарушениями подростков почти везде выбран был, как мы уже знаем, или неверно, или половинчато. Исключение составляет одна только Англия, которой удалось в течение долгого времени вести это явление книзу, в сторону уменьшения, а не роста.

Довольно широкое и устойчивое законодательство о детях приносило свои ценные плоды даже в рамках капиталистического строя. Но и в Англии падение это с началом Европейской войны, отливом тысяч отцов на фронты, появлением десятков тысяч сирот приостановилось, а затем тоже сменилось под'емом числа правонарушений, то есть картина получилась та же, что везде.

Возрастает не только число правонарушений, совершаемых малолетними, но в значительной мере под влия-

нием одичания войны—правонарушения эти носят гораздо более тяжелый характер, чем раньше. Участились убийства и покушения на них, изнасилование. подлоги документов, должностные преступления, вооруженные налеты, бандитизм, шпионство, контр-революционные акты и пр.

Другой печальный вывод, даваемый статистикой, тот, что детская преступность неуклонно молодеет: более молодые возрастные группы занимают в детской преступности все большее и большее место.

Хотя самый факт большей частоты детских преступлений очевиден для каждого наблюдателя, но по настоящему оценить размеры этого роста можно, конечно, только путем статистическим. Мы приведем ниже, в виде иллюстрации, несколько цифр, особенно в отношении Германии, Италии, Франции и Америки, где под'ем волны детской преступности наблюдается непрерывно, в отношении Англии с ее не только относительным, но и абсолютным падением преступности перед войной и, наконец, в отношении России.

Германия. В Германии количество осужденных детей в 1882 году было 30.700, а через полтора десятка лет, в 1907 г. осужденных детей было уже 54.110. Заметно понижаться детская преступность в Германии стала с 1908 года. Большое значение в этом благодетельном процессе имел изданный в 1908 году в Пруссии закон о призрении детей, находящихся в угрожающем их нравственному и телесному здоровью положении.

Закон охватывает детское население не только малолетнее, но и несовершеннолетнее, до 18-летнего возраста. Минимальный срок в законе не указан, на практике же он применяется к детям начиная от пятилетнего возраста.

Благодетельное значение этого закона могло сказаться на деле вследствие обилия хорошо оборудованных воспитательно-исправительных учреждений: уже к моменту изда-

ния закона в одной только Пруссии начитывалось 718 заведений с 29.000 мест для мальчиков и 24.000 мест для девочек; в числе этих учреждений было только 6 правительственных и 27 открытых провинциальными управлениями, все же остальные принадлежали частным обществам, учреждениям разного рода и конфессиональным организациям.

Как мы уже знаем, в том же 1908 году в Германии был создан детский суд, а также институты и патронаты ответственного надзора.

В процентах рост детской преступности до издания упомянутого закона виден из следующей справки: количество осужденных в Германии детей за период с 1883 по 1896 г. увеличилось, в отношении возрастной группы от 12 до 15 лет, на 128%, а в отношении группы от 15 до 18 лет на 159%. Число же взрослых преступников, осужденных за тот же период германскими судами, выросло на 138%, а прирост населения за тот же срок равнялся 115%. Более быстрый рост детской преступности сравнительно с общей—очевиден.

Недолго Германии пришлось воспользоваться плодами улучшенного детского законодательства: с первых же шагов европейской войны падение детской преступности не только замедлилось, но и прекратилось, а в годы послевоенные преступность эта снова стала быстро расти.

Сейчас моральная распущенность городской молодежи в Берлине и других крупных центрах пугает всех наблюдателей. Хулиганство, алкоголизм, половой разврат, страсть к наркотикам, воровство расцветают среди молодежи немецких городов пышным цветом. Позднейшая статистика констатирует, что в Германии (сведения «Вестника германского министерства юстиции») дел о преступлениях малолетних было в 1917 году 13,203 против 9,945 в 1915 году; наказаний малолетних за кражу леса было 45,582 против 29,240 в 1915 г. и вообще наказаний было наложено

на малолетних 508,238 против 137,680—увеличение колоссальное, почти вчетверо.

И это в Германии, служившей всегда образцом дисциплинированности и твердых правил поведения!

Вообще за 80 лет детская преступность в Германии, несмотря на падение втечение некоторого периода, увеличилась на 250%, в Пруссии с 1882 по 1899 г. выросла почти в полтора раза.

В Германии число осужденных детей даже до войны росло в три раза скорее, чем рост детского населения вообще. На 10,000 населения было осуждено юных правонарушителей в 1887—91 гг.—619, в 1892—96 гг.—707, в 1897—1901 гг.—733, в 1902—1906 гг.—736 и в 1907—1911 гг.—682.

Последняя цифра показывает некоторую ремиссию (падение), но с следующего же, 1912 г. рост возобновляется. Рост этот наблюдается, главным образом, по возрастной группе от 14—18 лет. Процент же рецидива наблюдается резко даже по группе от 12—14 лет.

В картине роста детской преступности в Берлине бросается в глаза резкое, подавляющее большинство краж: по данным за первую половину 1923 г., кражи и вообще преступления против собственности составляют до 90% судебных разбирательств. Дети 12—13 лет чаще всего занимаются кражей металла: дверных ручек, звонков, проводов и проч. Видное место занимают также разного рода подлоги, совершаемые банковскими служащими—учениками.

Общественное мнение Германии сильно встревожено ужасающим распространением сексуальных (половых) извращений среди детей. В крупных городах существуют специальные заведения детской проституции обоего пола. Посетители таких заведений, главным образом, «валютные» иностранцы, и эта проституция, так и называемая «валютной», усиливается настолько, что по сведениям немец-

кой печати, у судей и воспитателей юных правонарушителей «руки опускаются» от отчаяния.

Ужасны—отметим заодно—также цифры распространенности венерических болезней. Так, из 132 подростков, принятых в этом году в интернат в г. Пренцлау, в Бранденбургской провинции, 104 оказались больны венерическими болезнями.

Италия. Здесь рост преступности молодежи виден из таблицы:

	9—14 г.	14—18 г.	18—21 г.
1893—1895 г.г.	131,57	666,37	1118,34
1896—1900 г.г.	147,09	718,75	1125,9

Цифры обозначают число осужденных малолетних (и несовершеннолетних) соответственного возраста на каждые 100,000 населения той же возрастной группы.

Из таблицы ясно виден довольно быстрый под'ем волны преступности к началу нынешнего столетия. Более свежими данными в этом отношении я не располагаю, но некоторые косвенные признаки, помимо априорных соображений, заставляют предположить, что в Италии война, среди прочих разрушительных последствий своих, имела своим результатом также новое, еще более резкое увеличение детской преступности.

Франция. Еще с 1844 года существует во Франции наполеоновский декрет о мерах защиты детей от 12—16 лет, но этот акт имеет в виду только покинутых детей, сирот и проч. и потому далеко не полон. С 1830 по 1880 гг. обвиняемых в возрасте моложе 16 лет стало во Франции больше, чем было, на 140%, тогда как взрослых обвиняемых, старше 21 года стало больше только на 127%. Таким образом, малолетняя преступность и здесь перегоняла общую.

Это соотношение еще рельефнее видно из следующего: в 1861 г., в судах французской исправительной полиции выступали в качестве обвиняемых, в возрасте от 16—21 г., 6.451 подростка, что составляло 10% общего числа обвиняемых, а двадцать лет спустя, в 1881 г., число обвиняемых той же возрастной группы равнялось 22.281, что составляло уже 15% общего числа. Еще десятком лет позже, в 1891 году, оно равнялось уже 49.281, то есть составляло 17% общего количества привлекавшихся. Таким образом, процентное отношение обвиняемых в течение 30 лет увеличилось с 10 до 17, больше чем в полтора раза.

В 1905 году обвиняемые в возрасте от 11—15 лет составляли 24%, в 1906 г.—18%, в 1907 г.—24, в 1908 году—34%. В возрасте от 16—18 лет в 1907, 1908 и 1909 годах числа обвиняемых возросли в отношении 119:155:162.

Если выделить более легкие преступления, то и здесь картина получается приблизительно такая же: в возрасте до 16 лет привлекалось в 1907 году 5.326, от 16—18 лет 5.115 и от 19—20 лет—17.696.

Суммарный подсчет показывает, что за четверть века, с 1871 по 1895 гг., число несовершеннолетних правонарушителей во Франции возросло в два раза больше, чем преступных взрослых или в 13 раз больше, чем преступность малолетних.

Англия. Англия представляет собой классический пример страны, где целесообразная система мер борьбы существенно ограничила бедствие детской преступности, задержала ее рост и даже повела к длительному—хотя, как выяснилось впоследствии, только временному ее сокращению.

В середине 19-го столетия в Англии наблюдался такой же угрожающий рост детской преступности, как и всюду:

в 1847 году она выражалась числом 34.500 дел о малолетних, в 1848 г. она возросла до 39.900. Романы Диккенса с их героями-«лохмотниками» являются, между прочим, яркой иллюстрацией этого мрачного периода общественной истории страны.

Первый толчек к серьезной борьбе дал закон 1849 года об исправительных школах-приютах. Дело сразу было поставлено на свойственную англичанам трезвую. практическую почву.

Следующим этапом в этой борьбе явился билль 1854 г. о воспитательно-исправительных заведениях; с этого времени Англия быстро стала покрываться разного рода патронатами, детскими клубами, убежищами, приютами, площадками и другими учреждениями общественного типа, которым принадлежит большая заслуга в деле заметного сокращения детской преступности. Приходя своевременно на помощь беспризорному, безработному и вообще беспомощному,находящемуся в опасном положении подростку, все эти учреждения помогают ему подняться на ноги, если он свихнулся, оберегают его от соблазнов и угрозы рецидива, берут на себя, наконец, систематическое воспитание и обучение одиноких детей и подростков.

Все эти учреждения ставят себе целью оказать не только «первую помощь в несчастных случаях»—на подобие медицинской «Скорой помощи»—но и дать подростку длительное, всестороннее воспитание и заботу, пока он не станет прочно на ноги, не впитает в себя принципы честной трудовой жизни.

В том же направлении действует уже известный нам, изданный в 1908 году, Children Act, который явился прежде всего исчерпывающе полной и ясной сводкой, кодификацией ряда разрозненных, более ранних актов о детях.

Число осужденных малолетних (до 16 лет) за пятилетие 1864—1868 гг., в среднем равнялось 10.098, в сред-

нем за пятилетие 1884—1889 г.—8.056, в пятилетие 1889—1893 гг.—7.067, и в 1894 году—6.895: падение весьма явственное и длительное.

До 12 лет осуждено было в Англии в 1893 году—2.009, в 1905 г.—2.089, от 12—16 лет в 1893 году—6565, а в 1905 г.—6042. Для возрастной группы от 16—21 г. соответственные цифры равняются 9298 и 9443. Если те же данные перечислить в отношении к каждым 100.000 населения того же возраста, то сокращение преступности по всем указанным только что возрастным группам станет еще более очевидным и значительным.

	На 100 тыс. насел. данного возраста:		
	до 12 лет.	12—16 л.	16—21 г.
1893 г.	24	261	321
1905 г.	23	218	275

Таким образом, сокращение, и очень резкое, наблюдалось в отношении несовершеннолетних (старше 16 лет) и вообще в отношении более старших возрастных групп.

По другим данным, число осужденных в возрасте до 16 лет всего только за два года, с 1884 по 1886 г., упало, по отношению к приросту населения, на 45%, и падение продолжалось неуклонно до самой войны 1914 г. Так, в 1903 году на 100.000 населения было осуждено подростков (до 16 лет) 285, а в 1905 году уже только 241. Но вот грянула война—и картина редко изменяется, даже здесь, в сравнительно мало страдавшей от военных потрясений, богатой Англии.

В 1916 году преступность детей возросла против последнего довоенного года наполовину, и за первый год войны перед английскими детскими судами предстали 30.000 малолетних.

Америка. В амер. „Jurnal of Sociology“ в начале текущего года появилось обширное исследование д-ра W. Healy, изучившего около 3.000 малолетних право-

нарушителей. В 25% случаев он нашел у них дегенеративные признаки психического (слабоумие, эпилепсия, психопатические явления, неврозы, психозы и пр.) и физического характера. В 20% случаев он подметил влияние наследственности, алкоголя, половые болезни и преступность родителей. Влияние беспризорности, вообще недочетов в семейной жизни видно из того, что на 2.000 обследованных юных правонарушителей только 1.052 жили в родной семье.

По статистическим данным, в Соединенных Штатах Америки на каждых 10.000 человек населения приходится 2 идиота, 2 тупоумных (имбециллика), 29 слабоумных и 36 дефективных детей.

В Америке детские суды, как мы знаем, имеют наибольшую давность своего существования, они также наилучше разработаны. Между прочим, судьями там часто бывают рабочие, а также женщины. Так, в Вашингтоне председателем высшего детского суда в настоящее время состоит женщина.

Переходим к статистике **России.**

Число малолетних и несовершеннолетних, осужденных в тюрьму или в исправительные заведения, равнялось в 1901 г.—3.513, в 1905 г.—3.218 и в 1910 г. уже 7.483. Иначе говоря, если число осужденных в 1901 г. принять равным 100, то пятью годами позже осуждено было 91, а еще пять лет спустя уже 211. В среднем за десятилетие процент осужденных подростков поднялся на 112%, а процент преступности взрослых вырос за это время только на 35%—втрое меньше [1]).

---

[1]) С 1898—1907 г. в русские исправительные колонии было присуждено 4047 мальчиков подростков, а в тюрьмы и арестные дома—8442, то есть более чем вдвое больше. Причина такого резкого преобладания заключения в тюрьму состоит, очевидно, в крайне ничтожном числе исправительных колоний даже в губернской, а тем более в уездной России.

Таким образом, детская преступность, как мы уже видели, растет не только безотносительно, но и по сравнению с общей преступностью, которую она оставляет позади.

Несовершеннолетние до 17 лет в общем числе осужденных составляли в 1905 г.—3%, в 1910 г.—4.6% и в 1912 г.—5,2%: вывод опять-таки такой же. За 1891—1893 гг. число краж, совершенных подростками, возросло на 83%, тогда как число краж, совершенных взрослыми, увеличилось только на 70%.

Обилие краж, их подавляющее преобладание среди детских правонарушений наблюдается и в русской статистике повсеместно. Так, в Москве в 1908—1910 гг. на 3.014 обвиняемых в возрасте до 17 лет, дела которых рассматривались в мировом суде, 2.662, то есть 68,8% обвинялись в краже.

С 1910 по 1913 гг. число питомцев русских воспитательно-исправительных заведений выросло на 163%, а рецидив среди молодых правонарушителей увеличился с 51% в 1911г. до 57% в 1913 г.

Годы войны вначале уменьшили уровень взрослой преступности, что легко об'ясняется отливом громадного количества взрослых мужчин на фронты, отчасти за пределы каждой из воюющих стран. Упала общая преступность, и притом очень резко, и у нас в России. Но малолетняя преступность — именно в силу отлива отцов на фронты и упадка надзора в семье—стала увеличиваться с первых же недель войны.

Война и революция выбросили на улицу сотни тысяч круглых сирот и полусирот—вообще чудовищно увеличила детскую беспризорность, которая в настоящее время является главным резервуаром, откуда жизнь черпает все новые и новые кадры правонарушителей.

В Москве рост преступности несовершеннолетних со времени войны виден из того, что число убийств и покуше-

ний на них, совершенных подростками, возросло с 15 в 1914 г. до 130 в 1921 г., число поджогов с 5 до 24. Всего же в 1914 г. совершено было подростками 4.121 преступление, а в 1921 г. уже 10.676—увеличение почти в 2,5 раза.

Количество дел о несовершеннолетних, попадающих на рассмотрение в народные суды Республики; также беспрерывно растет. Так, в 1921 г. процент передаваемых в нарсуд дел не превышал 7,85%, а в 1922 г. возрос уже до 13,1%

Из упоминавшейся уже новейшей работы А. Рубашевой видно, что на Украине процесс деморализации молодежи и превращения ее в правонарушители протекает особенно стремительно. До войны во всех губерниях нынешней Украины возникало дел о малолетних около 1.000 в год, теперь же в одной Одессе в местную комиссию поступило (в 1921 г.) — 2.670 дел, а в харьковскую губ. комиссию 1.905 дел.

Всего в 1921 году возбуждено было на Украине дел о малолетних и несовершеннолетних—4.291, из них подростков в возрасте 16—17 лет было 1.979, т. е. 45%. Всего же детей от 4—15 лет в Украине к 1920 г. насчитывалось 7½ мил., а до 18 лет около 8 миллионов. Число выброшенных на улицу шквалами войны и революции круглых сирот исчисляется на Украине в четверть миллиона, полусирот в 400.000.

Такова общая—очень беглая и отрывочная—цифровая картина детской преступности в России до войны и в военные годы. Но для нас еще важнее картина, как она складывается в России с момента создания особых детских судов и как положение изменилось, внутренно и внешне, с созданием в январе 1918 г. комиссий, вместо детских судов:

Русский детский суд.

Первая камера детского суда, открытая в 1910 г. в Петербурге, чрезвычайно быстро завоевала доверие и популярность как в населении, у родителей, так и в глазах правительства. Действительно, камера эта была крупным шагом вперед и значительным улучшением в строительстве нашего детского законодательства. Можно даже утверждать, что для своего времени, в обстановке царской России, институт детского суда был лучшим, что тогда было возможно—хотя отдельные частности уже тогда не удовлетворяли общество.

В следующие два года детские суды были учреждены также в Москве и в Харькове, на очереди стояло создание их в Одессе, в Варшаве и в Киеве, но подоспела война—и всякое расширение марного строительства, в том числе и в данной области, было заглушено грохотом пушек.

Если и раньше эти камеры едва дышали из за жалкого размера ассигновок, им отпускаемых, то в годы войны о территориальном расширении нового института нельзя было и думать.

Заимствуем из отчетов Н. А. Окунева некоторые данные о деятельности петербургского суда для малолетних, просуществовавшего до 1917 года.

В первый год деятельности суда (1910) из 411 обвиненных малолетних—226 были отданы под ответственный надзор попечителей, то есть—в значительном числе случаев—были избавлены от опасности сделать в будущем тюремную карьеру, и поставлены были в условия, более благоприятные для нормального развития.

В 1911 г. из 563 обвиненных под надзор было отдано 422 чел, т. е. 75%. Из остальных осужденных 41 попали в приюты и колонии. 4 в арестный дом и 96 в тюрьму. Таким образом, русская действительность и с созданием дет-

ских судов отнюдь не покончила с пребыванием малолетних в тюрьме, в этой «академии преступности». Англичане одно время с гордостью—вполне естественной и законной—говорили, что Англия больше не платит тюрьме дани своими детьми, ибо в английских тюрьмах тогда не было малолетних; Россия о своих тюрьмах никогда не имела права это сказать.

В 1912 г. в петербургской камере возникло 4.282 дела, из них 1.115 о случаях т. наз. «нарушения общественной тишины и спокойствия», 1.500 по обвинению в кражах, 169 за мошенничество, 38 за обманы и пр.

Среди всей массы дел, рассмотренных в петербургском детском суде за первые три годы его существования, имущественные правонарушения составляли 40% (6.000 дел), а считая вместе с 3.000 дел о неразрешенной уличной торговле, получим, что материальные, вообще экономические мотивы лежали в основе 60% общего количества рассмотренных дел.

Из дел, рассмотренных там же за один 1910 г., «оправдано» было 28,8%; такой же процент был и в 1911 г., а в 1912 году он равнялся 21,6. Выражение «оправдание» по отношению к детскому суду, конечно, неправильно, поскольку детский суд ставит себе задачи не карательные, а исправительно-воспитательные, и употребляется здесь только для краткости.

В 1911 г. было рассмотрено 3.170 дел, окончательно решено 680, присуждено 2.419 лиц. Из них к тюрьме было приговорено 156 чел., к аресту 118; было также несколько случаев присуждения к денежным взысканиям, хотя к такому наказанию суд прибегал очень редко, ввиду естественного отсутствия денег у детей. К выговору было присуждено 588 подростков, к надзору и отдаче в исправительные заведения 631 человек.

Интересно отметить, что в Англии и особенно в Аме-

рике детские суды сравнительно часто прибегают к денежным взысканиям, но в другой, гораздо более целесообразной форме: они взыскивают с родителей провинившихся суммы, потребные для возмещения ущерба, нанесенного их детьми третьим лицам или государству. В основе такой меры взыскания лежит мысль о том, что провинности детей—результат, прежде всего, недостатка надзора со стороны родителей. Как показывает американский опыт, мера эта дает очень благоприятные последствия в смысле уменьшения рецидивов.

Дел, влекущих за собой тюремное заключение (краж—95%, растраты и обманы—5%) поступило в СПБ. в 1913 г.—1.826, в 1914 г.—2.090, в 1915 г.—2.594 и наконец, в 1916 году, последнем в истории камеры, новых дел поступило 4.177.

Число малолетних, привлеченных к ответственности по этим делам, также резко возрастало: в 1913 г.—1.860, в 1914 г.—1.987, в 1915 г.—2.197 и в 1916 г.—3.301. Эти данные интересны не столько сами по себе, сколько по сравнению с соответственными цифрами за годы революции.

Увеличение преступности по данным Петербургской камеры было неуклонное и довольно быстрое. Впрочем, при оценке этой, как и всех других иллюстраций роста детской преступности, не забудем что часть под'ема должна быть отнесена на улучшение организации детского суда: лишь мало-по-малу в населении укореняется доверие к этой организации, не сразу распространяется даже простое знакомство с нею.

В условиях слабой русской культуры сведения о самом существовании детского суда, о его задачах и об услугах, какие он может сказать, проникают в массы медленно и с трудом. Но эта оговорка, конечно, лишь в некоторой степени может ослабить сущность выводов, самое же заклю-

чение о непрерывном росте детской преступности здесь, как и в других случаях, остается в силе.

Год революции, 1917, не оставил в истории детского суда никаких следов. Новая же, послереволюционная история—в совершенно иных организационных приемах, отчасти даже в иных основных положениях — датируется 14 января 1918 года, когда Октябрьская революция создала институт особых комиссий по делам о несовершеннолетних (сокращенное название «компонес»). Но рост детской преступности в новой ее истории не только не ослабевает, но еще усиливается.

Для деятельности комиссии первого, более раннего периода революционных лет характерным является комиссия при московском отделе народного образования, как комиссия центральная, наилучше поставленная и притом столичная. С февраля 1920 по январь 1921 года через эту комиссию прошло до 8.500 подростков обоего пола в возрасте от 8 до 18 лет. Все они обвинялись в различных антиобщественных деяниях: в уличной спекуляции, кражах, мошенничестве и пр.; преобладание имущественных правонарушений было подавляющее, разительное. В основе преступности лежала, в громадном большинстве случаев беспризорность, что иллюстрируется данными о семейном положении обвиняемых.

Детей, имеющих обоих родителей, среди них было только 40%, остальные круглые сироты или полусироты. Материалы московской комиссии с несомненностью устанавливают, что у полусирот, а отчасти и у имеющих обоих родителей—старшие или сознательно эксплоатируют детей, посылая их на уличную торговлю, или же, в силу экономических причин, не могут проявить о детях никакой заботы. В результате даже при наличии родителей или одного из них дети обречены на беспризорность, ведут уличную жизнь, наполняя рынки и притоны.

Отношение детей к образованию видно из следующего: до 10% детей были вовсе неграмотны, около половины малограмотны, т. е. не кончили школы первой ступени, и около 40% окончили школу первой ступени.

Что в смысле шансов на преступление—опаснее для ребенка: потерять отца или мать? В этом отношении московская статистика подтверждает вывод, какой делают все наблюдатели вопроса, к какому привели, между прочим, и меня мои скромные наблюдения: легче рискуют свихнуться дети, лишившиеся отца, чем матери. Или, как это образно и выпукло выражает один автор: «верный кусок хлеба у отца лучше предохраняет ребенка от преступления. чем ласка матери».

Приведем еще, из то же московской статистики за 1920 год, несколько данных о группировке несовершеннолетних и малолетних по возрасту. Как всегда и везде, максимум преступности приходится на возраст от 14 до 16 лет—целых 62%: это и понятно, с точки зрения уже отмечавшихся нами опасностей переходного возраста и повышенной потребности в пище, свойственной этому возрасту. Отдельно 14-летние составили около 18%, 15-летние—24% и 16-летние—20%. Возраст 11—12 лет дал только около 6%, а возраст 17—18 лет около 5%.

За годы 1920, 1921 и 1922 мы располагаем суммарными данными Наркомюста и Главмилиции, где преступность несовершеннолетних приведена параллельно с общей уголовной преступностью. Вот относящиеся сюда таблицы:

Число поступивших уголовных дел:

	Абсолют. число	в %
Первая половина 1920 г.	550.214	100%
Вторая » »	618.898	112
Первая половина 1921 г.	699.572	127
Вторая » »	759.251	138

Число осужденных по оконченным делам:

	Абсолют. число	в %
Первая половина 1920 г.	258.098	100
Вторая » »	305.200	118
Первая половина 1921 г.	307.551	119
Вторая » »	451.657	175

Увлечение «взрослой» преступности не только вполне явственное, но и очень значительное.

Сравнение ее с преступностью детской видно из следующей таблицы, представляющей, по данным Главмилиции, число задержанных (взрослых и подростков) за первую четверть 1920, 1921 и 1922 гг.

Общее число задержанных милицией за первую четверть 1920 года по всей Республике—33.618.

Общее число задержанных подростков за ту же четверть года—2.140.

Процентное отношение числа задержанных подростков к общему числу задержанных за тот же период времени—6%.

Общее число задержанных по Республике в первую четверть 1921 г.—45.068.

Число задержанных подростков за то же время—3.716.

Процентное отношение числа задержанных подростков к общему числу задержанных в указанное время лиц—8%.

Общее число задержанных по Республике за первую четверть 1923 г.—82.073.

Число задержанных подростков в тот же период времени—8.404.

Процентное отношение числа задержанных подростков к общему числу задержанных в первую четверть 1922 г.—10%.

Принимая во внимание всегдашнюю неудовлетворительность и, особенно, неполноту нашей оффициальной статистики — качества, которые за годы революционной раз-

рухи только усугубились—приходится признать эти оффициальные данные весьма печальными.

Они показывают, прежде всего, насколько неблагополучна в моральном отношении—в смысле конфликтов с законом—вся вообще атмосфера сегодняшней России. Иной и не может быть эта атмосфера после тягчайших потрясений последних лет, после деморализующего влияния войны, нищеты и всяческой скудости, в условиях той зыбкой неустойчивости и изменчивости, какие свойственны всякой революции.

Моральные нормы, поскольку их можно отожествлять с нормами уголовного закона, в годы той всеобщей перестройки и переоценки, какими ознаменована революция, то и дело меняют свое содержание: очень многое, что в 1919 году признавалось серьезным уголовным проступком и актом антиобщественным—в изменившейся обстановке 1922, 1921 и даже 1920 года перестало признаваться предосудительным, или, по крайней мере, уголовно наказуемым. Таковы, прежде всего, различные взаимоотношения и деяния в области продовольственной, в области торговли, спекуляции и пр. Это значит, что рост «взрослой» преступности отчасти надо отнести за счет увеличения числа уголовно-наказуемых деяний и поводов к нарушению закона.

Тем не менее, факт чрезвычайно быстрого повышения уровня «взрослой» преступности остается незыблемым. Мы усиленно подчеркиваем это потому, что повышенная преступность взрослых даже сама по себе не может не влиять растлевающим образом на уровень преступности малолетних и несовершеннолетних представителей того же общества.

Условия же—социальные и экономические—в которых живет молодежь в последние годы, таковы, что они не могут не влиять усиливающим образом на ее преступность.

Второе неблагоприятное заключение, какое позволяют

сделать приведенные оффициальные данные, состоит в том, неоднократно уже отмечавшеся выше, факте, что малолетняя преступность растет быстрее преступности взрослых. Действительно общее число задержанных милицией по всей Р.С.Ф.С.Р. подростков составило в первой четверти 1920 года 6% общего числа задержанных, в первой четверти 1921 года этот процент равнялся уже 8% и в первой четверти 1922 года он подскочил уже до 10%. За столь короткий срок число задержанных подростков увеличилось, по сравнению с задержанными взрослыми, больше чем в полтора раза—есть отчего бить в набат. с тревогой вдумываться и вглядываться в будущее!

Тревога тем более законна, тем более основательна, что в ближайшие годы трудно ожидать резкого под'ема благосостояния страны, даже простой сытости, а между тем, в результате целого ряда причин, и в том числе хронического недоедания, уровень здоровья нашей молодежи и значит, уровень ее сопротивляемости внешней среде весьма низок. Процесс же ослабления, вырождения идет, в результате тех же условий, безостановочно.

Разительны цифры преступности в последние годы в Москве.

Вначале в Москве функционировали две комиссии несовершеннолетних, но все увеличивающаяся преступность вызвала необходимость в образовании, в марте 1922 года, еще одной комиссии, по счету третьей; впрочем, осенью 1922 г. ее, по сокращению штатов, упразднили.

Но надо еще принять во внимание, что большее число дел о несовершеннолетних, как последственных, так и приговоренных по суду, а также задержанных органами Ч.К. и содержащихся при них, проходит мимо комиссии, вопреки декрету—и таким образом, при точном наблюдении декрета о подсудности несовершеннолетних исключительно комиссии, число дел в год дошло бы, может быть, до 20.000, если не больше.

Наудачу приведем распределение 1.180 дел возникших в Москве в 1922 г., по видам правонарушений: за кражу и покушение на кражу привлекались 333 подростка, за уличную торговлю—175, за мошенничество и подлог—33, за хулиганство—19, вооруженное ограбление—7, хранение оружия—6, нанесение ран и побоев—5, появление в нетрезвом виде—5, убийство—2 и т. д.

По возрасту привлеченные к ответственности распределялись таким образом: возрастная группа 14, 15 и 16 лет, как всегда и везде, дала максимум правонарушителей—89, 101 и 181, всего 371, до 10 лет—6 чел., от 10—12 лет—63, 12—13 лет—140 и старше 16 лет—205. Результат по оконченным за март делам был такой: 180 детей было отдано под надзор родителей, 112 переданы в народный суд, 5 устроены в школу, 29 направлены в детские дома и пр.

Для иллюстрации об'ема и характера правонарушений, с которыми в последние годы сталкиваются комиссии, приведем таблицу о деятельности Уфимской губ. комиссии о несовершеннолетних за 1921 год (голодный).

Дел о кражах прошло за год	1008
» » хулиганстве	115
Дача ложных показаний	1
Спекуляция	16
Покушения на кражу	31
Поджог	16
Труддезертирство	31
Подлог документов	53
Самоуправство	14
Убийство	12
Конокрадство	13
Преступления по должности	43
Пьянство и карточная игра	18
Оскорбление должностных лиц	18

Саботаж	2
Контр-революционные акты	5
Порубка леса.	80
Хранение оружия.	6
Растрата казенных вещей	24
Бандитизм.	20
Покупка краденого	5
Взяточничество	4
Итого . . .	1556 дел

Интересно распределение числа обвиняемых по возрастным группам и по полу:

От 8—12 лет мальчиков—124, девочек—26, от 12—14 лет—мальчиков 199, девочек—30, от 14—16 лет—мальчиков—432, девочек—32 и наконец, от 16—18 лет—мальчиков—511 и девочек—124.

Что же касается постановлений комиссии, то они видны из следующей таблицы:

В ревтрибунал отправлено	3	дела
В нарсуд.	79	»
В колонию	52	несов.
В приемник	114	»
Оставлено без воздействия	122	»
Выдано на поруки	20	»
Передано в уездные комиссии . . .	40	»
Сделано внушение	92	»

Обращает на себя внимание громадный процент дел, по которым признаны излишними какие бы то ни было меры воздействия—пример того, как необоснованно и поверхностно возбуждают нередко «дела» и как скудно они подготовляются к рассмотрению.

С этой последней таблицей интересно сопоставить данные о деятельности Петроградской комиссии за 1922 год.

На 226 заседаниях комиссии прошло 3.019 дел о 4922 несовершеннолетних. Вынесенные постановления: сделано внушений и выговоров—1.468, помещено в дом для дефективных—639, помещено в детские дома для нормальных — 199, в реформаторий—178, передано в нарсуд—298, отпущено на поруки родственников—288, отпущено под надзор воспитателей-обследователей — 71, направлено к розыску — 198, отложено по разным причинам — 104, направлено к обследованию в институт проф. Грибоедова—58, прекращено по разным причинам — 258, отправлено на родину — 18, в санаторию — 5 и в другие комиссии, по принадлежности—10.

Что положение вопроса остается столь же напряженным, видно из данных о преступности несовершеннолетних в Москве за весь 1922 год.

В первой московской комиссии за год прошло 1.589 юных правонарушителей, в том числе 1.377 мальчиков и 212 девочек. Из них в краже и присвоении обвинялись 780 мальчиков и 85 девочек, в краже со взломом—8, в вооруженном грабеже—9, в повреждении чужой собственности 39 мальчиков и 2 девочки, в подлоге 18 мальчиков и 2 девочки, в безбилетной езде по железной дороге 13 мальчиков и 7 девочек, в хулиганстве—15, в нищенстве и бродяжничестве 42 мальчика и 17 девочек, в переходе государственной границы—1, в сбыте фальшивых денег—2, в убийстве—2, в покушении на убийство—2, в нанесении побоев, увечий и ран 15 мальчиков и 4 девочки.

Далее идет целый ряд таких дел, как расхищение построек, порубка леса, продажа кокаина и самогонки, хранение оружия, взяточничество, побег из детских домов, дурное поведение и пр.

По второй комиссии (и третьей, расформированной осенью 1922 г.) было разобрано за год 2.389 дел, по которым привлекалось 3,017 подростков. Из них по делам о

преступлениях против собственности привлекалось 1.331 ч., за грабеж—28, убийство—6, нанесение ран—3, проституцию—2, изнасилование и растление—3, сбыт фальшивых денег—3, беспризорность—202, хулиганство, езду на буферах, нарушение правил о торговле, изготовление самогонки, безбилетный проезд по железной дороге, дезертирство из детских домов, буйство, спекуляцию взяточничество—732 чел.

Итого за один год 4.606 юных правонарушителей—10 убийств, 37 грабежей, 22 ранения, слишком 2.100 (почти половина общего числа) краж!

И, что всего трагичнее—преступность продолжает расти: за один только январь текущего года поступило для разбора новых 371 дело о 484 подростках, а в феврале и марте число новых дел еще увеличилось.

Все это и не может быть иначе: ведь беспризорных в Москве насчитывается сейчас целых 20.000: огромный резервуар все новых и новых правонарушителей!

Весьма печальную картину развернул бывший в Москве летом 1921 года Всероссийский с'езд по детской дефективности. В многочисленных докладах с мест доказывалось все растущее вырождение масс, растущий процент врожденного слабоумия и преступности—тесная связь между детской преступностью и разного рода дефективностью уже известна читателю.

Сильное впечатление на с'езд произвел доклад врача Ароновича о голодной детской дефективности. На основании обследования 40.000 московских детей, преимущественно школьного возраста, докладчик пришел к следующим заключениям, которые были сочувственно встречены с'ездом.

Мировая и гражданская война, по наблюдениям докладчика, сильно подорвали физическое и душевное здоровье молодого поколения. В том же направлении влияют, в качестве довольно постоянных факторов, недостаточное пи-

тание и качественное изменение потребляемой молодежью пищи: нет белков, мало жиров, фосфорных соединений. Вообще хронически не хватает в пищевой норме детей веществ, необходимых для питания мозга и нервной системы.

Даже у признаваемых нормальными современных детей имеется слабая сопротивляемость внешней среде, малая устойчивость против вредных влияний. Число дефективных возрастает не только за счет детей с врожденным предрасположением к дефективности, но и за счет дефективности благоприобретенной. Возрастает также нервная и душевная заболеваемость детей.

Далее, крайне благоприятно влияют на нынешнее детство распад семьи и плохие жилищные условия, а также наследственная отягощенность, вообще наследие прошлого. Это последнее—прибавим от себя—имеет глубокое, хотя, вопреки ходячему представлению, отнюдь не первостепенное значение в ряду решающих факторов детской дефективности [1].

В истории нет средств отказаться от наследства, и мертвый, по французской поговорке, поистине «хватает живого». «Вчера» давит на «сегодня», оказывает на него могучее действие, оставляет на нем свой отпечаток.

Взять хотя бы старую глубоко в'евшуюся в быт, склонность к алкоголю, которая сейчас, кстати сказать, снова так сильно дает себя знать (эпидемия самогона): известно, как напряженно и далеко не всегда успешно новая Россия борется с этим вековым «наследством». Связь же самогона с преступностью всех возрастов общеизвестна.

Одним из факторов, деятельно поддерживавших в последние годы рост детских правонарушений, был доступ подростков к общественным и государственным должностям, и, следовательно, легкая возможность злоупотребле-

---

[1]) Приведенные в другом месте очерка данные о работе Рата по наследственности еще далеко не решают вопроса.

ний. Годы лихорадочного первоначального строительства революции требовали для бесчисленных учреждений все новые и новые кадры служащих, и в провинциальной, особенно уездной России, за неимением сколько-нибудь подходящих, хотя бы просто грамотных взрослых служащих, широко брали на службу подростков, которые к явному вреду для себя—как и для порученного им дела—оказывались обладателями больших нередко полномочий.

Особенно вредно это сказывалось в области продовольственной. В годы государственного снабжения большинства граждан слабая, податливая натура 15—16-летнего юноши, очутившегося в соблазнительной близости ко всякого рода материальным благам (выдачи, ордера, пропуска по железным дорогам и пр.), сплошь и рядом не могли устоять против искушения, особенно в среде голодной и полуголодной бедноты городских окраин. Подталкиваемые взрослыми, юные служащие продкомов и вообще хозяйственных органов, а также милиции, Ч.К. и пр. нередко шли на подлоги, симуляцию хищений, грабежей и пр.

Со времени перелома в распределительной политике для подобных злоупотреблений нет простора и поводов, особенно ввиду резкого сокращения числа учреждений и штатов, отчего в первую очередь страдают везде малолетние служащие и рабочие.

Пребывание малолетних на государственной службе, столь распространенное в первые годы революции, было гибельно в силу сознания своего могущества—пусть сильно преувеличенного ребячливой фантазией.

Тут и неизбежное, резкое нарушение здоровья (напряженный труд, чувство ответственности), тут и ненормальный, слишком ранний отрыв от семьи и, что всего важнее, от школы. Наконец, крайний вред приносило связанное с службой в милиции и Ч.К. право ношения оружия; от услуг подростков в этих областях позднее отказались.

Тысячи и десятки тысяч подростков, иногда едва только вышедших из самых юных лет, не старше 12—14 лет, отвыкали от учебных занятий, от нормального образа жизни, изнывая в бесчисленных канцеляриях. Для своего времени, для эпохи начального революционного строительства, которое по необходимости идет на новых путях ощупью, такой порядок был до известной степени неизбежен, и как только он перестал таким быть, от него поспешили отказаться. Но в итоге такой наплыв детей в кадре рабочих и служащих первого периода революции принес позднейшему облику нашей молодежи серьезный ущерб.

С другой стороны, ликвидация этого ненормального порядка, совпавшая с усиленным сокращением штатов в период перехода к новой экономической политике, принесла нашей молодежи—и приносит доныне—также не мало страданий, немало содействует росту детских преступлений.

Выброшенные за борт учреждений и предприятий, несовершеннолетние, а тем более малолетние не в состоянии найти себе другой заработок. Тем более, что уровень их трудовой квалификации почти всегда ничтожный.

Из школьной же и вообще нормальной колеи их выбило годичное или полуторагодичное пребывание на службе или на работе, иногда даже в довольно самостоятельной роли.

Все это придает попавшему под «сокращение» юноше, а тем более девушке большую неустойчивость в той жизненной борьбе, на которую они внезапно обрекаются. Значительная часть выброшенных за борт подростков в лучшем случае бросается в уличную торговлю и спекуляцию.

Хотя в нашем теперешнем представлении, в противуположность недавнему прошлому, занятие торговлей само по себе не является уголовно наказуемым деянием, но во-первых, разграничительную линию между обыкновенной торговлей и злостной спекуляцией вообще нелегко провести, в отношении же занятия этим малолетнего вдвойне трудно;

во-вторых, для ребенка занятие торговлей — занятие во всяком случае неподходящее.

Детство, проведенное за прилавком, или, еще хуже, за лотком папирос или с тарелкой ириса на улице, не только не способно подготовить будущего гражданина нового общества, но и не может привить здоровых трудовых навыков, не может обеспечить крепкое здоровье и чистый дух. В лучшем случае раннее занятие торговлей создаст ограниченного, трусливого, мелочного мещанина.

Тем не менее, тот способ борьбы с уличной торговлей и спекуляцией подростков, какой в 1920—1921 гг. стали применять кое-где на местах, не может быть одобрен: местные власти об'являли войну этой торговле спекуляции, грозя виновным в этом подросткам и их родителям суровыми наказаниями.

Если даже, с помощью чрезвычайных мер, и удалось добиться этим путем прекращения детской торговли, то в значительном числе случаев это покупалось бы слишком дорогой ценой. Ребенок обрекался бы таким образом либо на голодную смерть, либо на воровство, проституцию, или нищенство; нетрудно решить, что лучше: торговля или нищенство.

С одними репрессивными мерами к этому болезненному явлению подходить нельзя, как нельзя огульно и безоговорочно снимать с работ подростков, работающих на предприятиях вопреки законам об охране труда подростков. Рядом с запретительными мерами, польза которых, конечно, не подлежит спору, необходимо также озаботиться дальнейшей судьбой малолетних после запрета торговли или снятия с работ. Иначе подросток, насильственно отрываемый от станка на заводе, от прилавка или от лотка, вынужден будет пойти по пути преступления, и выигрыша, очевидно, не будет ни для него самого, ни для коллектива.

Подросток, снимаемый с работ, или отрываемый от растлевающего влияния спекулятивного рынка, должен быть более или менее обеспечен углом, местом в детском доме или общежитии, вообще некоторой реальной, организованной социальной помощью. И прежде всего, это обязательно по отношению к детям беспризорным и одиноким.

Если рядом с мерами запретительными достаточно интенсивно будет вестись созидание новых детских учреждений и расширение уже существующих, то насильственные меры и не понадобятся: дети улицы, кандидаты на преступление в первую очередь—сами охотно променяют жизнь под крышей, в сносных материальных и моральных условиях, торчанию впроголодь, в жару, в дождь и мороз на улице с лотком товаров, под вечной угрозой ареста, а нередко также и побоев в милиции. Если понадобится, будет применена репрессия, но в этом случае такая мера будет вполне целесообразна и внутренно оправдана.

В частности, запрещение уличной торговли для подростков должно сопровождаться также запрещением взрослым, под угрозой отдачи под суд, покупать что-либо у малолетних торговцев. Московским Советом эта мера уже давно проведена, но, повидимому—как этого и следовало ожидать—практически она дает очень мало: чрезвычайно трудно обеспечить на деле ее осуществление даже на рынках, а уж вообще по городу и подавно.

Сказанное относится полностью и к снятию подростков с работ. Наш кодекс законов о труде, как известно, шире и общее, чем где бы то ни было, охраняет организм подростка от чрезмерного, опасного для жизни отягощения трудом. Как правило, труд малолетнего (до 14 лет) не допускается вовсе, от 14—16 лет ограничен четырьмя часами в день и труд несовершеннолетнего (от 16—18 лет) ограничен шестью часами.

Но недостаточная организация инспекции труда, а также целый ряд трудно одолимых об'ективных обстоятельств переходного времени приводят к тому, что нормы эти сплошь и рядом не соблюдаются даже в государственной (и кооперативной) промышленности, частные же предприниматели еще умышленно стараются обойти стеснительные, невыгодные для них статьи кодекса труда. Тем не менее, излишняя поспешность и прямолинейность в стремлении оградить интересы подростков здесь тоже могут принести вместо пользы вред.

Когда осенью 1919 г. в Петрограде попытались было произвести массовое снятие подростков с государственных предприятий, (частных тогда, как известно, не было), то очень скоро спохватились и вернули обратно всех снятых на фабрики и заводы. Ибо, если снимаемому не обеспечен минимум социальной помощи на первое время, то, избавив молодой организм от слишком раннего промышленного труда, мы в то же время обрекаем его на еще горший вред даже для его телесного здоровья, а уж о моральном благополучии и говорить нечего.

Если же обеспечить ему минимальную социальную помощь и заботу мы ему в данную минуту не можем, то лучше скрепя сердце примириться, до лучших времен, с меньшим злом, чтобы этой ценой избавить подростка от больших опасностей и бедствий.

В последнее время довольно энергично борются с тенденцией государственных учреждений и предприятий «разделываться» с подростками путем их «сокращения». Средством борьбы служит установка определенного, бронированного для данного предприятия, числа занятых в нем подростков, числа, ниже которого оно не должно опускаться.

ЧАСТЬ II.

Советское законодательство.

Из всего предыдущего видно, как медленно просачивался в сознание и еще медленнее осуществлялся в законодательстве новый взгляд на детские правонарушения, существенно отличный от взгляда на преступность взрослых. Если в отношении взрослых государство на первый план выдвигает задачу пресечения и изоляции негодных, с точки зрения общественной, элементов, задачи же перевоспитания, исправления и, главное, предупреждения преступлений считает второстепенными, то с преступлениями детей положение стало обратным: на первый план выдвинулись именно задачи исправления и социальной профилактики, социальной гигиены.

Но, как мы уже видели, даже особые детские суды—за исключением отчасти русских, созданных позже, чем всюду— не порвали целиком с традициями и духом старого судебного процесса, и карательный элемент не только сохранился в них вполне явственно, но и признавался принципиально допустимым и уместным.

Ограничиваясь в дальнейшем только пределами Советской России, отметим, прежде всего, те элементы детского законодательства, которые были проникнуты этим старым духом.

Начать с того, что сохранилос самое название «суд» и все процессуальные термины, суду свойственные. Далее, сохранился сословный характер, свойственный общему суду того времени: преступления детей привиллегированных сословий (дворян и почетных граждан) связанные с ограничением в правах, рассматривались не в особой детской камере, а в окружном суде.

Самое же главное, что старый дух сохранился в харак-

тере «приговоров», не говоря уже о житейской практике, которая значительную часть добрых намерений детского судьи делала неосуществимыми. Даже оффициально не были редкостью случаи присуждения детскими судьями в тюрьму.

Кроме того, даже старейший из русских детских судов, Петербургский успел просуществовать только шесть лет, пока его смела революция, остальные же, крайне малочисленные детские камеры имели еще более кратковременную историю; поэтому существенного влияния на судьбы юной русской преступности они не успели получить и роль их, весьма почтенная для своего времени, была почти исключительно идейная. Они всколыхнули затхлые, застоявшиеся в веках понятия о природе детских правонарушений, родительской власти и ее неограниченности, о глубокой, определяющей важности социальных моментов и социальных реформ в мире преступности вообще.

Октябрьская революция, перевернувшая все наши социальные отношения, не могла не провозгласить новых принципов и в этой области. Революция близко к сердцу приняла интересы детей вообще, детей с тем или иным видом дефективности в частности. Уже через 2½ месяца после октябрьского переворота, 14 января 1918 г., был опубликован декрет о комиссиях по делам о несовершеннолетних, сущность которого, легшая в основу всех последующих мероприятий, мы излагаем ниже.

Согласно декрету (опубликован был в ст. 224 № 16 Собр. Узак. и Расп. за 1918 г.) все дела по обвинению малолетних и несовершеннолетних до 17-ти летнего возраста, обоего пола, «из'емлются из ведения общих судов всякого рода» и передаются на рассмотрение вновь создаваемых комиссий по делам о несовершеннолетних, ставящих себе чисто педагогические и медицинские цели.

Упраздняя общие суды и тюрьмы для несовершеннолетних, законодатель исходил из того, уже рассмотренного

нами положения, что содержание в тюрьмах, мера наказания, до сих пор применявшаяся к юным правонарушителям, да и самый разбор дел в общем порядке не только не достигают цели исправления и спасения детей, но действуют даже прямо противуположно.

С другой стороны, оффициальная мотивировка указывала, что юных правонарушителей нельзя считать преступниками, что в подавляющем проценте это дети улицы, жертвы нужды, ужасных жилищных условий и распада семьи, а иногда это—дети больные, ненормальные.

Общественно-опасные деяния — констатирует оффициальное раз'яснение—являются следствием или прямой болезни—и в таком случае требуют, очевидно, специальных мер лечения—или обусловлены умственным недочетом—и значит, требуют применения особых методов обучения, или, наконец, указывают на грубые недостатки воспитания, полученного ребенком, либо на прямую нравственную дефективность и, значит, нуждаются в тех или иных мерах медикопедагогического воздействия.

В согласии с такой точкой зрения законодатель на первое место в комиссии поставил педагогический и медицинский элемент. Во главе комиссии стоит представитель местного отдела народного образования, педагог, а в состав ее входят врач, представитель местного здравоотдела (по возможности психиатр)); третьим членом комиссии является представитель местного отдела юстиции, юрист (в последние годы народный судья). В начале участвовал еще представитель Собеза.

Таким образом, преобладание медикопедагогического элемента в составе комиссии, а значит, и соответственный подход к разбираемым правонарушениям был вполне обеспечен. Представитель же отдела юстиции был введен в комиссию на первых порах только с той целью, чтобы уравновесить юридическую неосведомленность остальных членов

се и придать ее работе, ее постановлениям надлежащий юридический облик, в смысле согласования с существующим советским законодательством.

Само собой разумеется, что ни врач, ни педагог, ни тем более юрист не являются, в качестве членов комиссии, представителями того или другого ведомства. Все они принадлежат к единственному «ведомству», о котором можно в данном случае говорить, именно ко всему государству в целом, как верховному опекуну детства, верховному защитнику прав ребенка.

Противуположная, ведомственная точка зрения иногда возникала в работе комиссии в результате того обстоятельства, что члены ее получали вознаграждение отчасти по смете того органа, каким данный член комиссии делегирован. Это придавало комиссии по делам о несовершеннолетних сходство с обычными, техническими, так сказать, междуведомственными комиссиями—сходство, совершенно обманчивое, разумеется.

Изложенный выше декрет, явившийся первым в Советской истории вопроса, был, подобно ряду последующих, только этапом в живом, ищущем новых форм, детском законодательстве. Позднейшие декреты и циркуляры в значительной степени изменили первоначальный облик комиссий и отчасти даже всего законодательства о несовершеннолетних. Мы не будем шаг за шагом прослеживать эти этапы, а изложим только их общий ход и тенденцию, чтобы стала ясной неизбежность той стадии, в какой данная область находится сейчас.

Уже вскоре после опубликования первого декрета практика комиссий показала ряд трудностей на ее пути. Часть этих трудностей была, так сказать, внутреннего по отношению к комиссиям порядка, часть внешнего. Начнем с внутренних.

Нищая даже общекультурными, а тем более спе-

циально подготовленными работниками, революционная Россия с первых же дней существования комиссий испытывает острую нужду в сколько-нибудь подходящих сотрудниках. Вся область старого права, старого суда была революцией сметена почти целиком, и для создания новых органов юстиции трагически не хватало работников даже в деле народного суда.

Известно, что общий уровень деятелей судобного ведомства был у нас в первое время очень неудовлетворителен, в комиссии же—так повелось с самого начала—отделы юстиции командировали отнюдь не самых лучших работников, а лишь наиболее свободных, тех, без кого местный отдел юстиции легко мог обойтись. Естественно, что выбор в таком случае чаще всего падал как раз на наименее энергичного, наименее работоспособного и образованного.

Мало того: представители от ведомств часто менялись, так что ни один из них не мог накопить известного, чисто практического хотя бы, опыта в работе комиссии. С другой стороны, текучесть и изменчивость состава комиссии препятствовала его членам спеться, сработаться как следует для участия в общем, еще только формирующемся деле и вредно отзывалось на авторитете комиссии у местного населения, особенно в небольших губернских центрах и в уездных городах.

Чтобы придать работе комиссии устойчивость и регулярность, одна из позднейших инструкций Наркомпроса предписывает назначать каждому из членов комиссии постоянного заместителя. Это, конечно, целесообразно, но еще лучше, если к услугам таких заместителей будут прибегать только в крайнем случае, например, на время болезни или от'езда постоянного члена комиссии. Ибо устойчивость состава комиссии до сих пор еще остается, к сожалению, главным шансом приобретения ее членами практического, хотя бы, стажа, если уж нет возможности дать работникам комиссии должную специальную подготовку.

Согласно декрету, комиссии учреждаются в каждом губернском и уездном городе, а в случае надобности—например, в зависимости от этнографической пестроты населения —учреждаются и отдельные городские комиссии в одном городе, как это имеет место в Москве.

Острый недостаток в работниках, неустойчивость правового, а также финансового положения комиссий, крайне слабая связь между центром губернии или уезда и периферией вследствие неналаженности транспорта и почты, отсутствие или позднее получение (иногда через полгода и более) инструкций из Москвы—все тормозило развитие комиссий не только в уездных, но и в губернских городах.

Вообще детская преступность в городах обслуживается, как правило, губернскими комиссиями, и об'ем их работы в значительной мере ограничен, на практике, именно городской чертой.

Все перечисленные выше неблагоприятные обстоятельства и тормазы, а равно и острый недостаток специальных медикопедагогических учреждений по нравственной дефективности и принудительному воспитанию, недостаток подсобных сотрудников по правовой охране детства—все это обесценивает в значительной мере плоды усилия в данной области.

Этим же об'ясняется и вынужденная принципиальная ломка молодого дела.

Все эти минусы и препятствия требуют самого пристального изучения, чтобы на опыте прошлого, на его ошибках и неудачах научиться строить новое, более прочное и совершенное здание детского законодательства. Ибо организационный период здесь, по новизне дела и социальной обстановки, и сейчас еще далеко не закончен.

В первое время комиссии на местах даже не знали толком, в каком ведомстве и в чьем ведении они находятся. Вначале их причислили к народному комиссариату социаль-

ного обеспечения, что было, конечно, совершенно нерационально, так как переводило борьбу с преступностью в несвойственную ей плоскость общественного призрения и нравственную дефективность как бы отождествляло с инвалидностью, вообще с социальной безпомощностью. С декретом от 14 января принадлежность к Наркомсобезу, конечно, не вязалась.

Притязания на заведывание делом борьбы с детской преступностью заявлял одно время и Наркомюст, что грозило с первых же шагов круто повернуть советское законодательство к старым идеям и посягало на лучшие черты нового, революцией завоеванного, порядка, который тем и дорог, что он не судебный.

В конце концов спор завершился единственно правильным образом: комиссии и вся вообще область борьбы с детской преступностью, правовая защита детей и социальная помощь детству окончательно признаны частью деятельности просветительных органов Республики и входят в Наркомпрос.

Сейчас организационная схема такова. Физическая дефективность детей составляет заботу Наркомздрава и отделов здравоохранения на местах.

Участие здравоохранительных органов состоит, с одной стороны, в создании сети специальных лечебных учреждений для детей с далеко зашедшей физической дефективностью, а с другой стороны, в командировании своих представителей, врачей в состав комиссий по делам о несовершеннолетних. Всю остальную область детской дефективности ведает Отдел Охраны Здоровья детства в центре и соответственные под'отделы (Поздравдет'ы) на местах.

Заодно упомянем о так называемом Совете Защиты детей (в центре и на местах)—превосходном по мысли учреждении, которому, к великому сожалению, не достает практической жизненности, и о гораздо более жизненной, суще-

ствующей при В.Ц.И.К., комиссии по улучшению жизни детей.

Но цель этих организаций, особенно Совета, главным образом—собирание материальных средств в пользу детей; впрочем, комиссия В.Ц.И.К. в последнее вермя даже оффициально включила в круг своей работы также практические меры борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями несовершеннолетних.

Умственную и нравственную дефективность обслуживает Наркомпрос в лице своего Отдела правовой охраны детей в центре и на местах (отделы Народного Образования с своими под'отделами социального воспитания и секциями правовой охраны детей).

Неустойчивость положения комиссий была так велика, что на местах долгое время не знали толком, кто же, в конце концов, обязан оплачивать труд членов комиссии и вообще финансировать ее. По существующему ныне окончательному порядку, члены комиссии, врачи, делегируемые органами здравоохранения, получают вознаграждение от этих учреждений лишь в тех случаях, если они работают в комиссии по совместительству, вообще же жалование всем членам комиссии оплачивается по сметам отделов народного образования. Эти последние несут также все расходы по содержанию технического персонала и содержат все учреждения, при комиссии создаваемые.

Здесь же уместно будет отметить крайне низкие ставки оплаты работников комиссии. Состоявшееся в 1920 г. распоряжение повысить на 50%, против обычных ставок работников, просвещения, ставки всех деятелей по дефективности, ввиду крайней тяжести этой работы и опасностей с нею связанных, поступило на места, как и всякий вообще инструктивный материал, с большим опозданием, и мне известны случаи, когда члены губернской комиссии сначала по целому полугоду и дольше ждали своего жалованья,

а потом получали настоящие гроши—тысяч восемьдесят в месяц (в конце 1921 г.).

При таких условиях в комиссию шли только действительно любящие дело люди, или же неудачники и безработные, большинство же старалось уклониться от почти бесплатной службы, не дававшей, вдобавок, большей частью внутреннего удовлетворения.

При недостатке специалистов и даже вообще сколько-нибудь подготовленных работников, при крайней недостаточности наличных мер медикопедагогического воздействия и почти полном отсутствии в распоряжении комиссии специальных воспитательных учреждений, деятельность их не могла быть особенно плодотворна, и за пять лет своего существования они не успели, повидимому, завоевать серьезного доверия в массах. Слабый уровень большинства комиссий, их бессилие в борьбе с все растущей преступностью детей, бьющее в глаза несоответствие между проступком или преступлением и теми, в большинстве словесными мерами воздействия, которыми они располагали, привели к тому, что рядом позднейших декретов первоначальная компетенция комиссии была значительно сужена.

Первое нововведение в интересующей нас области носит еще не ограничительный, а напротив, расширительный характер, но не в отношении полномочий и компетенции, а в отношении возраста лиц, подведомственных комиссиям. Этим актом из сферы действия общих судов были изъяты лица не до 17, а до 18-летнего возраста; отныне и малолетние, т. е. дети до 14 лет, и несовершеннолетние до 18-летнего возраста, в случае совершения ими правонарушений, подлежали ведению исключительно комиссий по делам о несовершеннолетних, и все дела о них, находящиеся в каких бы то ни было судебных или административных органах, подлежали немедленной передаче в соответственные комиссии. О том, как грубо нарушалось это

последнее категорическое требование различными учреждениями в ущерб компетенции комиссий, мы скажем ниже, а сейчас перейдем к важнейшему в истории комиссий этапу, именно к декрету от 4 марта 1920 г.

В этом декрете, ставшем поворотным пунктом в развитии комиссий, рядом с расширением возрастной юрисдикции комиссий заключается первое существенное ограничение ее компетенции.

Признавая несовершеннолетними лиц обоего пола, не достигших 18-летнего возраста, декрет об'являет для них суды и тюремные заключения упраздненными (ст. 1 декрета). Дела о несовершеннолетних, замеченных в действиях общественно-опасных, отныне подлежат ведению комиссий по делам о несовершеннолетних. Но следующая, четвертая статья декрета вносит весьма существенное, фактически и принципиально, ограничение в этот общий порядок. Она гласит:

«При рассмотрении дел о несовершеннолетних старше 14 лет, если комиссией будет установлена невозможность применения к несовершеннолетнему мер медикопедагогического воздействия, дело передается комиссией для слушания в народный суд».

Таким образом, порядок первого послереволюционного периода, когда суды. действительно, были упразднены для всех малолетних и несовершеннолетних, теперь сохраняется только для детей до 14 лет, по отношению к которым комиссии сохраняют всю полноту своих полномочий. Дела обвиняемых более старшего возраста попадают, правда, тоже в комиссии, но не рассматриваются там в тех случаях, если комиссии по тем или иным причинам находят невозможным или неуместным применить медикопедагогические меры.

В этих случаях дело переходит на рассмотрение в общий суд, и последний имеет право—хотя и не обязан, конечно—в подлежащих случаях приговорить несовершеннолетнего к

лишению свободы. Но при этом тот же декрет, как непременное условие, требует, чтобы Нкюст помещал несовершеннолетних в местах заключения отдельно от взрослых. С этой целью Нкюст обязывается озаботиться созданием, вместе с Нкпросом, сети реформаториев, то есть учреждений полувоспитательного, полутюремного типа.

Таким образом, хотя и с существенной оговоркой (гарантия отдельного от взрослых помещения в местах заключения), но общие суды были, правда, в виде исключения— восстановлены для несовершеннолетних. Факт печальный, но другого исхода в данной обстановке не было.

Поворот довольно крутой. Ближайшие причины этого поворота коренятся, конечно, в том пункте декрета (примечание к ст. 5), который обязывает Наркомюст «осуществить более строгий надзор за личным составом комиссий о несовершеннолетних и о том, как выполняется их обязанность».

Дело, значит, в уже отмеченной выше слабости большинства комиссий: для такого громадного количественно и необычайно ответственного дела у нас еще нет подходящих исполнителей. К тому же и число комиссий сильно отставало от жизни. В уездах комиссий даже просто не из кого было создавать.

Не меньшее значение, в ряду причин столь резкого поворота, имеет и крайняя малочисленность специальных воспитательных учреждений. Не имея в своем распоряжении сносно поставленных и сколько-нибудь обеспеченных оборудованием и руководителями воспитательных учреждений, комиссии вынуждены в значительном числе случаев, даже довольно серьезных, удовлетворяться, в качестве медико-педагогической меры, выговором и возвращают правонарушителя к родителям под надзор этих последних, к явному иной раз вреду для их будущего. Это с одной стороны, грозит умножением рецидива, а с другой—создает комиссиям

и среди самих правонарушителей, клиентов комиссии, и среди их родителей славу бездеятельности.

Комиссий при таких условиях не только не боятся—это, в сущности, и не желательно—но и не уважают: «там только расспросят, посрамят и отпустят»—успокаивают новичка опытные, «фартовые» подростки—правонарушители.

Усиление роли общего суда, вообще судебного элемента в деле борьбы с детской преступностью не остановилось на опубликовании декрета 4 марта. Уже два месяца спустя, 12 июня того же 1920 г., опубликована, в форме инструкции комиссиям о несовершеннолетних, еще одна, важная практически и принципиально, мера: отныне тем представителем от местного отдела юстиции, который входит в состав комиссии, должен быть один из народных судей. (Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних. Собр. Узак. 1920 г. § 66, ст. 506).

Когда несовершеннолетний обвиняется в более серьезном правонарушении (ниже приводится перечень, чтобы показать, о каких именно нарушениях идет речь), то дело, попав в комиссию, немедленно передается оттуда этому члену комиссии, народному судье. Последний втечение трех дней должен представить свое обследование дела, причем комиссия даже не вправе вмешиваться в это обследование.

Более тяжкими правонарушениями признаются: покушение на жизнь человека, нанесение тяжких ран, изнасилование, разбой, грабеж, подлог, подделка денежных знаков и документов, взяточничество, крупные хищения из учреждений и крупная спекуляция.

Такое участие народ. судьи в известной мере, может оказаться весьма полезным для нетвердых, еще только отыскивающих себя комиссий, но в то же время может внести и действительно вносит в их работу тот специфический дух отправления правосудия, ту атмосферу возмездия и кары, отсутствие которой представляет самую до-

рогую особенность и богатство Советского законодательства о детях.

Эта последняя точка зрения господствовала и на том всероссийском с'езде по борьбе с детской дефективностью, о котором уже была речь выше по поводу доклада на с'езде о росте детской дефективности. В работах с'езда живое участие приняли, между прочим, А. М. Горький, А. В. Луначарский, ряд крупнейших знатоков детской дефективности и ученых, как В. М. Бехтерев, Россолимо, П. П. Люблинский, А. С. Грибоедов, П. Г. Бельский и др.

В огромном большинстве своем с'езд стоял на почве чисто воспитательных и медицинских методов борьбы с детской дефективностью. Такое отношение с'езда особенно сказалось в несочувственной встрече доклада Н. Крыленко, которй исходил преимущественно из начал борьбы судебной.

Между прочим, доклады отмечали высокую ценность и плодотворность комиссий о несовершеннолетних в их первоначальном виде, но скорбели о крайней недостаточности числа учреждений для дефективных детей, и в особенности констатировали исключительную важность создания повсюду института так называемой «детской милиции» (детской, социальной инспекции).

В дальнейшем важных законодательных актов о комиссиях не появлялось вплоть до утвержденного в ноябре 1922 года В.Ц.И.К. Уголовного кодекса, который своей статьей 18-ой нанес новый удар воспитательному духу комиссий и еще более сблизил работу эти последних с общим судом, но об этом, как и об изменении ст. 18—ниже.

Детское законодательство в целом, область социальной инспекции, опеки и пр.—продолжало расширяться и разрабатываться непрерывно. В интересующей же нас сейчас области правового положения несовершеннолетних можно отметить только постановление президиума В.Ц.И.К. (опуб-

ликовано в № 166 «Известий» В.Ц.И.К., от 19 июля 1922 г.) о «неприменении высшей меры наказания к лицам, не достигшим в момент совершения правонарушения 18-летнего возраста».

Но и без новых законодательных актов общий дух в отношении деятельности комиссий клонился в сторону их ограничения, в сторону все большего усиления судебного элемента. Хотя председателем комиссии по закону остается педагог, но руководящая роль фактически часто переходит к представителю юстиции, народному судье; он не только блюдет закопосообразность форм работы, но и задает зачастую тон всей работе комиссии.

Право в отдельных случаях передавать дело на рассмотрение народного суда стало применяться комиссиями довольно широко, хотя вначале процент передаваемых дел в моем, например, опыте не превышал 6—7 из общего числа рассматриваемых дел. Комиссии соблазняются возможностью избавиться от более сложных процессов, где замешано несколько человек и где степень участия каждого как и вообще фактическую сторону дела трудно установить.

Без намерения сделать упрек комиссиям следует констатировать, что более сложные дела стали передаваться в народный суд независимо от того, применимо ли было бы здесь и осуществимо ли по местным условиям медикопедагогическое воздействие. Комиссии нельзя винить за это, ибо сколько-нибудь запутанное, небанальное дело, при отсутствии Распределителей и скудости кадра обследователей, они не в состоянии расследовать по настоящему. Особенно это наблюдается там, где замешаны взрослые в качестве соучастников или заинтересованных третьих лиц: для этих случаев нынешний аппарат и особенно, персонал комиссий оказывается зачастую неподготовленным и неприспособленным.

Если на Украине бандитские дела с самого начала были из'яты из компетенции комиссии, то в Р.С.Ф.С.Р. никакого из'ятия не было введено вначале даже для всех видов контр-революционных деяний и военного шпионажа. Но на практике дела о шпионаже, о службе в белой разведке, о контр-революционных выступлениях и вообще дела, носящие более или менее явную политическую окраску, с самого начала ускользали от ведения комиссий.

Вначале это совершалось вопреки декретам и без согласия и ведома самих комиссий, так что Отдел правовой защиты Наркомпроса летом 1920 г. вынужден был (в «Известиях» В.Ц.И.К.) жаловаться на систематическое, несмотря на все протесты Отдела, пренебрежение к законному порядку разбора дел о несовершеннолетних.

Сотни несовершеннолетних продолжали задерживаться долгими неделями в общих тюрьмах, арестных домах, в концентрационных лагерях, числясь за административными органами и преимущественно за Ч.К. Несмотря, повторяю, на многократные запрещения и напоминания, различные учреждения, даже судебные (трибуналы) не признавали компетенции комиссий о несовершеннолетних и зачастую оставляли у себя и самих обвиняемых, и дела о них. Все это свидетельствует не только о слабом уровне законности, но и о невысоком уровне авторитета, каким пользовались комиссии у судебных органов.

Чем дальше, тем чаще стала практиковаться передача дел нарсуду, иногда даже без необходимости, по почину самих комиссий. В делах хотя бы отчасти политических комиссии не решались брать на себя ответственность и свое участие ограничивали простой пересылкой производства в народный суд, себе же оставляли только наиболее легкие, бесспорные и неответственные дела.

Немудрено, если и в населении это сильно понижало удельный вес комиссий. С этим же вместе и сами работ-

ники комиссий как-то теряли уважение к плодотворности, к солидности своей работы.

Недовольство современным положением вещей, особенно со стороны Наркомюста, в последние два года не ослабевало. Это недовольство сказывалось в возникающих от поры до времени все новых и новых проектах, имеющих одну общую тенденцию: еще больше усилить элемент судебный и карательный. В московской печати, в особенности в 1922 г., почти не прекращалась оживленная дискуссия о дальнейшей судьбе комиссий и об их реформе. Точку зрения Наркомюста развили в ряде обстоятельных статей тов. Саврасов, зам. представителя московского Совнарсуда тов. Лисицын и тов. Приградов-Кудрин, а точку зрения Наркомпроса отстаивала заведующая Отделом Правовой охраны Наркомпроса С. Копелянская.

Из всей этой полемической литературы отметим главное.

Тов. Саврасов высказывал довольно популярное сейчас мнение о желательности вернуться к старому, принятому в нашем дореволюционном законодательстве, принципу «разумения» в отношении несовершеннолетних (от 14—18 лет). Это значит, что передача дела несовершеннолетнего в общий суд должна зависеть не от наличия или отсутствия в данном пункте подходящих медикопедагогических мер воздействия и не от степени их применимости для данного случая, а исключительно от того, какова степень «разумения» обвиняемого.

Если комиссия придет к заключению о полном разумении, то дела направляются в общие судебные места, и разница в пользу обвиняемого должна, очевидно, состоять лишь в простом смягчении приговора, во внимание к несовершеннолетию подсудимого. Но весь аппарат карательных мер, все процессуальные формы становятся, в таком понимании, общими для взрослого и несовершеннолетнего подсудимого.

Проект уготовляет, таким образом, Комиссии в отношении обвиняемых указанной возрастной группы роль простой экспертной инстанции. В каком отношении он стоит к ныне действующему, согласно уголовному кодексу, положению о комиссиях, будет видно из дальнейшего.

Работа комиссий о несовершеннолетних.

Комиссия по делам о несовершеннолетних по идее нашего законодательства является центром весьма разнообразной работы в пользу ребенка, но мы имеем ввиду пока только одну функцию комиссии—разбор дел о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных поступках.

Заменив собой детский суд, комиссия отнюдь не является все же своеобразным судебным местом: это своего рода педагогический совет. Идея коллегиальности, введенная в структуру комиссии для разносторонности и полноты оценок, не должна все же нарушать единства выводов; случаи, когда кто-либо из членов комиссии остается «при особом мнении» и заносит это в протокол, крайне нежелательны.

Постановления комиссии носят не карательный, а лечебно-воспитательный характер. Не деликт интересует ее, а личность обвиняемого--употребляем термин «обвиняемого» только для удобства.

Поэтому в практике комиссий не всегда ясна пропорциональность между размером, важностью совершенного деяния и удельным весом, так сказать, вынесенного постановления. Тогда как в суде крупному преступлению всегда соответствует крупный приговор, здесь возможно резкое несоответствие. Иногда несущественный проступок подростка приводит к решению подвергнуть его принудительному воспитанию, а иногда наоборот, существенный

с точки зрения уголовного закона, акт не требует от комиссии каких-либо серьезных мер воздействия на обвиняемого.

Дела в комиссию, как правило, поступают из Приемника (приемного пункта), который является как бы пунктом скорой социальной помощи несовершеннолетним, на подобие пунктов скорой медицинской помощи. Приемники являются в то же время детскими милицейскими участками, куда направляются все вообще дети, нуждающиеся в правовой и социальной охране. Здесь находят себе приют как совершившие правонарушения до разбора их дела, так и беспризорные дети, бродяги, нищие, вовлеченые в разврат, заблудившиеся, потерявшие своих родителей и пр.

На практике комиссии часто получают обвиняемых и дела о них от судебных и административных мест, а также от общей милиции. Судебные и административные учреждения (до недавнего времени трибуналы, органы Ч.К. и Г.П.У.), сталкиваясь с несовершеннолетними по делам, где последние участвовали вместе со взрослыми, по ходу процесса часто выделяли несовершеннолетних и передавали их комиссиям, общая же милиция, случалось, приводила задержанных ею подростков даже прямо на заседание комиссии, вопреки всяким инструкциям и точному смыслу декретов.

Таким образом, нормальный порядок, при котором юный правонарушитель попадает сначала в Приемник, оттуда, для систематического наблюдения и обследования, в так называемый Распределитель и уже оттуда на заседание комиссии,—на практике сильно искажался и искажается, ввиду отсутствия в распоряжении комиссии названных выше воспитательных детучреждений. Так как этих учреждений и сейчас нет при многих комиссиях, а создаются они, по понятным причинам, очень медленно, то нелишним будет присмотреться к этому, искаженному порядку.

Печальная сторона такого положения заключается в том, во-первых, что обвиняемый не может быть обследован предварительно и потому постановление комиссии в отношении его часто страдает незрелостью, педагогической необоснованностью, даже прямо случайностью. Во-вторых, ребенок оказывается втечение более или менее продолжительного времени в той сфере общего уголовного суда или административной репрессии, от которой как раз старается избавить его современное законодательство.

В частности, подросток в этих случаях почти всегда проводит некоторое время под арестом в обществе взрослых заключенных, и это, как мы уже знаем, болезненно отражается и на моральном, и на телесном облике несовершеннолетнего.

Мне известно много случаев, когда малолетний попадал в комиссию из общего участка милиции, где он проводил иногда несколько часов, а иногда и два-три дня, в ожидании ближайшего заседания комиссии, и за это время испытывал на себе не только развращающее влияние обстановки, но и побои, иногда доходившие до истязаний. В этих случаях комиссия, едва приступив к разбору обвинения, возбужденного против подростка, в то же время вынуждена была приступить и к разбору дела о нанесении в милиции побоев подростку.

Надо сказать, кстати, что вообще отношения между милицией и под'отделами правовой охраны детей, в частности комиссиями часто ненормальные. Милиция тяготится возней с малолетними правонарушителями, справедливо полагая, что забота о них—вовсе не ее дело, и старается как можно скорее спихнуть эту заботу от себя, переправив их в комиссию, в общий детский дом—вообще куда только можно.

Вдобавок, общая милиция при задержании детей не всегда получает на их содержание необходимые кредиты,

и дети в «районе» либо голодают и поступают в комиссию прямо заморенными от голода, либо опять-таки висят на шее у бюджета милиции.

Ненормальность идет и гораздо дальше: общая милиция, далекая, как известно, по своему уровню от идеала, часто обнаруживает в отношении малолетних большое легкомыслие в деле возбуждения против них обвинений. Милиционер, в большинстве человек темный и неразвитой, плохо отдает себе отчет в удельном весе проступков и задерживает подростков по таким пустым, несущественным поводам, в которых, говоря судебным языком, нет и следа «состава преступления».

Милиция нередко привлекает к ответственности—и по этому случаю держит втечение полусуток и больше у себя под замком—за такие «общественно-опасные» деяния, как катание на коньках на троттуаре, или сбивание палкой каштанов через забор в чужом саду. Милиция плохо отличает случаи шалости, озорства или непослушания от случаев правонарушения, имеющего антиобщественный характер. Ясно, что комиссия не может охватить всех мелких, в пределах житейской нормы находящихся, проступков каждого малыша, каждого школьника: ее ведению подлежит только то, что представляет общественный вред и притом выходит за пределы нормы [1]).

Между тем, занятие такими ничтожными вопросами и «обвинениями» не только отнимает у комиссии много ценного времени, которого не хватает на более существенные дела и вопросы, но и наносит прямой вред маленьким озорникам, которые, вследствие чрезмерного усердия милиции, оказываются клиентами комиссий.

Надо не забывать, что разбор дела комиссией есть все

---

[1]) Был случай, когда милиция привлекла подростка к ответственности за покушение на ...самоубийство! „Преступник“ провел в районе почти сутки и оттуда был приведен в комиссию под конвоем...

же довольно серьезная воспитательная мера, независимо от результата этого разбора. Как ни старается комиссия возможно меньше напоминать собой суд, но известный, и притом горький осадок неизбежно оставляет разбор дела в душе и сознании «обвиняемого», особенно если он присутствует лично на заседании. Поэтому таким, как-никак сильно-действующим лекарством, как разбор дела в комиссии, нельзя злоупотреблять. Во всяком случае применять его по пустякам, пренебрегая раной, наносимой душе ребенка, недопустимо.

Вернемся, однако, к нормальной процедуре, как она предусмотрена инструкциями для комиссий.

Основное правило, вне которого вся деятельность комиссий наполовину теряет свою ценность, состоит в том, что к разбору правонарушения комиссия должна приступать лишь тщательно выяснив облик ребенка и окружающую его материальную и моральную обстановку. Эту свою обязанность комиссия выполняет силами воспитателей-обследователей (обследовательниц). При комиссии существует штат таких сотрудников, и обследование каждого клиента комиссии коллектив обследователей поручает одному из своих членов.

Члены комиссии, особенно педагог и врач, обязаны знакомиться с привлекаемыми подростками до заседания. На заседании же делается лишь сводка собранных данных о нем и оценивается самое правонарушение, после чего выносится постановление. По удачному выражению А. Рубашевой, коллегия обследователей—это периферия комиссии: «коллегия делает то, чего последняя физически не в состоянии сама выполнить». Таким образом, на обследователях лежит очень ответственная задача: они глаза и уши комиссии, на их заявлениях и сведениях основывается, от них берут свое начало постановления комиссии.

Чрезвычайно ненормальны самые основы деятельности

многих комиссий в провинции--по крайней мере, такими они были в первые годы жизни этого института. Комиссии должны быть, по сути дела постоянным учреждением, открытым каждый день и во все рабочие часы. Вместо этого они функфункционируют именно как «комиссии», собирающиеся два три раза в неделю, по мере накопления «дел», а еще более в зависимости от наличия свободного времени у членов комиссии.

Между тем, весь состав комиссии должен заниматься своим делом специально, а не по совместительству, в «свободные от других обязанностей часы». Комиссия должна быть к услугам детей и заинтересованных в их судьбе взрослых каждый день, по крайней мере, с 10—4 часов, подобно всем другим постоянным учреждениям. Разбор же дел должен происходить не каждый день, так, чтобы члены комиссии имели время подготовляться к заседаниям.

При этом условии дела могут быть обстоятельно обследуемы и вообще изучаемы до заседания, и в деятельности комиссии не будет ни перебоев, ни недоимок, ни затора. Тогда и население будет с большим уважением смотреть на этот основной орган правовой охраны детства.

Постановления комиссий.

В немалом числе случаев разбор дела остается для подростка без всяких фактических последствий: говоря судебным языком, он выходит из суда «оправданным». Это значит, что инкриминируемый ему поступок не заключает в себе ничего общественно-опасного (анти-социального), и обвинение возбуждено легкомысленно, без достаточного основания, или же что не подтвердился самый факт проступка, либо участие в нем подростка.

В остальных случаях устанавливается необходимость принять те или иные медикопедагогические меры. Они де-

лятся на две основные группы: меры, не связанные с из'ятием обвиняемого из окружающей его среды, и меры, связанные с более или менее резким изменением этой последней (в частности, та или иная форма принудительного воспитания).

К первой группе относится: беседа, внушение, выговор, строгий выговор в присутствии родителей, помещение на работу, помещение в школу, отправка на родину или к родственникам в другой город. Изредка применяется также—хотя это требует большого такта и педагогической осторожности—наложение денежного штрафа на несовершеннолетнего (вычет из его жалованья), или требование возместить трудом ущерб, им нанесенный.

Видное место среди мер этой группы занимает отдача обвиняемого под ответственный надзор родителей или посторонних лиц. Она применяется самостоятельно, или присоединяется к одной из перечисленных выше мер.

Иногда может оказаться уместным нечто аналогичное условному осуждению, когда комиссия, ограничиваясь для данного случая строгим выговором, внушением и пр., в то же время предупреждает несовершеннолетнего, что в случае возбуждения против него новых дел последствия для него будут гораздо более серьезные. Вообще полезно бывает указать обвиняемому на опасность для него повторного совершения проступка—например, в зависимости, от возраста, ему может грозить при новом преступном деянии передача дела на рассмотрение не в комиссию, а уже в народный суд.

Ко второй группе, группе принудительного воспитания, относится помещение юного правонарушителя либо в нормальный детский дом, либо в Распределитель (наблюдательно-распределительный пункт, коллектор) для дальнейшего наблюдения, либо прямо в дом для трудно воспитуемых, дом дефективного ребенка. Для более тяжелых, за-

пущенных случаев применяются колонии (обычно сельскохозяйственные) и наконец, для самых тяжелых в воспитательном отношении натур—полутюремные по типу реформатории или трудовые дома.

Меры и формы педагогическаго воздействия могут быть столь же разнообразны, как разнообразна психология детей и их житейская обстановка. Во всяком случае, вынося свое постановление, комиссия руководится исключительно соображениями о том, в какой обстановке, в каких условиях ребенку наилучше могут быть привиты правила и навыки честной трудовой жизни.

Поэтому если комиссия постановляет определить ребенка в то или иное учреждение на воспитание (принудительное воспитание), то срок пребывания в нем ребенка не определяется заранее.

В этом — существенное отличие от суда, который «приговаривает» к определенному сроку наказания (тюрьме и проч.). Воспитатель не может заранее предвидеть, сколько именно времени потребует перевоспитание правонарушителя, и последний остается в учреждении до тех пор, пока не будет доведена до конца педагогическая задача—но разумеется, не дольше достижения им совершеннолетия.

Дело не только в том, чтобы подросток стал «вести себя хорошо»: перевоспитание ставит себе более ответственную цель привить ему **привычку, потребность** вести себя достойно. Дело вообще не только в улучшенном поведении, но и в углубленном, облагороженном сознании и отношении к жизни. Сделать так, чтобы совершивший кражу перестал красть—это лишь минимум успеха, к которому стремится принудительное воспитание. Если подросток перестал красть, но внутренно не изменился, существует большая опасность, что достигнуто только внешнее, ограниченное фактом, исправление, и что стоит обстановке жизни сложиться снова неблагоприятно—и он вернется к прежнему.

В смысле порядка, в каком ведутся заседания комиссии, наблюдается в разных местах большая пестрота, которая лишь постепенно уступает авторитету инструкций и создающейся традиции. Однако, общим положением, всю важность которого нельзя преувеличить, остается требование строгой простоты. Это крайне важно в смысле влияния и на обвиняемых, и на их родителей, и вообще на втягиваемых в орбиту заседания взрослых, ибо комиссия, помимо прямых своих задач, несет еще высокий долг прививать массе населения здравый взгляд на сущность детских правонарушений и на правильный путь борьбы с ними.

Для того, чтобы ведение дел в комиссиях могло быть как бы школой, проводником в массы разумных правовых взглядов, комиссия должна самым тщательным образом, до мелочей держаться педагогического тона, по возможности избегая процессуальных черт.

Забота об этом, как мы уже знаем, начинается уже с выбора терминов: мы говорим «комиссия» вместо «суда», «постановление» вместо «приговора», «беседа» вместо «допроса» и пр. В протоколе вместо «оправдан» мы пишем: «комиссия, обсудив дело, не видит оснований применить к такому-то (имя—рек) какие-либо особые воспитательные меры». Слова «подсудимый», «обвиняемый», конечно, совершенно исключаются.

Разумеется, обстановка революционного народного суда гораздо проще, чем это было в общих судах царских времен, но известная торжественность присуща обстановке и, главное, процедуре всякого суда. Возьмем хотя бы возглас «Суд идет», вставание всего зала, формальный опрос об имени, возрасте, месте рождения, партийности и пр., торжественное обещание, заменяющее присягу, и пр.

Перенесенные в залу заседаний комиссии, все эти черты наносили бы несовершеннолетнему явный вред. Чувствуя себя героем, или, по крайней мере, центром какого-то

серьезного и важного события, подросток больше всего думал бы о том, чтобы «не ударить лицом в грязь» и не показать себя трусом.

Вообще обвиняемый подросток в судебной обстановке поддается романтическому порыву, что, очевидно, не может не затруднить выяснение истины в деле и установление наилучшей меры воздействия.

Бывает и так, что эта торжественность, виновником и средоточием которой чувствует себя подросток, внушает ему, напротив, чрезвычайный, уже чисто детский страх и действует на него подавляющим, парализующим образом. Это опять-таки и не педагогично, и понижает откровенность даваемых подростком ответов.

Отсюда ясно, что заседание должно вестись в тоне самом будничном, дружелюбном, не исключающем в то же время полной серьезности и строгости. Недопустимо, чтобы комиссии создавали себе в населении репутацию безнаказанности. Недопустимо, чтобы в среде близкой к правонарушителям молодежи, вообще в населении стали говорить, что в комиссии «ничего не делают», только «разговорами изводят».

Бывают случаи, когда, учитывая непродуманность и слабость постановлений комиссии, родители намеренно посылают детей на кражу, не только в расчете на безнаказанность, но и надеясь с помощью комиссии определить ребенка в детучреждение, избавившись, таким образом, от хлопот и издержек на его воспитание.

Искушенные в «культуре» большого города, подростки иногда для того именно совершают кражу, чтобы попасть в приемник или наблюдательно-распределительный пункт, или в колонию—подобно тому, как взрослые преступники, особенно рецидивисты, проведя лето на свободе, к зиме стараются совершить что-нибудь такое, чтобы опять до весны попасть в «тюрьму-матушку».

Здесь соблазн еще больше, ибо из детучреждения гораздо легче, конечно, чем из тюрьмы, можно бежать, как только надоел надзор.

Тон заявлений, делаемых подростку комиссией, должен быть серьезный и твердый, без расслабляющих сожалений по адресу «бедных», «несчастненьких» мальчиков и девочек. При всем глубоком различии между комиссией и уголовным судом, все же и тот и другая—органы государства, и тот и другая стоят на страже коллектива, стараются обезопасить коллектив от роста преступности, от проявлений антиобщественной воли.

Таким образом, радикально расходясь с судом в выборе приемов, комиссия в то же время, как и суд, несет на себе перед обществом большую ответственность, которая не позволяет руководиться жалостью, как решающим фактором, при выборе меры воздействия.

Другое основное положение в работе комиссии—это необходимость длительного, систематического контакта комиссии и вообще органов правовой защиты детей с клиентами комиссии.

Очевидно, что постановление комиссии, взятое отдельно, не имеет большой педагогической цены, если за ним не последует планомерное наблюдение. Без этого комиссия не имет данных для суждения о том, когда срок искуса несовершеннолетнего можно считать законченным.

С другой стороны, сознание несовершеннолетнего, что он неизменно находится под твердым и заботливым контролем, поддерживает в нем желание исправиться, надежду на чью-то помогающую руку и некоторое опасение вызвать неудовольствие этих попечителей.

Все эти психологические моменты с точки зрения перевоспитания весьма ценны и от них не должно отказываться до последней крайности. Крайностью же—за исключением случаев, когда ребенок уезжает из города и таким образом

выпадает из поля зрения комиссии—является недостаточность числа обследователей, которые не успевают как следует подерживать свое наблюдение над всеми вверенными им детьми.

Мы уже говорили выше о мерах воздействия, применяемых комиссиями; направление правонарушителя в больницу или вообще в лечебное учреждение, в тех случаях, когда это признает нужным врач комиссии или Распределителя, само собой подразумевается. Если же в лечебных мерах нет нужды и все внимание сосредоточивается на моменте педагогическом, что возникает, почти во всех без исключения случаях, общий вопрос: следует ли и можно ли, в интересах ребенка, оставлять его в той обстановке, в какой он находится, или же он нуждается в той или иной перемене обстановки?

Надо иметь ввиду, что отрыв ребенка от родной семьи, хотя бы и не безупречной, всегда есть операция болезненная, и прибегать к ней следует осторожно, тщательно взвесив все за и против. Чем моложе ребенок, тем рискованнее такое из'ятие, а в отношении к девочке, особенно.

Дело в том, что учитывать надо здесь не только и даже не столько наличные условия жизни ребенка, сколько ту обстановку, какую мы, взамен наличной, можем ему предоставить. Здесь—аналогия с снятием подростков с работ на фабриках и заводах: как ни тяжела такая работа, в условиях нарушения кодекса по охране труда, но раньше чем снять подростка, надо учесть те опасности для его телесного и духовного здоровья, какие грозят ему—как мы это уже видели—при потере работы или службы. Вдвойне приложимы эти соображения и к вопросу об из'ятии ребенка из привычной среды, особенно из среды семьи.

Несомненно, при нынешнем распаде семьи, при слабости надзора, при тяжести борьбы за существование, отрывающей отца и мать от дома, воспитание в семье вообще

чрезвычайно сужено; несомненно и то, что ребенок часто именно в семье видит дурные примеры, слышит дурные советы и наущивания, от которых недалеко до вредных для общества поступков.

Но громадное большинство комиссий, к великому сожалению, лишено возможности поместить ребенка в сколько-нибудь подходящую среду специального воспитательного учреждения, а поместить его в общий детский дом, что приходится делать ввиду отсутствия этих специальных учреждений, бывает иногда опасно из-за психической заразы, какую мальчик может внести в среду детей нормального поведения и нормальных навыков.

Если приходится выбрать между помещением ребенка, заведомо опасного для окружающих детей, в нормальный детский дом, с риском получить, таким образом, из одного правонарушителя троих новых—и оставлением его в прежней обстановке, то часто приходится предпочесть второе, стараясь по возможности нейтрализовать вредное влияние обстановки регулярными посещениями обследователей.

Очень видное место в практике комиссий занимает отдача детей, клиентов комиссии, под ответственный надзор родителей, либо чужих надежных людей. Если родители внушают комиссии доверие к себе и собранные о них сведения позволяют расчитывать, что проступок их сына случайный и теперь, после разбора дела в комиссии, они станут лучше, внимательнее следить за ним, то хорошие услуги оказывает именно поручение ребенка его родным. Испуганные перспективой потерять ребенка в случае повторения проступка, они удваивают свой надзор за ним и заботу; этого одного часто оказывается достаточно для того, чтобы вернуть согрешившего ребенка на правильный путь.

Здесь часто играет роль уже одно то, что от родителей отбирают в комиссии подписку о принятии ими на себя

ответственного надзора. Дача подписки действует наподобие присяги и производит немалое впечатление.

Часто бывает полезно тут же, в заседании, после об'явления постановления, обратиться к ребенку, в присутствии родителей или вообще взявших на себя надзор лиц, и напомнить ему: «вот они взялись отвечать за тебя. Теперь если ты опять, что нибудь неладное сделаешь, то не только тебе самому плохо будет, но и им, вот, которые за тебя поручились. Так что ты смотри, не подведи их»! Такое напоминание тоже не остается без влияния.

Разумеется, учитывается вся совокупность условий, окружающих правонарушителя. Важны не только материальный и моральный уровень его семьи, но и суб'ективные моменты. Важно выяснить, любит ли ребенок своих родителей (вообще старших), уважает ли он их, имеют ли они на него нравственное влияние. Если на ребенка влияют только страхом, а тем более побоями, то оставить его дома имеет смысл, конечно, только в крайнем случае. Здесь отдать ребенка на поруки тем же родным значило бы рисковать, что это окончится либо бегством его из дому в об'ятья улицы, либо рецидивом преступного акта, либо, наконец, выработкой в ребенке большей ловкости и увертливости, которые помогут ему лучше, чем в первый раз, замести следы своих подвигов.

С точки зрения воспитательных задач правовой охраны несовершеннолетних все эти три исхода имеют, примерно, одну и ту же, весьма низкую ценность и постановление комиссии должно все это учесть.

Вообще выбор той или иной меры воздействия на подростка — дело очень деликатное, сложное и ответственное. Ведь, тут, в сущности, решается судьба ребенка, в значительной степени предопределяется его будущее если не на всю жизнь, но на ряд лет вперед. В особенности сказанное относится, естественно, к таким мерам воздействия,

которые связаны с резким изменением условий жизни подростка.

Пуще всего надо здесь остерегаться шаблона. Ни в коем случае нельзя руководиться прямолинейным и узким соображением практической выгоды. Часто большую ошибку и даже преступление перед личностью ребенка делают те, кто рассуждает грубо арифметически: чтобы сделать его честным человеком, надо дать ему в руки заработок. Таким верным куском хлеба будет для него, скажем, сапожное дело, а потому—отправим его в профессиональную школу. Или отдадим его в военное училище—там и твердая дисциплина, и надежный кусок хлеба.

Не редки случаи и индивидуальности, в отношении которых такое прямолинейное рассуждение было бы, повторяю, преступным и привело бы к самым нежелательным результатам. Строжайшая, тщательнейшая индивидуализация здесь совершенно необходима.

В силу всех этих соображений дело должно ставиться на повестку заседания лишь тогда, когда оно уже хорошо разобрано воспитателями-обследователями, когда подросток основательно изучен—в том числе и членами комиссий—за время пребывания его в приемнике или в наблюдательно-распределительном пункте. Члены комиссии, приступая к разбору, должны иметь уже полное и точное представление не только о факте, о преступном деянии, но и об особенностях характера, способностей и склонностей подростка. Лучше продержать его в неопределенном положении еще неделю, чем решать его судьбу опрометчиво или наугад.

Это тем важнее, что постановления комиссии вообще являются окончательными и обжалованию не подлежат. Комиссии, по рангу, так сказать, выше стоящие—например, губернская в отношении уездной — имеют право надзора за деятельностью комиссии более низко стоящей.

В порядке надзора состоявшееся решение может быть отменено, и дело возращается в ту же комиссию для нового рассмотрения. Собственного решения выше стоящая комиссия при этом не выносит. Следует еще указать, что производство пересмотра—это факультативное право комиссии, но отнюдь не обязанность.

Не забудем, кроме того, что отмена постановления комиссии, пересмотр, новый разбор и т. д.—все это операции, далеко не безболезненные для ребенка, и в его интересах следует стремиться к тому, чтобы пересмотры и новые постановления не понадобились. Ибо всякий раз это—рана и удар для нежной детской психики.

Раз коснувшись юридической стороны в работе комиссий, отметим заодно отсутствие в заседаниях элемента защиты и обвинения. На Западе, как мы уже знаем, институт защитников хотя по закону и существует, но на практике их участие не применяется; у нас же по декрету ни защиты, ни обвинения не полагается. Это и понятно, раз комиссия вообще не является судом. Поскольку же обвиняемому нужна защита, ею является вся комиссия в целом: ведь, именно в интересах детей она и действует.

Но с другой стороны, роли защитника не должен брать на себя никто из состава комиссии. Врач делает свое заключение как эксперт, юрист освещает дело с точки зрения доказанности факта и участия в нем обвиняемого, воспитатель сосредоточивает свое внимание преимущественно на психологии подростка, и все вообще члены комиссии направляют заседание к одной и той же проблемме. Эта проблемма в том, как наилучше обеспечить нравственное перерождение ребенка.

В положение защитника чаще всего пытается стать обследователь: близко сойдясь с обвиняемым, неоднократно встречаясь с ним не только в первичном учреждении правовой охраны (приемнике), но, до того, также и у него

на дому, обследователь, чаще всего сердобольная по натуре женщина, на заседании невольно освещает дело и участие в нем ребенка пристрастно, в выгоднейшем для этого последнего освещении.

Обязанность председателя удержать обследователя, как и вызванных по делу свидетелей, от суб'ективного, ретушированного, так сказать, освещения дела.

Но как бы полно ни обрисовывали обвиняемого впечатления и записи обследователя, в основе должно лежать, по возможности, систематическое изучение и наблюдение его в Распределителе. Там он подвергается научному психо-педагогическому обследованию, и в комиссию его сопровождает как бы «история болезни»—подробное описание его телесного и душевного состояния, его основных склонностей—короче, нечто вроде паспорта, санитарного и психологического.

Систематические, в форме дневника, записи врача и педагога учреждения—вот основной материал для суждения о выборе наилучшей меры воспитательного воздействия. Первую половину разбора каждого дела и занимает ознакомление со всем этим материалом, а вторую его часть—обсуждение и выбор возможных мер воздействия.

Иногда вопрос решается довольно просто. Мальчик с инстинктом бродяжничества, романтически настроенный, смутно мечтающий о каких-то подвигах, о далеких странах и пр., очень часто находит полное удовлетворение и моральную «точку опоры», если его направить во флот; подросток с явным и сильным интересом к сельскому хозяйству, с любовью к природе может быть сразу «выпрямлен», если из каменных колодцев города направить его на сельскохозяйственную ферму или в земледельческий совхоз.

Специальные склонности и способности часто, и притом безошибочно определяют путь, по которому надо направить подростка для того, чтобы гарантировать его от

социально опасных или вредных поступков. Обследование часто сразу же направляет внимание наблюдателя на определенную область, в известный круг интересов. Один потому только безобразит, хулиганствует и пр., что окружающая среда ему чужда, что он всеми своими помыслами в механическом заводе, в лаборатории, в музыкальной или театральной школе; другой, наоборот, скудно одарен от природы и тяготится той карьерой интеллигента, куда насильно тянут его тщеславие и близорукие родители: он оживет, воспрянет, бросит всякие скверные, а подчас и преступные выходки, как только его поставят в более ему свойственную, желанную сферу—отдадут в ученье к ремесленнику, или в пастухи и пр.

Но очень часто вопрос решается с трудом, и решение первоначально принимается временное, как бы начерно, с тем, что персонал комиссии будет продолжать наблюдение за подростком и в случае надобности дело будет рассмотрено снова. Это не будет отменой прежнего решения, а лишь принятие решения окончательного на место того, которое в свое время и было принято как предварительное.

Порядок заседаний комиссии.

Порядок заседаний комиссии в его основных чертах следующий.

Заседания комиссии бывают судебные, так сказать, и распорядительные. Распорядительные заседания, помимо вопросов организационных и административных, бывают посвящаемы разбору инструкций из центра, заслушанию отчетов и докладов по разным вопросам деятельности комиссии, вопросам о назначении дел к слушанию, о вызове разных лиц, а также вопросам о применении той или иной меры пресечения: в случаях вероятности побега обвиняемых приходится иногда, в виде меры пресечения, задер-

живать их, но; конечно, не в общей милиции, а в органах той же правовой охраны, например, в Приемнике.

На «судебные» заседания вызываются, кроме членов комиссии и обследователей, также «свидетели», то есть лица, могущие дать полезные об'яснения об обвиняемом, обстановке и обстоятельствах, при которых произошло правонарушение и пр.

Иногда свидетели по недосугу или по нелюбви, даже некоторому страху «ввязываться» во все, что имеет хотя бы отдаленное отношение к суду, не являются на заседание и этим либо срывают разбор дела, либо лишают обсуждение необходимых данных.

Понудить свидетелей явиться на вызов в распоряжение комиссии нет средств: определенное в одной из ранних инструкций 1919 года, право штрафовать свидетелей за неявку на сумму до 25 рублей было, во-первых, фактически неосуществимо, а во-вторых, по ничтожному даже для того времени размеру штрафа никого не могло испугать.

Равным образом, не налажено и вознаграждение свидетелей за издержки, какие они несут по приезду в город на заседание комиссии и по обратному возвращению домой: это тоже часто тормозит разбирательство или делает его неполным.

Впрочем, возмещение проездных расходов свидетелей предусмотрено инструкцией. Вообще же, при достаточной подготовленности дела к слушанию, роль свидетелей в самом заседании комиссии бывает ничтожная.

Из-за отсутствия у членов комиссии заместителей из-за их перегруженности посторонними обязанностям случалось, что в заседании участвовало только два члена или даже один член ее. Понадобилось оффициальное раз'яснение об обязательности участия полного состава комиссии в заседаниях.

Посторонним лицам, говоря вообще, на заседаниях при-

сутствовать не разрешается; исключение может быть допущено лишь с разрешения председателя, в случаях, когда присутствие кого-либо признается полезным либо при рассмотрении именно данного дела, либо вообще деятельности комиссии. Отчеты в газетах могут помещаться, но, как и на Западе, без упоминания фамилий обвиняемых и без подробностей. Если бы малолетний правонарушитель увидел в газетном отчете свою фамилию, то это могло бы иметь на него и на его товарищей самое отрицательное влияние: дети вообразили бы здесь геройство, славный подвиг.

Вред гласности может быть и другой: малолетний, о котором напечатано в газетах—хотя бы обвинение не подтвердилось—рискует, что его неохотно примут в школу, а в дальнейшем будут избегать при определении на службу или на работу. Надо вообще тщательно беречь репутацию обвиняемых: сплошь и рядом дурная слава остается надолго после того, как порочные навыки у подростка сгладились и исчезли: он отвечает за проступок, давно заглаженный и забытый.

В маленьком городе может повредить подростку излишняя болтливость члена комиссии или обследователя, который, в качестве «пикантного» события, рассказывает знакомым о делах, разбирающихся в комиссии.

Должен ли обвиняемый присутствовать в комнате заседаний?

Инструкция для комиссий признает это нежелательным и допускает приглашение несовершеннолетнего в зал только в случае требования, заявленного кем либо из членов комиссии. Согласно Украинской инструкции обвиняемый допускается тоже только в виде исключения, по особому постановлению комиссии. Мотивы те, что присутствие в зале либо побудило бы подростка к удальству и важничанию, либо наоборот, заставило бы его насторо-

житься; то и другое дурно отразилось бы на непосредственности его ответов.

Но так как для интимного ознакомления с обвиняемыми необходимо личное впечатление и оно не может быть заменено даже дневником о нем Распределителя, то инструкция предполагает предварительное, до слушания дел, личное знакомство членов комиссии с обвиняемым во время его пребывания в Приемнике или Распределителе.

Во всяком случае не только первые, но и дальнейшие вопросы предпочтительно ведутся (главным образом—председателем) до заседания, заседание же сосредоточивает свое внимание на обстоятельствах совершенного преступления.

Но в наличных условиях работы провинциальных комиссий, условиях, как мы знаем, очень далеких от нормы, почти никогда не удается обойтись без вызова обвиняемого в залу заседаний. Впрочем, при известной осторожности его присутствие не приносит вреда; особенно ценно оно бывает, когда тут же, во время разбора дела обнаруживаются новые обстоятельства, а также в делах, где среди обвиняемых имеются взрослые. Но и в этих случаях на первом плане остаются интересы несовершеннолетнего и ими не следует жертвовать, разве только в законных интересах третьих лиц или ради авторитета закона и государства.

Обычный, диктуемый опытом, порядок допроса приблизительно таков.

После того как секретарь зачитал документы по делу и ведший дело обследователь сделал свой письменный доклад, который в случае надобности дополняется им устно, выслушивается заключение педагога и врача. Затем происходит обмен мнений, причем, как мы уже знаем, предполагается, что все члены комиссии имеют ясное, если и не полное представление о несовершеннолетнем, между прочим, и на основании личного с ним знакомства.

Иногда после выслушания доклада обследователя выясняется недостаточность обследования, и дело откладывается для доследования.

Если же слушание можно продолжать и встречается надобность в вызове обвиняемого, то беседа с ним делается естественным центром заседания. Ни о каком застращивании для получения правдивых ответов не может быть, разумеется, и речи; равным образом недопустимы и какие бы то ни было хитрости с целью поймать обвиняемого на слове, припереть его к стене, словить на противоречии и пр. На противоречие и на ложь можно и должно указывать, но делать это надо без насмешки, злорадства или пренебрежения. Ничто так не отпугивает ребенка, как атмосфера ошарашивания, подозрительности и издевательства.

В то же время комиссия должна не упустить с самого же начала предупредить несовершеннолетнего, насколько неуместно было бы для него запирательство, притворство и ложь. Он должен почувствовать себя среди вдумчивых, опытных и доброжелательно к нему настроенных старших.

Очень полезно бывает небольшое вступительное слово председателя, где он раз'ясняет обвиняемому значение его проступка и цель разбора дела. Без пристыживания и суровых упреков несовершеннолетнему предлагают рассказать, как было дело, не торопя его и давая время придти в себя.

Даже здесь, в присутствии нескольких человек, иногда удается сразу же найти путь к детскому сердцу, и комиссия выслушивает откровенное признание, что, конечно, очень облегчает дело. Обычно же цель «исповеди» достигается только при разговоре наедине, и кому-нибудь из членов комиссии,—чаще всего председателю—это в иных случаях удалось уже ранее. На заседании же требуется не столько «исповедь», сколько подробное изложение дела, а

также, если обвиняемых несколько, то сопоставление и сравнительная оценка каждого из них.

Очень важно бывает установить, как чувствовал себя подросток в том учреждении (Приемнике, Распределителе), откуда он приведен в комиссию. Это дает возможность судить, как действует на него улучшенная в моральном и материальном отношении обстановка, и будет ли он дорожить своими успехами по пути исправления.

Обмен мнений по всем этим вопросам, как и чтение заключения врача комиссии и обследователя происходит, конечно, в отсутствии обвиняемого.

Очные ставки иногда неизбежны, но по возможности их следует избегать, так как они придают заседанию неприятный, далекий от воспитательных задач, оттенок состязания, препирательств, взаимного «подсиживания» и даже прямо перебранки.

Для комиссии данный проступок—только эпизод, характеризующий подростка, но, как мы уже упоминали по другому поводу, несущественный с уголовной точки зрения факт может иногда оказаться особенно ценным для комиссии. Поэтому каждое дело надо разбирать в деталях, ибо в них иногда все дело.

Вдвойне важно помнить это при соучастии взрослых и заинтересованности третьих лиц, а также при определении судьбы вещественных доказательств, иногда имеющихся при деле.

Если на заседании выясняется уголовное соучастие взрослых, то эта часть дела выделяется и постановлением комиссии направляется в общее судебное место. Иногда при этом обнаруживается, что взрослые прямо пользуются для своих незаконных целей малолетними, ввиду их уголовной безответственности. В этих случаях комиссия тоже принимает меры к привлечению взрослых к ответственности, пе-

ресылая имеющийся в деле материал в общий суд, по принадлежности.

Гражданские иски в компетенцию комиссий, естественно, не входят; несовершеннолетние по гражданским искам отвечать не могут. Исключение могут представить собой случаи, вскользь упомянутые выше, когда возникает вопрос о возмещении несовершеннолетним материального ущерба, им кому либо нанесенного. Но вопрос о таком возмещении может возникнуть только по поводу какого-либо уголовного правонарушения и в связи с общественно-опасным проступком несовершеннолетнего, то есть все-таки не в виде гражданского иска.

В годы гражданской войны, когда в Красной армии было много несовершеннолетних добровольцев, комиссиям нередко приходилось сталкиваться с юными красноармейцами, нарушившими уголовный закон. На местах в этих случаях возникали сомнения, подлежат ли такие правонарушители компетенции комиссий, и особым циркуляром было раз'яснено, что несовершеннолетние красноармейцы подлежат ведению комиссий на общих основаниях.

Но разумеется, речь может идти лишь об общеуголовных деяниях, совершаемых юными добровольцами, а отнюдь не о нарушениях ими воинской дисциплины, внутреннего распорядка в армии. Случаи, когда с дисциплинарными нарушениями воинские власти обращались к комиссиям, известны мне по личному опыту; они плодили много лишней переписки и связаны были с тягостными переживаниями для самих правонарушителей.

Из других вопросов, долгое время плодивших недоумения в практике комиссий, отметим еще один, действительно спорный. Речь идет о том, подлежат ли ведению комиссий дела о лицах, коим в момент совершения проступка еще не исполнился предельный возраст (сначала 17, потом 18 лет), но к моменту слушания дела они этот предельный

возраст превысили? Другими словами: при определении возрастного предела для подсудимости комиссии—что принимается во внимание: момент, когда поступок был совершен, или когда дело о нем ставится на повестку?

Понадобилось раз'яснение Наркомпроса, согласно которому решающим является момент совершения проступка, а не такое случайное обстоятельство, как время слушания дела.

Решение вопроса вполне правильное, ибо было бы нелогично лишать юношу благодеяний особого суда для несовершеннолетних только потому, что его дело по каким-нибудь, не от него зависевшим причинам замедлилось слушанием и он к этому времени уже перерос привиллегированный возраст.

Но вместе с тем, такое решение вопроса предполагает достаточное количество комиссий на территории страны, достаточную густоту их сети и главное, их надлежащую работоспособность, так чтобы дела несовершеннолетних не залеживались подолгу. В противном случае возможно такое положение, когда, например, преступный акт совершен юношей почти 16 л., а дело назначено к слушанию только через 2 года, когда юноша не только стал взрослым человеком, но и успел, иной раз, жениться. Было бы странно, почти нелепо, если бы самостоятельного человека, отца семейства, или по крайней мере, члена общества и гражданина рассматривать как несмышленыша, наравне с детьми и подростками.

Раз государство считает его уже достаточно взрослым для того, чтобы основать семью и выполнять гражданские, а то и военные обязанности, то было бы крайне нелогично делать исключение для уголовной ответственности. Представим себе, например, что в этом случае комиссия нашла бы нужным поместить его в учреждение принудительного воспитания—с какой возрастной группой мог бы

сойтись или вообще быть воспитываем этот взрослый уже человек, муж своей жены, гражданин своей Республики?

Мне известны случаи, особенно в среде инородцев с обычными у них ранними браками, когда замужняя женщина, иногда имеющая уже свое дитя, оказывалась перед столом комиссии о несовершеннолетних. Круто менять, во имя педагогических принципов, жизнь жены и матери, которая год тому назад участвовала в краже, было бы, понятно, абсурдом. В этих случаях отдача жены под ответственный надзор мужа подсказывалась сама собой.

Поэтому раз'яснение Наркомпроса о возрастных сроках предполагает, очевидно, что слушание дела быстро следует за совершением проступка, что оба эти акта достаточно сближены во времени. Но, как явствует хотя бы из примера с мусульманскими молодыми женщинами, нужно, помимо того, приспособить эти возрастные максимумы к этнографическим особенностям среди разных групп населения, в зависимости от ранних браков и раннего созревания молодежи вообще. Впрочем, сейчас все относящиеся сюда вопросы сохранили, главным образом, исторический интерес, ибо, как мы увидим ниже, сейчас предельный возраст вообще сильно понижен, так что с моментом вступления в брак комиссиям уже не приходится встречаться среди привлекаемых.

Если комиссия по тем или иным причинам отклоняет от себя решение дела по существу, то она направляет его в народный суд. При этом иногда приходится иметь дело с подростком, которого уже ранее, по другому делу, случилось направить в народный суд. В таких случаях комиссии иногда обнаруживают готовность передавать таких рецидивистов общему суду, даже не разбираясь в новом деле, чисто автоматически: раз, мол, один раз уже признали «комиссионные» меры неприменимыми, значит, и теперь надо без дальних слов отослать в народный суд.

Признав ранее подростка себе «не подсудным», комиссия не хочет терять время на рассмотрение нового дела. Такая точка зрения совершенно неправильна: разобраться в деле, притом с той же тщательностью, как и всегда, необходимо уже для того, чтобы выяснить причину и повод рецидива, а также установить, чем кончилось первое дело в нарсуде, и как повлиял приговор на подростка.

Надо вообще помнить, что комиссия в отношении несовершеннолетнего гораздо лучше гарантирована от шаблона, чем общий суд, и где этот последний рассудит по шаблонной аналогии, там комиссия, вооруженная педагогическим и медицинским анализом, будет в силах индивидуализировать проступок. И если комиссия найдет все же нужным на этот раз направить дело в общий суд, то она, по крайней мере, сопроводит его своим мотивированным заключением, которое окажется большим подспорьем для судьи.

Наконец, деятели детского суда никогда не должны забывать о моральном соучастии взрослых в проступках детей, о нравственном давлении, оказываемом взрослыми. И в этой стороне дела комиссия может разобраться, конечно, гораздо лучше, чем суд. Ибо комиссия и при таких обстоятельствах не противуполагает себя интересам своих клиентов, как это свойственно суду.

В связи с вопросом о передаче дел, в подлежащих случаях, общему суду не лишним будет отметить различие во взглядах, наблюдаемое в среде работников детского суда. Так, на всероссийской конференции по борьбе с детской дефективностью (октябрь 1921 г.) была, между прочим, принята следующая резолюция:

«В отношении несовершеннолетних, к которым комиссия не считает возможным применение мер медикопедагогического характера, вопреки пункта 4 декрета о комиссиях, комиссии должны выносить окончательное решение

без передачи в народные суды; следовательно, комиссии должно быть предоставлено право непосредственного направления известной категории несовершеннолетних в учреждения карательного отдела».

Речь идет, таким образом, о расширении полномочий комиссий включением права прямо направлять несовершеннолетних в места лишения свободы, то есть о включении в круг мер, применяемых комиссиями, чисто судебных, карательных приговоров.

При такой концепции комиссии должны приблизиться к общим судам. Но в таком случае они потеряют свой, более или менее выдержанный воспитательский облик, судебного же авторитета все равно таким образом не приобретут: слишком неприспособлен для вынесения приговоров аппарат комиссий, слишком слаба ее опытность в уголовной технике.

Если в первые годы революции наш народный суд руководился исключительно революционным правосознанием и благом трудящихся, то сейчас его деятельность нормируется довольно сложной системой законов, и теперь юридическая осведомленность, знакомство с кодексом, знание уголовной техники совершенно необходимо.

Этого знания у комиссии с ее единственным из трех членов юристом не может быть в достаточной мере, и потому пожелание конференции нельзя одобрить.

Обязанности обследователя-воспитателя.

Воспитатели-обследователи, эта периферия деятельности комиссии—один из важнейших ее органов. От количественного и качественного состава их зависит фактически вся осуществимость работы комиссии, вся ее реальная ценность.

По инструкции воспитателем-обследователем, могут быть лица, не моложе 22 лет, прослушавшие специальные

курсы; это последнее условие признается обязательным как для кандидатов, не имеющих педагогической подготовки, так и для обладающих ею. Но в условиях русской провинции такое требование как правило, невыполнимо: организовать курсы для подготовки этого персонала, как и персонала братьев и сестер социальной помощи удается очень редко. Если бы хот подобрать кадр обследователей, более или менее опытных в обращении с детьми, любящих детей, толковых и тактичных: этими свойствами приходится обычно удовлетворяться. Тем более, что оплата труда обследователя очень скромная, а работа тяжелая и ответственная. Приходится целые дни ходить по городу, посещая то детей и их родителей, то товарищей обвиняемых и место их службы, вообще места, где можно навести справку о ребенке, уяснить себе его облик.

В весеннюю слякоть и зимние холода эта вечная ходьба по городу, особенно в отдаленных кварталах окраин представляет большие трудности, тем более при обычном у следователя недостатке теплого платья и обуви.

Здесь, как и вообще в деле борьбы с детскими правонарушениями, нужна большая и безкорыстная любовь к детям для того, чтобы привлечь в эти ряды новых сотрудников, соблазнить материальными благами эта служба не может.

На посту обследователя обычно предпочитают женщин: они ближе умеют подойти к душе ребенка, с ними доверчивее заговорит обозленный, подозрительный ребенок улицы или беспризорный. Ценно еще и то, что на женщину ребенок не смотрит как на начальство и оттого с первой же встречи настраивается проще и искреннее.

Случается, что обследователи, мужчины или женщины, сами своей бестактностью вредят делу. Так, иные вместо того, чтобы пойти к ребенку на дом, посылают ему повестку или вообще вызывают его к себе домой или в кан-

целярию комиссии. Явившись без предупреждения к ребенку на квартиру, обследователь застал бы всю обстановку и все взаимные отношения членов семьи в их естественном виде, тогда как вызвав их к себе, он дает всем им возможность подготовиться к встрече с «начальством», придумать наиболее выгодные ответы, увертки и пр.

Впрочем, из сказанного не надо выводить, будто обследователь должен вести беседу в форме допроса—допрос делает председатель, по возможности тотчас после присылки ребенка в Приемник. Обследователь же ведет разговор в тоне сочувственного участия и дружеского интереса ко всем сторонам жизни семьи.

Главным образом его интересует, испытывает ли семья нужду и в какой мере, каковы взаимные отношения ее членов, кого больше слушается ребенок, какие в семье приняты меры внушения или наказания, каков общий дух семьи—трудовой или паразитический. Словом, обследователь интересуется, прежде всего, вопросом о том, может ли ребенок, оставаясь в своих нынешних условиях, исправиться и перевоспитаться, или же его придется перевести в другую среду.

Еще одна мелкая, но важная и довольно распространенная частность в тактике обследователя: он не должен ничего записывать и даже не должен держать в руке карандаш и бумагу, когда беседует с малолетним и его родными. Сделать записи удобнее потом. Иначе создается впечатление опроса, вообще чего-то выслеживающего, и преимущества откровенной, продиктованной сочувствием беседы утрачиваются.

О самом проступке—обследователь должен говорить с ребенком как о несчастии, последствия которого надо общими силами исправить. Роль современного воспитателя-обследователя по существу сходна с ролью попечителей в практике прежнего, дореволюционного детского суда, в Рос-

сии или с ролью „rapporteurs" во Франции. Но беда прежних попечителей состояла в том, что на них взваливали слишком большие обязанности, которых они не могли выполнить сколько нибудь основательно. Из отчетов бывшего петербургского суда для малолетних (1910—1916 гг.) видно, что количество попечителей, несших ответственный надзор за малолетними и подготовлявших дела к слушанию, исчислялось, вследствие ничтожных ассигновок, единицами, и в ноябре 1916 года на каждого из 12 попечителей приходилось в среднем по 218 детей. Ясно, что за такой массой питомцев, разбросанных к тому же по территории огромного города, одному человеку никак не уследить.

К великому сожалению нынешние комиссии не многим счастливее прежних детских судов в смысле финансовой обеспеченности. Число обследователей на местах и теперь бывает так незначительно, что они ограничиваются только подготовкой дел к слушанию, следить же систематически за судьбой уже прошедших через комиссию детей не имеют совершенно времени. Тридцать детей—это максимум, какой может быть поручаем одному обследователю, а у нас на губернский город с 80—100 тысячами жителей и многими сотнями безпризорных с 300 и больше дел в комиссии втечение года приходится обследователей четыре-пять человек. Работа воспитателя-обследователя разбивается, по инструкции, на три периода: 1) всестороннее ознакомление с делом до слушания его в комиссии, 2) доклад в комиссии и дача своего заключения о мерах, какие желательно применить в данном случае и, наконец, 3) последующий присмотр, надзор за воспитанием несовершеннолетнего.

Третья стадия работы, по указанным выше причинам, выполняется всего хуже.

Один неловкий шаг или бестактность обследователя может серьезно повредить интересам ребенка. Он должен

помнить об уже упомянутой выше опасности создать несовершеннолетнему дурную славу. Так, если последний находится на службе и обследователь наводит справки об условиях его труда, о его работоспособности и поведении, то делать это он должен осторожно, чтобы не возбудить подозрения на месте службы подростка и не подорвать таким образом доверия к нему.

Даже для уголовного суда подсудимый, обвиняемый— еще не значит осужденный, забывая об этом, обследователь рискует существенно ухудшить положение ребенка, навлечь на него потерю работ, насмешки, преследование и проч.

Чтобы закончить об обязанностях обследователей, отметим еще две частности, которые они должны иметь ввиду.

Первая касается случаев, когда возраст несовершеннолетнего внушает сомнения. Нередко сами обвиняемые показывают меньше, чем им лет на деле [1]), чтобы не попасть в общий суд, и родители их в этом поддерживают. Документы о возрасте скрывают, ссылаясь на утерю, или даже делают в документе соответственные поправки.

Если у обследователя возникло сомнение в возрасте обследуемого, то оно должно быть выяснено прежде всего, ибо если обвиняемый по возрасту уже не подлежит ведению комиссии, то обследователь не имеет основания, да и права делать свои расспросы, вообще вмешиваться в жизнь обвиняемого.

Сомнение разрешается либо истребованием оффициальных данных, когда это возможно, либо определением возраста по наружному виду и по состоянию телесного и умственного развития. Определение производит врач комис-

---

[1]) Бывает и наоборот: подростки намеренно повышают себе годы. „Говори, что 18 исполнилось— пойдешь в большую камеру, получишь тюрьму, по крайней мере. А в малолетней заканителят“—советует „новичку“ более опытный несовершеннолетний правонарушитель.

сии или приемного пункта. К этому вопросу обследователь должен относиться с большим вниманием, иначе он втянет комиссию и учреждения при нем в бесполезную трату времени, переписку и пр.

Вторая частность—из области тех же требований такта, о которых мы уже много говорили.

Часто бывает полезно указать обвиняемому, что он уже не маленький, что срок его «подсудности» комиссии истекает и что если он в другой раз сделает что нибудь незаконное, общественно опасное, то дело будет разбираться уже не в комиссии, а в общем суде. Такое предостережение может удержать подростка от нового правонарушения, но удобнее, если его сделает председатель на заседании комиссии, в своем заключительном слове, связанном с об'явлением постановления комиссии. Тут, разясняя цель и смысл постановления, председатель очень кстати упомянет о возрасте обвиняемого и о том, что в случае нового нравонарушения он уже выйдет из круга ведения и заботы комиссии.

Так велики и многообразны требования, пред'являемые к обследователю-воспитателю с точки зрения педагогического и житейского такта. Но не менее значительны треования и с точки зрения специальной подготовки, желательной на этом посту.

Центральные институты по подготовке персонала, для обслуживания нравственной дефективности выпускают число работников, совершенно ничтожное и несоизмеримое с потребностью громадной страны, и необходимо во чтобы то ни стало стремиться к организации хотя бы краткосрочных курсов на местах.

Курсы эти, примерно трехмесячные, должны давать слушателям отчетливое, хотя и очень сжатое, конечно, представление о начатках следующих научных дисциплин: анатомии, физиологии и гигиены детства, психологии детства,

социальной педагогики, психопатологии, основ социального воспитания, изучения детской беспризорности и правонарушений (уголовная социология) и техники раскрытия преступлений. В самых общих чертах должна быть усвоена слушателями также подача первой помощи детям. Организацию подобных курсов целесообразно соединить с организацией особого музея охраны детства.

В деле комплектования курсов ценнейшие услуги оказывают местные профессиональные организации и женотделы.

Здесь уместно будет отметить организацию кое-где на местах добровольных дружин из комсомольцев и делегаток женотделов в помощь органам социально-правовой охраны подростков. Эти добровольцы безвозмездно отдают определенное число часов в неделю на исполнение обязанностей обследователей, а также членов социальной инспекции (братьев, сестер социальной помощи). Разумеется, такие добровольческие услуги приходится принимать только скрепя сердце и заранее не ожидая от них особенно большой помощи: во-первых, предлагают свои услуги люди слишком занятые собственными делами и могущие уделить делу лишь жалкие крохи своего времени и заботы, а во-вторых, такое кустарничество по существу не дорогого стоит. Так что, например, в области обследования и подготовки дел для комиссии лучше от этих помощников и совсем отказаться.

Добровольные члены социальной инспекции могут быть использованы, но под непременным условием предварительного прослушания ими хотя бы коротенького инструктивного курса лекций по правовой охране. Но еще лучше организовать такое добровольное сотрудничество в форме так называемого «комитета содействия», который можно создать при каждом отдельном учреждении правовой охраны.

Очень важно, чтобы все такие учреждения связались, с помощью этих комитетов, с окружающим их населением, жили бы общей с ним жизнью, имели бы нравственную поддержку в действенном сочувствии и соучастии работниц и молодежи данного района.

Подробнее говорить об этом здесь не место, но я хочу еще прибавить, для ясности, одну аналогию: упомянутые комитеты содействия могут играть ту же роль, что и аналогичные организации при диспансерах, туберкулезных и венерологических.

Возвращаясь к перечню учебных предметов, знакомство с которыми необходимо кандидатам в обследователи, отметим, что с некоторыми, очень несущественными изменениями тот же перечень подходит и для будущих работников социальной (детской) инспекции.

Что на курсах такого рода необходимо ознакомить слушателей с содержанием анкетных листов о малолетних и несовершеннолетних и способом их заполнения, очевидно само собой. Часть занятий на курсах должна носить практический характер: таковы занятия по подготовке дел в комиссии (ведутся под руководством более опытных обследователей), дежурства в учреждениях правовой защиты и проч.

Профилактика детской преступности.

Для того чтобы работа комиссий, как органа борьбы с детской преступностью, была успешна, необходимо, как мы уже знаем, не только наличие достаточной сети комиссий и надлежащий качественный их состав, не только широкая и правильная постановка работы воспитателей-обследователей, но и наличие в руках комиссий достаточной сети подсобных учреждений, каковы: Приемники, Распределители (наблюдательно-испытательные пункты) и специальные учреждения принудительного воспитания.

Все это—формы лечебной, так сказать, борьбы с детской преступностью уже получившей то или иное выражение. Но рядом с этими формами и даже впереди их, на первом плане стоят формы борьбы профилактической, предупредительной.

Социально-гигиенический метод имеет и в данной области все преимущества перед методом искоренения преступности уже проявившейся. Во всех областях лучше предупреждать беду, чем аттаковать ее, когда она разразилась. Как в медицине предупреждение болезней гораздо выгоднее, дешевле и целесобразнее, чем лечение их, так и в области детских правонарушений на первом плане должны стоять меры, устраняющие самую возможность таких явлений.

Исчерпать весь этот сложный вопрос в небольшом очерке немыслимо, схематически же можно представить дело так: против беспризорности борются законодательство о труде, детские дома, школы, клубы, адресные детские столы, так называемые «открытые» детские дома, бюро по приисканию работы подросткам и, наконец, социальная инспекция, а против эксплоатации детей—та же социальная инспекция, опека и юридическая консультация по делам детства.

Задачам борьбы с детской беспризорностью, естественно, служит и ряд других учреждений ведомства Нкздрава и Нкпроса, по характеру своему более или менее близкие к этой области. Таковы лечебные учреждения, обслуживающие беспризорных, затем учреждения подотделов работы с подростками, каковы: вечерние школы, школы-клубы, дома подростков с мастерскими, клубы подростков, учреждения по внешкольной работе с подростками и наконец, сама по себе трудовая школа.

Остановимся, хотя бы очень бегло, на всех видах социальной гигиены и профилактики детства: здесь, и только

здесь—корень всего вопроса, разрешение всей мучительной проблемы детских правонарушений.

О связи между положением рабочих в производстве, сокращением штатов и беспризорностью, мы уже говорили. Несомненно, школы фабрично-заводского ученичества, все более растущие в Республике и подготовляющие кадры юных работников более высокой квалификации, борются этим самым против условия безработицы, толкающей подростков на преступление. Сюда же относится бронировка минимума числа подростков в производстве, о которой мы уже упоминали.

Тоже самое, очевидно, относится и к трудовой школе вообще: мы видели тесную роковую связь между невежеством и преступлением, да и a priori ясно, что подросток, и без того экономически слабый, становится окончательно беззащитным в борьбе за существование, если он лишен оружия грамоты.

Видное место в деле правовой защиты несовершеннолетних занимает охрана труда, но ее надлежащая постановка возможна лишь при передаче всего этого дела в руки ведомства народного просвещения, и именно, в под'отделы правовой охраны. Они должны осуществлять через органы детской инспекции надзор за соблюдением правил по охране несовершеннолетних; они выясняют наилучшие способы устройства детей, выходящих из школы на работу или на службу, они устраивают при биржах труда особые бюро по приисканию мест для подростков (см. резолюции петроградской областной конференции, январь 1921 г.). В настоящее же время детская инспекция, как мы уже знаем, ведает только те случаи нарушения законов о труде несовершеннолетних, которые относятся к предприятиям, работающим без чужого наемного труда, во всех же остальных случаях она лишь сообщает о нарушениях местному инспектору труда.

Если брать беспризорность в самом тесном смысле бесприютности, бездомности [1], которая кратчайшим путем приводит в карман к прохожему или на чужой чердак, то здесь основной мерой профилактики является, конечно, детский дом. Даже в том убогом виде, в каком такие учреждения существовали раньше, когда они носили неприятное, отдающее богадельней, название «приютов», детские дома, давая бездомному ребенку ночлег и хоть какую нибудь пищу, часто удерживают его от окончательного падения.

В первые годы революции у нас развернулась огромная, в невиданно широком масштабе, сеть детучреждений нормального типа, и будь возможность развивать это дело дальше, великие победы одержали бы мы в борьбе с преступностью. Но общеизвестные об'ективные причины привели не только к подавляющему сокращению числа детдомов, но и к резкому падению уровня их оборудования и снабжения.

Даже и то скудное оборудование, какое оказывается по средствам, обычно бывает очень недолговечным: недо-

---

[1] Как велика детская беспризорность в самое последнее время, видно из следующих данных. К лету 1923 г. одна только Вятская губ. (кстати, уже третий год страдающая от неурожая) насчитывала 37500 беспризорных детей, Пермская 37300, Симбирская 46800, Самарская 61600. Всего по Республике числилось, по оффициальным данным, свыше двух миллионов беспризорных; действительная цифра была, конечно, гораздо выше

Наряду с волной беспризорности наблюдается, естественно, и значительный упадок здоровья детей. Так, данные, собранные амбулаторным путем, дают в Москве 50% детской ослабленности, по Петрограду даже 80%. Вообще же из всего количества 5 миллионов организованных НКпросом детей 2900 тысяч должны были быть помещены (к лету 1923 г.) в учреждения НКздрава. Ввиду уже не раз отмечавшейся нами тесной связи между уровнем здоровья детей и их податливостью на дурные примеры, на соблазны улицы и пр., такая высокая степень детской ослабленности представляет, естественно и серьезную опасность для нравственного здоровья массы детей и подростков в стране.

статки хозяйственной организации детдомов, слабый надзор и пр., приводят к очень частым кражам инвентаря детдомов, совершаемым их питомцами. Это расхищение с таким трудом добываемого белья, посуды, одеял. и пр. не только увеличивает преступность среди населения детдомов (психическая зараза), но и лишает обстановку учреждений последних следов привлекательности и уюта. Чем больше расхищается имущество и беднеет учреждение, тем меньше дети дорожат пребыванием в нем, тем чаще они из него убегают попадая в об'ятия рынка, нищенства, спекуляции и воровства.

Только в последнее время дело детдомов начинает, хотя и с большой постепенностью, восстанавливаться, вместе с восстановлением всей народно-хозяйственной жизни страны.

На очереди стоит, наряду с восстановлением полуразрушенной сети детдомов и созданием новых, также возрождение того нового облика, какой им придала революция. Не один только приют с ночлегом и пищей. дают и должны давать наши детдома, но и трудовое воспитание, систематическое и планомерное. Чтобы стать питомником достойных граждан нового мира, детский дом должен быть и приютом, и школой-коммуной, и клубом.

Не менее важна и забота о том, чтобы сделать жизнь ребенка в учреждении привлекательной, радостной, полной красок, так, чтобы его не тянуло бежать из дома, чтобы он слил свою жизнь с жизнью учерждения и свои интересы с его интересами. Тогда детдома—конечно, при условии достаточной их емкости—станут могучим орудием предупреждения преступности, ибо они сведут беспризорность к минимуму.

Интересная форма, переходная к нормальному типу детдомов, испробована на Украине: это «открытые» детские дома. В них имеются дортуары для почлега, доступные любому подростку с улицы. Проведя здесь ночь, он утром,

перед уходом, получает завтрак. Уже хорошо проведенная ночь—в чистой комнате, в сносной кровати, с сытым завтраком на утро сами по себе имеют благотворное действие и на здоровье, и на психику детей улицы: они здесь «оттаивают» душевно. Но кроме того, такой открытый дом, где втечение всего дня работает клуб, читальня, где происходят небольшие концерты, хоровое пение и пр., невольно притягивает к себе детей улицы.

Но, разумеется, этот тип учреждений предполагает наличие достаточного числа мест в детдомах обычного, постоянного типа, наше же несчастие состоит именно в остром недостатке вакансий в них. Наши детские дома перегружены выше всякой меры, а открывать новые нет средств; при этих условиях приохочивание уличных детей к детдому теряет свое значение.

Прекрасной формой профилактики является далее, патронат, то-есть отдача беспризорных детей под ответственный надзор надежных людей.

Таков метод дешев, что имеет сейчас первостепенное значение и притом, при правильной постановке, влияет благоприятно не только на патронируемых, но и на взрослое население культивируя правильное отношение к охране детей и их воспитанию.

В отдельных случаях большие услуги оказывает патронат деревенский, а именно, там, где важно поднять не только моральный облик, но и физическое здоровье подростка.

В прямой связи с бедствием последних лет—военным, политическим и голодным беженством детей—стоит еще одна, мелкая на первый взгляд, но очень ценная форма профилактики, именно, устройство адресных столов для малолетних и несовершеннолетних при под'отделах социального воспитания на местах и в центре. Адресные столы, (см. циркуляр Нкпроса от 17 октября 1921 г.) за

два с лишним года своего существования развернулись, к сожалению, гораздо слабее, чем могли бы, и тут уже причиной является просто инертность и отсутствие инициативы, так как больших расходов их организация не требует и вообще доступна всюду. Между тем, они заведены пока, кажется, только в столицах и в больших городах.

Задача адресного стола—ответить на потребность, вызванную стихийными событиями последних лет, массовыми передвижениями населения, когда дети утрачивают связь с своими родственниками. Из за слабой связи, плохой постановки регистрации и отчетности случается нередко, что либо ребенок, будучи переведен из одного детдома в другой, в другом городе или уезде, теряет возможность связаться с родителями, либо родители теряют из виду ребенка, напр., в случае его помещения в больницу.

Тем более такая связь часто утрачивается в условиях массового беженства, эвакуации и пр. Адресные столы прежде всего, обслуживают, как это и понятно само собой, население детских домов, школ-коммун, колоний, детей, находящихся под опекой. Адресный детский стол попутно дает также все справки о детских учреждениях и естественно примыкает к юридической детской консультации.

Что при том же справочном отделе (или же при комиссии) желательна организация бюро для приискания мест малолетним и несовершеннолетним, особенно по выходе их из детучреждений и в частности, учреждений принудительного воспитания, подразумевается само собой. Такое бюро, борясь с безработицей молодежи, в то же время облегчит сохранение связи органов правовой охраны с подростком: он должен знать и чувствовать, что как бы ни повернулась его судьба, чтобы с ним ни случилось в дальнейшем, он имеет куда пойти за сочувствием, за реальной социальной помощью.

Кстати отметим, что в целях приближения такой реаль-

ной социальной помощи к беспризорному подростку, комиссии о несовершеннолетних на Украине должны состоять, по инструкции, не из трех, а из четырех лиц. Дополнительным членом комиссии является представитель отдела социального обеспечения. Но как свидетельствует А. Рубашева, представитель Собеза фактически играет в работе комиссии очень пассивную роль, а часто и вовсе не входит в состав коллегии.

В последнее время, с реорганизацией всего дела социального обеспечения и ограничения об'ема его действий, участие этого четвертого члена украинских комиссий и совсем приблизилось к нулю.

Юридическая консультация по вопросам правовой охраны детства имеет целью, (цикуляр от 22 апреля 1921 г.), подачу советов по всем вопросам детского права—паек, обеспечение, охрана труда, вопросы наследования, передвижения и пр. С другой стороны, консультация берет на себя составление бумаг несовершеннолетних, ведение их дел в разных учреждениях, ходатайства по освобождению, в силу декрета от 4 марта 1920 г., из мест заключения, дела по ограничению и лишению родительской власти, дела о розыске детей родителями и обратно и пр.

Большое значение в деле борьбы с беспризорностью детей имеет и институт опеки. При этом современная опека, в противуположность прежней, которая интересовалась только имущественными правами подопечных, преследует, согласно советскому праву, интересы несовершеннолетнего, всей задачи воспитания его и подготовки его будущего. Уже упоминавшаяся нами петроградская конференция (январь 1922 г.) признала желательным, чтобы в новом опекунском уставе на первый план была выдвинута забота именно о личности несовершеннолетнего.

Кроме того, наряду с различными формами родственной опеки, конференция выдвинула также два новых вида

опеки: коллективную (со стороны администрации детских учреждений) и должностную, осуществляемую должностными попечителями или воспитателями-обследователями при комиссиях о несовершеннолетних.

Самым комиссиям должны быть, по мнению конференции, присвоены полномочия опекунских учреждений, а также полномочия по ограничению родительской власти там, где этого требуют интересы ребенка.

Действительно, законодательство об опеке, как и другие стороны—детского права нередко сталкиваются с вопросом об об'еме родительской власти и отнятии ее у родителей, в интересах ребенка. На этом пункте следует остановиться, ибо здесь—корень значительного числа детских правонарушений. На почве злоупотребления родителей своей властью вырастает нарушение его интересов, что и служит часто стимулом к столкновению с законом.

Еще в 17 веке лорд Бекон, знаменитый канцлер Англии в одном из своих судебных решений писал: (см. Родительская власть и публичная опека над детьми», проф. И. И. Люблинского) «Канцелярский суд не имеет права вмешиваться в священные права отца по отношению к детям».

Но уже в первой половине 19-го столетия, сначала в Англии, а затем постепенно и во всех странах Европы, закон ограничивает власть родителей определенными пределами. Так, действующее ныне английское законодательство признает лишение родителей по суду прав по отношению к ребенку и отдачу последнего под опеку в целом ряде случаев. Помимо ряда общих уголовных преступлений, совершенных родителем, к отнятию ребенка может подать повод всякий акт сурового или жестокого обращения, пренебрежения, оставления без присмотра, в опасном положении и пр.

Много в этой области достигнуто также законодательством Америки и Германии, значительно меньше во Франции

и в других странах. Что же касается России, то еще незадолго до войны родительская власть почиталась священной, и всякое вмешательство в ее сферу приходилось тщательно мотивировать.

Закон признавал только два случая прекращения родительской власти: «Личная родительская власть прекращается единственно смертью естественной или лишением всех прав состояния, когда в последнем случае ребенок не следует в ссылку за своими родителями». Ограничение же прав родителей возможно было лишь в случае поступления в общественное училище или на службу, либо в случае вступления дочерей в замужество»

Характерна для всего дореволюционного правового уклада мотивировка этого ограничения родительской власти: если ребенок определен в общественное училище, то «начальство заступает тогда по воспитанию родителей», если подросток поступает на службу,—то он «получает новые обязанности и не может уже оставаться в прежней, непосредственной зависимости от родителей».

Наконец, в случае замужества опека родителей подлежит ограничению «поелику одно лицо—двум неограниченным властям, каковы родительская и супружняя, совершенно удовлетворить не в состоянии, и дочь, оставившая дом свой и прилепившаяся к мужу, не может быть подвержена повиновению родителям в той же мере, как другие дети». (См. у П. И. Люблинского).

Это прекрасно иллюстрирует патриархальную косность нашего семейного права, которое сильно отстало от действительной жизни и взаимоотношений в семье, по крайней мере, городской.

В то время как родителям закон предоставлял применять к строптивым и непослушным детям «домашние исправительные меры», в том числе порку, побои и пр., и в случае безуспешности этих мер «при упорном неповино-

вении родительской власти, развратной жизни и других пороках», разрешал даже заключать детей в тюрьму, детям в отношении родителей представлялось по закону очень мало средств защиты.

Правда, разработанный незадолго перед войной проект нового гражданского уложения существенно расширял вмешательство государства в область родительских полномочий, но общество защиты детей от жестокого обращения, административная и судебные власти попрежнему были часто бессильны перед могуществом родителей в отношении их детей. Мистическая вера в «священный» характер родительской власти, обоготворение родителей в течение веков стоили детям много крови и слез. «Бог на небе, царь на земле и отец в семье»—это было одним из самых упорных устоев старого мира.

Советское законодательство и этот, туго стянутый рабством духа клубок разрубило одним ударом: так как родительское право существует лишь в интересах детей и является не только правом, но и обязанностью, то при неправильном осуществлении суд может отнять его от родителей или ограничить его.

В полном об'еме без всяких оговорок и казуистических тонкостей рассматриваются такие дела народным судом. Возбуждаются они либо органами власти (ближайшим образом органами социального воспитания, юридическими консультациями), либо отдельными лицами, если им случайно стал известен факт злоупотребления их властью (Собрание узаконений и распор. Раб.-Крестьянского правительства № 76—77, 1918 г., ст. 816 § 15 и примечание к нему).

Упомянутые только что общества защиты детей от жестокого обращения, которые боролись с злоупотреблениями не одних только родителей, но и вообще взрослых по отношению к ребенку, делали полезное и нужное дело. В 1912 году в петербургском обществе правовой охраны малолетних

состоялся доклад пр.-доц. Исаева о 696 случаях жестокого обращения с детьми в Петербурге. Картина развернулась в докладе поистине кошмарная: тут была целая серия матерей-эротоманок, отцов-изнасилователей, мастеров, измывающихся над мальчиками, отданными к ним в учение и пр.

В докладе Исаева обращают на себя внимание сведения о социальном составе этих преступных родителей и вообще взрослых, эксплоатирующих ребенка.

— Было бы большой ошибкой думать—восклицал докладчик, что вся эта скорбная статистика почерпнута исключительно из быта подонков общества, из невежественной, обездоленной и спившейся нищеты столицы. В действительности среди зарегистрированных истязателей детей были: преподаватель гимназии, артист оперной трупы, священник, три католических ксендза, штабс-капитан, жена полицмейстера, провизор, учитель пения, жена поручика, хорист, много чиновников».

В этих семи сотнях случаев обществу защиты детей удалось оказать детям серьезную помощь. С большим трудом вырвав их из когтей насильников, общество отдало их на попечение в другие, лучшие руки. Но этот метод борьбы, чисто филантропический и неорганизованный, способен только приходить на помощь в отдельных случаях, но широкой общественной базы он получить не может. Говорить же о предупреждении подобных ужасов, о борьбе с почвой, на которой они произрастают, и совсем в этих пределах не приходится.

Напротив, серьезную роль в деле профилактики детских правонарушений играет ряд полублаготворительных обществ в Северной Америке. Таково общество защиты прав ребенка („Jvenile Courts Association“), члены которого, между прочим, берут на себя также наблюдение за порядком в камерах детского суда, таково общество защиты

детей от жестокого обращения („Society for the Prevention of Cruelty to Children“) которому передаются все дети, по тому или иному поводу задержанные полицией— аналогично нашей детской инспекции. Впрочем, только что названная организация есть учреждение государственное.

Существуют, кроме того, многочисленные братства „Big — Brothers“ и „Big — Sisters“ („больших братьев и сестер“) друзей ребенка, которые стараются предохранять детей от опасностей морального свойства.

Сюда же примыкает особого рода трибунал, впервые созданный в Чикаго в 1908 г. „Court of Domestic Relations“ и ныне существующий во всех городах Соединенных Штатов. Трибунал разбирает случаи, где ребенок, (а также женщина) становится жертвой семейной или социальной обстановки; ему подсудны дела по оставлению на произвол судьбы, жестокое обращение и невыносимые условия работы детей и женщин. Призванные вообще ограждать интересы слабых, трибуналы эти разбирают дела не столько с точки зрения формального права, сколько по справедливости и сочувствию к слабым.

Все это прекрасные по идее начинания, весьма ценные в своей сфере, но не способные достаточно глубоко вспахать и перепахать по новому ту общественную среду, на которой неминуемо растет детская беспризорность со всеми ее ядовитыми плодами. Единственно планомерным и достаточно широком путем является путь, на который вступила новая Россия в области правовой защиты. Сейчас движение страны по этому пути заторможено нищетой переходного периода, но по мере того, как страна будет залечивать раны прошлого, правовая защита детей, как надежнейшая форма и страховка от детской преступности, будет развиваться вширь и вглубь.

На не раз уже упоминавшемся нами московском с'езде обстоятельный доклад о правовой охране детей, сделала

зав. Отделом правовой защиты Наркомпроса С. Копелянская. Задачи правовой охраны, в изложении докладчицы, охватывают все вообще виды нарушения жизненных интересов несовершеннолетних. Нарушаются ли эти интересы родителями или посторонними, делается ли это по невежеству или по злому умыслу, касается ли нормальных или дефективных детей, идет ли речь о детях в семье или в детучреждениях—все равно: во всех решительно случаях, когда дети терпят ущерб материальный или духовный, на сцену должно выступить вмешательство органа правовой охраны.

Главными орудиями для этой цели служат, помимо комиссий несовершеннолетних, также учреждения о детской (социальной) инспекции или милиции.

Как комиссия в целом, так и действующая ее именем детская инспекция пользуется широкими правами: постановления комиссии обязательны для всех лиц и учреждений и неисполнение этих постановлений наказывается по суду.

Как ни мало сделано до сих пор для правовой охраны детства в городах, но в деревне в этом направлении еще даже не приступлено к делу. Что мысль эта заботит деятелей правовой охраны, видно, между прочим, из резолюции Петроградской областной конференции (январь 1922 г.), которая высказалась за желательность учреждения должностей воспитателей-обследователей в каждой волости, для организаци правовой охраны в волостном масштабе.

Детская (социальная) инспекция.

Впервые вопрос об организации особой «социальной» инспекции по охране детства был возбужден В. Половцевой летом 1917 г. в Петрограде, но ее проект, помимо неблагоприятных особенностей момента своего появления, был и не осуществим вообще. Проект возлагал на работников детской инспекции такие многообразные и высоко

ответственные обязанности, что деятели этой инспекции должны были бы обладать не только высоким общим образованием, но и серьезной специальной подготовкой.

Вопрос об органах низшей социальной инспекции впервые был поднят С. Е. Копелянской в 1919 г., на всероссийском с'езде по охране детства. Отмечая детскую беспризорность в большом городе, где на площадях и улицах недоедающие и голодные дети получают, однако, слишком много пищи, нездоровой для их духовного развития и где они вместе с папиросами, газетами и яблоками продают и самих себя, докладчица доказывала необходимость перехватывать детей на их скорбном пути от беспризорности к преступлению.

«Государство—справедливо указывала докладчица—не должно пугаться тех расходов, которых потребует новая организация. Расходы будут сторицей возмещены: спасая детей во время от преступной карьеры, мы делаем двойную экономию — сокращаем будущие расходы на содержание взрослых преступников и мест их заключений и даем государству трудоспособных граждан вместо тунеядцев и паразитов». Конференция 10—14 июня 1921 г. подтвердила общие положения легшие в основу доклада, и ввела наименование детской милиции, детской (социальной) инспекцией. (См. статью М. Н. Гернета в сборнике «Детская беспризорность и борьба с ней», изд. «Красная Новь», 1923 года).

Учреждение детской инспекции обслуживается кадрами братьев (или сестер) социальной помощи. Последние являются органами наблюдения над детьми улицы; они должны постоянно дежурить везде, где скопляются беспризорные дети, где можно обнаружить детское горе, детскую заброшенность, детские слезы.

Наиболее опасными для детей улицы являются вокзалы, площади, рынки, кинематографы, цирки и пр., где и учре-

ждается постоянное дежурство братьев (сестер) социальной инспекции. Сюда же относится устройство на вокзалах и пристанях дешевых столовых для детей, а также давно уже рекомендованное циркуляром Наркомпроса устройство на вокзалах и пристанях специальных приемных пунктов для детей улицы. (Циркуляр от 1/XI—1920 г., с ссылкой на распоряжение по Наркомпути от 6/VI—1920 г. за № 231, об оказании в этом деле содействия органами путей сообщения).

Далее братья социальной помощи обходят притоны, подозрительные меблированные комнаты, гостиницы, кафе, кабаре, почлежки, чайные и пр.

Наконец, они от поры до времени посещают мастерские, фабрики, заводы и другие учреждения, пользующиеся детским трудом, собирая таким образом материалы для инспекции труда. Персонал детской инспекции задерживает детей, нуждающихся в социальной защите, и направляет их в приемные пункты.

Тоже самое должен делать, следуя своему долгу перед обществом, всякий гражданин, нашедший ребенка в состоянии беспризорности, а также персонал общей милиции и все сотрудники Наркомпроса.

На местах иногда вызывает сомнение вопрос о разграничении круга ведомства инспекторов труда и детской инспекции: в раз'яснение относящегося сюда пункта «Положения о детской инспекции» от 21 сентября 1921 г., постановлением Совнаркома от 13 сентября 1922 г. указано [1]), что инспекторам труда подведомственны, кроме фабрик, заводов и пр., те из ремесленных и кустарных предприятий, которые пользуются наемным трудом. Те же предприятия, которые не пользуются наемным трудом, находятся в ведении детской социальной инспекции.

Вместе с тем как инспектор труда должен извещать дет-

---

[1]) См. выше, в главе о воспитателях-обследователях.

скую инспекцию об обнаруженных им фактах эксплоатации детей и подростков, так и детская инспекция, в свою очередь, должна находиться в постоянном контакте с инспекцией труда.

Детским социальным инспектором может быть лицо не моложе 21 года, не находящееся под судом и следствием и не ограниченное в правах по суду. Для занятия этой должности требуется принадлежность к числу граждан Республики и достаточное общее развитие и образование, а также, по возможности, педагогический опыт.

Это последнее—единственное оружие, с помощью которого социальный инспектор должен бороться с явлениями детской беспризорности. Забота об укреплении нравственного авторитета детского инспектора приводит к тому, что «Положение» об инспекции запрещает инспекторам ношение при себе какого бы то ни было оружия.

Являясь в ремесленное или кустарное предприятие, не пользующееся наемным трудом, для обследования положения подростков, инспектор обязан иметь при себе мандат на такое обследование от Губоно. При посещении или обследовании обязательно присутствие представителя домоуправления, либо милиции или сельского совета.

Чтобы братьям социальной помощи дать внешнее отличие и этим облегчить выполнение их трудовой обязанности в атмосфере часто неприязненной и даже враждебной (недовольство взрослых отнятием у них ребенка, боязнь ответственности), проектировали снабдить их особой розовой нарукавной повязкой.

Содействие общей милиции и вообще всех органов власти сотрудникам социальной инспекции, конечно, обеспечено.

К великому сожалению, и эта форма правовой защиты оказалась в большинстве случае для нас слишком дорогой в данное время.

Достаточно сказать, что сейчас даже в Петрограде нет для этого необходимых средств, и второй по населенности и по уровню детской преступности центр страны еще не имеет соц. инспекции, есть лишь дружина добровольцев.

Летом 1922 г. народный комиссар Здравоохранения Н. Семашко скорбел в московской печати об обилии детей-нищих вдоль железных дорог на Юге, особенно в Крыму и об отсутствии у нас реальной борьбы с детским нищенством.

«Еще в ноябре 1921 г., число братьев и сестер социальной инспекции достигало 1.000, вместо 411 за два месяца до того, но что значит какия-нибудь тысяча инспекторов на пространстве огромной страны? Эта горсточка тотчас же растворилась, растаяла в наших просторах. В итоге эти стражи детства принимают весьма слабое участие в судьбе городской молодежи».

На Западе сколько-нибудь широкие меры по ослаблению роли общей полиции в борьбе с детской беспризорностью были сделаны принятием Германией в июле 1922 г. закона по охране детства. Закон предусматривает учреждение особых органов по защите детства; он должен вступить в силу во всех союзных государствах Германии не позже апреля 1924 г., но его начали вводить (напр., в Виртемберге) уже с 1919—1920 гг.

В Вене нечто аналогичное было предпринято еще в 1909 г., было открыто особое отделение полиции для малолетних, а при всех участках назначены особые должностные лица по делам о малолетних. Задержанных детей стали направлять вместо задержания в арестном доме, в различные учреждения, тут же был открыт особый приют для кратковременного пребывания в нем.

Положительные результаты нового начинания стали сказываться, по данным М. Н. Гернета, очень быстро: за первые 4 месяца полиции пришлось иметь дело с 10.448

малолетних, из них больше половины было задержано за уголовные преступления и нарушения обязательных постановлений, а остальные 4.965 малолетних получили со стороны новых органов полиции ту или иную помощь. Здесь оказалось: заблудившихся, бежавших и бродячих детей 2.230, получивших повреждения—405, жертв жестокого обращения—540, покушавшихся на самоубийство—51 и без крова и средств—1.605.

Всего подробнее и, пожалуй, шире организация особой детской полиции и инспекции была разработана из иностранных государств в Италии, где в детском кодексе 1914 г., специальный раздел охватывает вопрос: «О полиции и осуществляющих ее органах». Задачи детской полиции определяются здесь очень широко, к органам ее относятся местные уполномоченные судьи, инспектора и агенты-наблюдатели и добровольные попечители. Уполномоченный судья носит обязанности отчасти судебные, отчасти же полицейские. (М. Н. Гернет. «Детская социальная инспекция»).

Возвращаясь к советскому организационному плану, перейдем к приемным пунктам, простейшему и первичному из стационарных учреждений по борьбе с детской беспризорностью.

Приемные пункты («Приемники») предназначаются для кратковременного (по инструкции не долее семи суток) пребывания детей взамен общих участков милиции. Сюда направляются (циркуляр от 11 марта 1920 г.), дети занимающиеся нищенством, проституцией, бродяжничеством, далее кокаинисты, хулиганы, спекулянты, обвиняемые в каком либо правонарушении, а также дети, не имеющие пристанища, потерявшие родителей и вообще близких, заблудившиеся и пр.

При всей пестроте состава в Приемниках—в учреждениях более высокого и дифференцированного типа этой

пестроты, конечно, все меньше и меньше—здесь наблюдаются две основные группы, которые непременно должны быть друг от друга изолированы в Приемнике. Первая категория—дети, задержанные по поводу какого-либо правонарушения (кража, проституция, нищенство и пр.), вторая—дети, зедержанные случайно заблудившиеся, утратившие связь с родными и пр.

Необходимость раздельного помещения этих двух категорий, хотя бы и втечение нескольких только дней, подкрепляется той легкостью, с какой психическая инфекция вообще распространяется в детской среде. Подражание, как известно, чрезвычайно развито в среде детей (подражание как хорошему, так и плохому) шалости, озорство, непослушание и кончая побегами, кражами и пр.

Во избежание этой инфекции Приемник должен состоять из нескольких отделеных помещений или комнат. Согласно инструкции, схема устройства следующая: детей желательно распределять и группировать по возрасту, по степени моральной запущенности и другими признаками, но как минимум необходимы четыре отделения, по два с правой и с левой стороны от входа.

Отделения эти для случайно задержанных и для морально-запущенных.

То и другое—непременно отдельно для мальчиков и для девочек. Каждое отделение должно заключать в себе не менее 2—3 больших комнат, но желательно четыре комнаты. Из педагогических соображений, особенно ввиду наличия на пункте наряду с дефективными также и случайно задержанных детей, отделения различаются между собой, в смысле надписей на дверях, просто номерами или буквами: отделение 1А, 2В и т. д. Надписи же, показывающие характер и степень испорченности обитателей данного отделения, не допускаются.

На приемном пункте ребенок должен найти заботливое

внимание и отдых, ласку и наблюдение, присмотр врача и педагога. Если в городе приемный пункт один, то врач пункта состоит в тоже время врачом комиссии по делам о несовершеннолетних, что дает устойчивость его знакомству с будущими клиентами комиссии.

Обычно так и бывает, что членами комиссии являются именно постоянные работники приемного пункта или Распределителя.

Как бы мало времени ни пробыл ребенок в Приемнике, есть минимум услуг, на которые он во всяком случае в праве рассчитывать. Прежде всего, ребенок должен получить ванну, или хотя бы быть вымыт теплой водой с мылом и переодет в чистое белье, грязное же немедленно направляется в дезинфекционную камеру; если таковая помещается тут же, то тем лучше, конечно. Далее ребенку дают поесть и предоставляют ему отдых.

Если задержанный обвиняется в общественно-опасном поступке, необходимо не откладывая его допросить— это, как мы знаем, делает председатель или, в крайнем случае, обследователь комиссии. Но ребенок, прибывший в Приемник ночью, освобождается до утра от всяких допросов и оставляется спокойно отдохнуть. Приемники бывают открыты круглые сутки.

Опрос должен быть вполне благожелательный: никаких угроз, упреков и запугивания здесь, как и в комиссии, нельзя допустить.

Хотя бы срок пребывания ребенка в этом учреждении, по пути к испытательной станции-Распределителю и был очень короткий,—элементы клубной работы необходимы и здесь. Приемник нуждается в небольшой, хотя бы, библиотечке и читальне, в приспособлениях для домашних игр, в садике и площадке при учреждении.

Считаем нелишним, в инструктивных целях, привести здесь примерное распределение дня в Приемнике, как оно

рекомендовано Наркомпросом: в $8\frac{1}{2}$ час. утра—вставание, уборка постелей, туалет, чай. До обеда—уборка помещений, учебные занятия, чтение, игры комнатные и во дворе.

В $2\frac{1}{2}$ часа дня обед, после чего дежурные убирают со столов и помогают на кухне.

От $2\frac{1}{2}$—4 часов—клубные занятия, от 4—6 час. прогулка, в $7\frac{1}{2}$ час. ужин, далее уборка после ужина, работа на кухне и в $8\frac{1}{2}$ час. укладывание в постель.

Если ребенок не совершил ничего общественно-опасного, то он—постановлением комиссии, или же самого Приемника, но после утверждения комиссии—возвращается в прежнюю среду, чаще всего в родную семью. В других случаях требуется специальное заседание комиссии, куда ребенок обычно не вызывается, и дело обследуется на месте.

В Москве крупнейшим детским учреждением этого рода является в настоящее время центральный Приемник имени А. Д. Калининой, рассчитанный на 1.200 детей. Дети принимаются до 15-летнего возраста; они разбиты по возрастным группам. По плану дети должны проводит здесь не более двух недель, но, за неимением мест в детских домах, они задерживаются здесь 3—4 месяца и больше: настолько недостаточна емкость детучреждений даже в Москве.

В особой группе находятся одаренные дети, с художественными или музыкальными способностями: они направляются в Дома одаренного юношества, которых имеется в Москве три. Едва ли учреждения этого рода имеются еще где-либо, кроме столицы.

Трудно воспитуемые направляются в бывший Рукавишниковский приют, морально-дефективные—в специальные дома для детей этой категории.

Мы не можем здесь останавливаться на подробностях устройства и быта более дифференцированных детучреждений по борьбе с детской беспризорностью и дефективностью: даже ближайшее по «рангу» к Приемнику учреждение,

Распределитель, представляет собой довольно сложную, требующую научной постановки дела, организацию. Но несколько самых общих замечаний, относящихся в одинаковой мере ко всем типам детучреждений, здесь подразумеваемых, мы считаем нужным сделать.

Для любого из этих учреждений следует выбирать, естественно, более тихие кварталы, удаленные от центра и, в частности от рынков, с их соблазнами, а также от кинематографов и вообще увеселительных мест. Дом (непременно особняк, без соседей) предпочтительнее выбрать расположенный в глубине двора, поодаль от линии домов. Обязательна хоть небольшая детская площадка или садик— лучше не плодовый во избежание новых искушений для детей.

Совершенно недопустимо помещение мальчиков и девочек в смежных комнатах: они должны помещаться если не в разных корпусах и флигелях, то, по крайней мере, в разных этажах или на разных площадках лестниц.

Это важно ввиду общеизвестной тесной связи между уголовной преступностью и слишком ранним, чрезмерным развитием полового инстинкта. Если тесное соседство мальчиков и девочек в закрытом заведении вообще рискованно, то в среде морально неустойчивой это уже совсем недопустимо.

О порядке занятий и отдыха в этих учреждениях, вообще о распределении дня невозможно писать бегло; общим и притом безусловным требованием является, во-первых, самообслуживание детей и, во-вторых, наличие разумных учебных занятий и ручного труда.

Известно, до каких крайностей доходили местами в первые годы революции на пути стремления провести самообслуживание в школах, детдомах и пр. Забывали, что не следует, согласно французской поговорке, «вместе с водой виплескивать из ваны ребенка» и что принцип су-

ществует для жизни, а не жизнь для принципа. Теперь это крайнее увлечение схлынуло и мы уже знаем, что самообслуживание должно непременно соразмеряться с физическими силами воспитанника и кроме того не должно из средства, из воспитательного приема превращаться в самодовлеющую цель.

В учреждениях, о которых идет речь, принцип самообслуживания имеет сугубую педагогическую (о практической мы уже не говорим), ценность, но и здесь его применение должно контролироваться врачем и педагогическим советом учреждения.

Принцип дежурства должен проводиться неукоснительно во всех областях внутреннего распорядка; он прививает питомцам ценнейшие для коллектива чувства справедливости, долга перед коллективом, взаимопомощи. Кроме того, он является могущественным средством для упорядочения этой, вдвойне недисциплинированной детской массы.

Рядом с этим стоит и безусловная обязательность занятий для детей. Если вообще «лень есть мать всех пороков», то на неустойчивую морально детскую натуру вынужденное безделье в течение целых недель и месяцев, проводимых иной раз в детучреждении, действует растлевающе, убийственно.

Мне известны случаи, когда в доме дефективного ребенка в провинции (дело относится к 1919—1920 гг.)— на 40—50 детей в возрасте от 11—15 лет совершенно не было книг для чтения, а запас учебных книг не превышал десятка. Долгими неделями они почти не имели учителей по предметам и единственное занятие их составляло обучение сапожному мастерству, но и для него хватало сырья и инструментов не более как на восемь человек, остальные, же целыми днями слонялись по дому, кутаясь от холода в свое тряпье, или неподвижно, тупо сидели перед остывшей печуркой.

Дети оживлялись только во время урока хорового пения, игр во дворе, или чтения вслух сказок, что по вечерам делала иногда руководительница. Немудрено, если ребенок в такой обстановке даже деградирует умственно, нравственно же не перевоспитывается: его дурным навыкам или склонностям не противупоставлено ничего, кроме внешней узды.

Поэтому первейшим условием при организации любого учреждения принудительного воспитания является наличие планомерного школьного обучения и планомерных трудовых процессов.

Как средство застраховать подростков в будущем от нищеты и дать им прочный кусок хлеба, первостепенное значение имеет устройство при учреждении ремесленных мастерских. Какие именно желательны мастерские, это зависит от местных условий: общих указаний дать нельзя.

Подобные мастерские являются не только превосходным средством заполнить время питомца нужным и творческим делом, но и ценным приемом нравственного воспитания. Кроме того с течением времени, они начинают обслуживать нужды учреждения и частично облегчают его бюджет.

Выше было упомянуто о сугубой недисциплинированности детского населения учреждений правовой охраны; она нередко принимает размеры безобразного озорства и разнузданности, не говоря уже о прямо преступных, совершаемых иногда скопом актах, каковы насилия разного рода, хищения, побеги и пр.

Вопрос о борьбе с этими явлениями—больное место в быту этих учреждений. Бывают положения, при которых чисто педагогическими мерами трудно устранить подобные поступки и локализовать их, не допустив психической заразы и подражания.

Кое-где пытаются действовать на дурные элементы среди питомцев с помощью суда из самих детей и передают

ему все проступки против дисциплины: этим путем надеются пробудить в массе детей сознание ответственности и инстинкт справедливости. Мои впечатления (здесь, как и вообще в этой главе, я привожу преимущественно личные выводы) говорят, что подобные суды—прием очень рискованный, особенно при том более чем скромном уровне педагогического опыта и знаний, каким обладает большинство персонала в этих учреждениях.

На практике суды из детей оказываются в руках худших элементов детского коллектива. Это самоуверенные, вооруженные апломбом юноши, из тех, которые, что называется, «за словом в карман не лезут», и приговоры этих судов менее всего удовлетворяют чувство справедливости. Очень часто, к тому же, они отличаются большой жестокостью, хотя и бессознательной в значительной степени.

Так в одном известном мне случае коллектив детей по сравнительно пустому поводу на целый месяц исключил своего товарища из общения. В другом случае мальчик на целых две недели был лишен права выходить на воздух.

В руках умелого и тактичного педагога такой суд в отдельных случаях мог бы служить серьезным дисциплинирующим и воспитательным средством, но лишенный надлежащего руководства, направляющей руки, он с первого же шага рискует уклониться от правильного пути. В общем от таких экспериментов лучше воздерживаться.

Напротив, серьезные услуги в этом отношении может оказывать комитет из воспитанников, как известная форма самоуправления. Разумеется, и здесь нужна большая осторожность как в организации выборов, так и в определении об'ема полномочий нового органа, но польза здесь может быть большая, а риск гораздо меньший. Желательно, чтобы комитет представлял только одну возрастную группу; если этого условия соблюсти нельзя, то надо, по крайней мере, обезопасить младших от подавления старшими и до-

биться численного преобладания младших питомцев в составе комитета.

Что до об'ема полномочий комитета, то самое важное— это наблюдение или, вернее, контроль за хозяйственной стороной учреждения: комитет наблюдает за раздачей пищи, одежды и обуви, за качеством пищи, за отвешиванием продуктов перед вкладыванием в котел и пр. Далее, комитету предоставляется влиять на внутренний распорядок занятий, на распределение дня—но, конечно, в узких, строго регламентированных пределах. И здесь, чуть только обнаружится стремление комитета терроризировать воспитанников, а то и педагогов, нужно принимать решительные меры вплоть до упразднения комитета, иначе воспитательной работе и вообще быту учреждения грозила бы большая опасность.

Меры наказания.

Работников детской дефективности часто очень затрудняет вопрос о том, какие именно меры наказания допустимы в учреждениях?

Уже известная нам всероссийская конференция (октябрь 1921 г.), следующим образом определяет допустимые меры. В самых легких случаях применяется выговор, далее следует лишение провинившегося на некоторое время права участия в общественной жизни учреждения, в общих играх, развлечениях, прогулках, собраниях, посещениях зрелищ и совместных работах. Но нельзя забывать, что при временном исключении воспитанника из общественной жизни учреждения он все же отнюдь не должен быть обречен на безделье, а под руководством воспитателя планомерно занят.

Далее в скале все большей тяжести наказаний идут меры большего или меньшего ограничения права свобод-

ного передвижения воспитанника по учреждению. Сюда входит временное лишение права передвижения по территории дома, двора, сада, усадьбы, учреждения, обязательство находиться при воспитателе или при данной группе воспитанников, лишение отпусков и изолирование (особенно в случаях нередкого в переходном возрасте крайнего возбуждения) в классной или другой отдельной комнате, или в лазарете—в случае надобности, при постельном режиме. При этом обязателен особый надзор, а по успокоении питомца обязательны занятия, учебные или иные.

В особенно серьезных случаях воспитанник изолируется, отдельно или совместно с другими, в особо устроенном изоляционном помещении, причем необходим, как и выше, надзор, а по успокоении обязательны занятия. Изоляция на срок свыше суток требует мотивированного постановления педагогического совета учреждения и о ней сообщается в местную секцию правовой охраны.

По существу это, конечно, тот же карцер, но во-первых, непременно соблюдается сносная внешняя обстановка—изолированный не должен терпеть холода и голода или же оставаться в темноте—а во-вторых, в противуположность отупляющим и озлобляющим приемам прежнего времени, ребенок в изоляторе должен быть занят чем-нибудь полезным, творческим—если, разумеется, состояние его нервной системы допускает это. Никакие бессмысленные занятия, имеющие целью именно своей бессмысленностью сломить строптивый дух воспитанника, ни в каком случае, понятно, не допускаются.

Очевидно также, что ни о каких наказаниях, связанных с физической или нравственной болью—удары линейки, таскание за уши, сечение розгами, издевательство, лишение пищи (старое «без обеда», «без сладкого») — абсолютно воспрещены. Ограничение в пище вдвойне преступно в наши дни, когда пищевой режим в детучрежде-

ниях и без того довольно скуден, а уровень питания большинства детей далеко ниже нормы.

Но и некоторые допустимые формы наказания в отдельных случаях не могут быть разрешаемы. Так, например, изоляция, содержание под замком в отдельных случаях может явиться настоящим истязанием ребенка, что зависит не только от продолжительности изоляции, но и от суб'ективных особенностей, от натуры наказываемого. Дело воспитателя индивидуализировать каждый случай.

Вообще наказание может посягать на личность и свободу питомца лишь в той степени, какая безусловно необходима в целях дисциплинарных. Целесообразный выбор наказаний так сильно влияет на общий облик всех воспитанников—не только наказываемых—и на ход их перевоспитания, что вопрос о нем должен каждый раз тщательно взвешиваться педагогическим советом учреждения и на еженедельных собраниях руководителей, применительно к местным условиям вообще и к особенностям данного питомца в частности.

Одним из больных вопросов в быту всех вообще детучреждений, в том числе и нормальных детских домов, являются побеги воспитанников.

Какие допустимы меры борьбы с этим злом? Явление это тем серьезнее, что, как мы уже видели, побеги обычно связаны с расхищением инвентаря учреждений и потому иной раз составляет настоящее бедствие в их деятельности.

Из близко известной мне практики одной сельскохозяйственной колонии для юных правонарушителей возле Твери я вынес убеждение, что вопрос о побегах есть вопрос организации (надзора за питомцами) и вопрос снабжения учреждения. В упомянутой колонии побеги были совершенно обыденным явлением: один, два раза в неделю убегали воспитанники, часто целыми группами. В сущности, это были

даже не побеги, а самовольные тайные отлучки. Дети, улучив момент, тайком «убегали» в город, в Приемник, оттуда через несколько дней «убегали» обратно в колонию, потом опять в город, и так далее. Точно маятник, они метались между Приемником в городе и колонией. Обстановка, вообще условия жизни тут, как и там, были так скудны, что это именно и толкало их на маятникообразное качание.

Самой главной и самой действительной мерой борьбы здесь, как и везде, является мера предупредительная: надо сделать так, чтобы воспитанников не тянуло из учреждения, чтобы они себя чувствовали в нем хорошо, уютно, радостно. Конечно, бывают и случаи неудержимой страсти к бродяжничеству, при которой подростку вообще «не сидится на месте», но обычно побеги вызываются неудовлетворенностью жизнью в учреждении и надеждой—ни на чем не основанной, конечно—найти «на воле» лучшие условия существования.

Характерен в этом отношении случай с юношей в дореволюционном Рукавишниковском приюте в Москве: чтобы избавиться от мыслей о побеге, он сам себя запер в карцер с решеткой, где пробыл целых 55 дней. Считая, что он уже достаточно укрепил свою волю этим искусом и вытравил в себе мысли о побеге, он вернулся в среду товарищей по приюту—и через неделю сбежал.

Это случай, конечно, исключительный, даже патологический: такую стихийную жажду побегов поистине «только могила исправит». Никакими материальными благами учреждение ничего не может с этим поделать. Но в громадном большинстве случаев дети бегут от голода, от холода, отсутствия теплой одежды, от слишком тяжелой работы, от придирок воспитателя и жажды ласки, от насмешек или приставаний товарищей и пр. Отсюда ясно, что лежит в основе борьбы с побегами.

В отдельных случаях, в зависимости от степени мораль-

ной запущенности питомцев, приходится принимать и некоторые технические меры. Если более тщательный надзор за подозрительными (в смысле побега) воспитанниками оказывается недостаточным, то приходится держать калитку всегда на запоре. О решетках на окнах не может быть и речи, разве только в реформатории, но запирать снаружи спальни на ночь иногда приходится. Кроме того, не исключена необходимость в отдельных случаях назначать при учреждении особый милицейский пост.

Мне известен случай, когда в доме дефективного ребенка такой пост был устроен внутри самого здания: милиционер с винтовкой неотлучно находился в учреждении и слонялся среди малышей по всему дому.

Нечего и говорить, что это—грубое искажение всего облика воспитательного учреждения. Если уже приходится бороться—не столько с самыми побегами, сколько с сопровождающими их хищениями — посредством особого поста, то пост должен быть вне учреждения, на улице, а не в его стенах или в пределах усадьбы.

Совершенно недопустим также практикуемый кое-где на местах—в тех же целях борьбы с хищениями—прием подыскивания в среде питомцев тайных шпионов и доносчиков, которые бы своевременно предупреждали начальство учреждения о готовящихся побегах, хищениях и пр. Вносить такое растление в детскую среду недопустимо ни в каком случае.

Многие из сделанных выше замечаний могут показаться мелочными и подразумевающимися сами собой, но дело детучреждений принудительного воспитания, да и детучреждений вообще только строится, и персонал их разбирается зачастую ощупью в самых несложных вопросах.

Трудовые дома для юношей, лишенных свободы.

Согласно декрету от 4 марта 1920 г. несовершеннолетние, осужденные народными судами, подлежат содержанию под стражей отдельно от взрослых. Поэтому Нкюстом давно уже приступлено было к созданию особых исправительно-воспитательных учреждений, именуемых «Трудовыми домами для юношей, лишенных свободы».

Трудовые дома—это и есть, в сущности, реформатории, полувоспитательные, полутюремные учреждения, о которых упоминалось выше. В предотвращение побегов у них имеются решетки на окнах и вооруженная охрана (наружный караул). Они находятся, как и все места лишения свободы, в ведении Наркомвнудела. В настоящее время труддома имеются в Москве, в Петрограде (собственно, в Детском Селе), в Саратове, Иркутске, Харькове, Киеве и Казани—всего, значит, семь, в том числе два на Украине и один в Татреспублике. Нечего и говорить, что число это удручающе недостаточно и что на громадной территории Советской России приговоренные к лишению свободы несовершеннолетние отбывают наказание, вопреки декрету, не в специальных учреждениях, а в общих тюрьмах.

Труддома ставят себе целью перевоспитание трудно исправимых подростков, расширение их умственного горизонта путем общего и профессионального образования. Общему образованию (школьные занятия, чтение, собеседования) посвящается ежедневно не менее 4 часов; кроме того, подростки обучаются ремеслам в специальных мастерских при Труддоме. При этом занятие физическим трудом не может превышать 4 часов ежедневно.

Вновь поступающий подросток помещается в особое отделение для новичков (новициат) на один месяц, для обследования со стороны педагогов и врачей. Пребывание в новициате является в то же время и санитарным карантином. Воспитанники, особенно дурно ведущие себя и оказывающие

вредное влияние на товарищей, выделяются в группу «штрафных» и подлежат особым мерам воздействия и воспитания. Напротив, в виде награды за хорошее поведение воспитанники могут получать отпуски, на срок до двух недель.

Иные несовершеннолетние, побывавшие уже несколько раз в комиссиях, преимущественно воры-рецидивисты, находятся в Трудоме почти все время в штрафном разряде. К концу срока своего пребывания в учреждении они не обнаруживают ни достаточного исправления, ни достаточных познаний в ремеслах, которые обеспечивали бы им, по выходе на свободу, верный и честный заработок. Поэтому угол. кодекс (см. «Детское право». Г. Рындзюнского и Т. Савинской, стр. 62) предоставляет распределительным комиссиям в отношении подростков, трудно поддающихся перевоспитанию и недостаточно исправившихся к концу срока отбытия ими наказания, входить в местный народный суд, на основании ходатайства Трудома, с представлением о продлении подростку срока пребывания в учреждении. При этом срок может быть продлен на время не свыше половины ранее назначенного судом наказания.

В 1922 г. число штатных мест во всех Трудомах Республики равнялось 531, но, ввиду недостатка в оборудовании учреждений, подростков в них содержалось только 310. Между тем, в 1921 г. несовершеннолетние составляли только 1% всего тюремного населения, а в 1922 г., они составляли уже 1,4% и число их колебалось около 1200 чел. Следовательно, из общего числа присужденных подростков большинство отбывало наказание в общих местах лишения свободы, хотя и в отдельных помещениях, но в условиях неизбежного общения с взрослыми профессиональными преступниками.

В настоящее время намечено оборудование пяти новых трудовых домов для несовершеннолетних.

Подростки в местах заключения.

Практика нового Советского законодательства в области детской преступности уже дает определенную картину несовершеннолетней преступности в местах заключения. Мы приведем ниже, на основании оффициальной статистики, данные о тех юных правонарушителях, которые, признанные судом не поддающимися медикопедагогическому воздействию, направляются в общие места заключения или в специальные трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей.

Таблица В. Якубсона («Еженедельник Советской юстиции», № 18, 1923 г.) делает интересное сопоставление несовершеннолетней преступности в местах заключения с такой же преступностью взрослых по характеру преступлений. Разница оказывается резкой только по графе «кража, грабежи и разбой», по которой (данные на 1 января 1923 г.) приговоренные среди взрослых составляли 44%, а среди несовершеннолетних почти вдвое (85,7%), и по графе «прочие преступления»—их среди взрослых было 48,2%, а среди подростков только 8,8%, т. е. в пять раз меньше. Проценты же приговоренных за убийство и вообще за преступления против личности среди несовершеннолетних ниже, чем среди взрослых, но разница не превышает 50%.

Подавляющее преобладание краж, вообще имущественных правонарушений, разного рода «прочих» правонарушений, среди которых многие тоже носят имущественный, экономический характер, еще раз красноречиво подчеркивает основные источники детской преступности, именно, нужду и далеко зашедшую беспризорность.

Из упомянутой выше статьи заимствуем еще таблицу о сроках наказания несовершеннолетних, которая дает понятие о тяжести преступлений. Цифры относятся также к 1 января 1923 г.

Приговоренных на срок.	Среди взрослых.	Среди несовершеннолетних.
До одного года . . .	23,5%	32,3%
Свыше 1 до 2 лет . .	28,7 »	29,8 »
» 2 » 3 » . . .	20,0 »	16,1 »
» 3 » 5 » . . .	22,4 »	9,8 »
» 5 » 8 » . . .	3,4 »	1,9 »
» 8 лет	2,0 »	10,1 »

Цифры эти свидетельствуют об очень солидной тяжести преступлений.

Впрочем, резкие отклонения в процентах сроков среди взрослых приговоренных и несовершеннолетних, как справедливо указывает В. Якубсон в «Еженедельнике», на деле, вероятно, вполне выравниваются: как мы уже знаем, ст. 18 Уголовного Кодекса установлен обязательность смягчения репрессии в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Смягчение это не нашло себе отражения в приведенной таблице, где даны лишь судебные приговоры, до смягчения их в зависимости от несовершеннолетия.

Что касается процента рецидивистов среди несовершеннолетних, то на сто срочно-заключенных состава (к началу 1923 г.) было рецидивистов среди взрослых 9,5%, а среди несовершеннолетних 35,8%. Из них уже отбывавших более 2 раз наказание (лишение свободы) было среди взрослых 54,7%, среди несовершеннолетних 89,1%.

Громадный процент рецидива среди заключенных подростков не может нас удивить: в значительном числе случаев именно наличие наказания в прошлом у подростка и вызвало разбор дела в народном суде, признание случая не подлежащим медикопедагогическому воздействию. Таким образом, среди дел, которые суд оставляет за собой, не передавая в комиссии, частота рецедивов, естественно, должна быть высокой.

Наконец, из того же, упомянутого выше, источника приведем таблицу, показывающую, сколько находилось в заключении несовершеннолетних в разные месяцы и годы: она даст нам более ясное и полное представление о переменах и новеллах в Советском законодательстве, какие произошли в области борьбы с детской преступностью за время с 1920 и по 1923 гг.

1 числа каждого месяца состояло несовершеннолетних.

	1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.
Январь . . .	217	539	744	428
Февраль . . .	160	545	790	501
Март	153	573	912	544
Апрель . . .	212	670	967	
Май	358	730	856	
Июнь	279	743	748	
Июль	183	782	800	
Август	169	880	750	
Сентябрь . . .	501	688	678	
Октябрь . . .	327	851	722	
Ноябрь	450	901	768	
Декабрь . . .	531	841	601	

Таблица эта, по интенсивности поступления несовершеннолетних в места заключения, делится автором на три периода, в зависимости от изменений в подсудности подростков комиссиям или общему суду. Первый период, от начала 1920 г. приблизительно до весны 1921 г., второй— от этого последнего момента (приблизительно совпадающего с началом новой экономической политики) и до введения ст. 18 Уголовного Кодекса, и третий период до настоящего времени.

Говоря в общих чертах, кривая числа заключенных подростков в первом из этих периодов была самой низшей: он соответствовал всей полноте деятельности наркомпросовских учреждений по детской преступности и всей полноте полномочий комиссий о несовершеннолетних, когда последние изо всех сил старались не отпускать от себя подростков.

Второй период дает резкий под'ем кривой; он совпадает с временем, когда комиссии, под влиянием тяжелых об'ективных условий, не могли справляться с большим ростом преступлений подростков и вынуждены были, в значительном числе случаев, сами отказываться от решения судьбы подростков, передавая их в руки народного суда; оттуда они попадали в большом числе в места заключения.

Наконец, третий период, когда число заключенных в местах лишения свободы подростков должно было, ввиду изменений в законодательстве, еще более увеличиться — между тем, число их с этого момента неуклонно падает, как это видно из таблицы. «Еженедельник» очень правильно толкует эту кажущуюся несообразность: суть здесь, конечно, не в уменьшении числа юных правонарушителей, которое, наоборот, продолжает резко увеличиваться, а в искусственном, так сказать, уменьшении числа несовершеннолетних.

Как известно, по новому Угол. Кодексу к лицам от 16—18-летнего возраста медикопедагогические меры совершенно не применяются, и этот возраст, дающий везде весьма значительное число правонарушений, к тому же наиболее тяжких, перестал рассматриваться как несовершеннолетний.

Статистика мест заключений, которая легла в основу приведенной таблицы, считает молодых правонарушителей, достигших 16-летнего возраста, взрослыми и не включает

их в число заключенных подростков. Это обстоятельство и об'ясняет тот, кажущийся парадоксальным факт, что начиная, примерно, с ноября 1922 г. и еще резче с января 1923 г., число заключенных несовершеннолетних подростков в тюрьмах круто падает. В действительности, если включить также и возраст 16—18 лет, то число заключенных, в соответствии с продолжающимся ростом юной преступности, конечно, продолжало бы подыматься вверх по кривой.

Уголовный кодекс и дети. Виды на будущее.

В ныне действующем Уголовном Кодексе законы о подсудности детей претерпели новые и еще более существенные изменения, чем за все годы революции; об этом удобнее сказать здесь, к концу очерка, чтобы связать новейшее советское законодательство о детях с общими планами и перспективами, какие в этой области открываются на ближайший период.

Согласно ст. 18 Угол. Кодекса (см. «Известия» В.Ц.И.К. от 23 ноября 1922 г. № 265), наказания по суду «не применяются к малолетним до 14 лет, а также к несовершеннолетним от 14—16 лет, в отношении коих судом будет признано возможным ограничиться медикопедагогическими мерами».

Таким образом, полномочия комиссий в их окончательной, предопределенной надолго, форме обрекались на дальнейшее с'ужение. Малолетние по прежнему остаются в полном и безусловном ведении комиссий, а несовершеннолетние, в возрасте до 16 лет, только в том случае, если суд (а не комиссия!) вынесет о том постановление применительно к данному отдельному случаю. Подростки этой возрастной группы отныне попадают в руки комиссий только из рук судьи, после обсуждения дела в общем судебном

месте. Возрастная же группа 16—18 лет становится уже безусловно подсудной, только общим судам.

Единственная возрастная привилегия, общая для несовершеннолетних последних двух групп (14—16 и 16—18 лет), состоит в обязательном по закону смягчении им наказания по суду. В противуположность дореволюционному порядку, когда смягчение кары по возрастному признаку было правом судьи и представлялось его усмотрению, теперь понижение нормы наказания обязательно.

Для группы 14—16 лет наказания подлежат обязательному смягчению наполовину против наивысшего наказания, установленного соответствующей статьей декрета, а для несовершеннолетних в возрасте 16—18 лет в размере одной трети наивысшей меры наказания.

Когда возраст уголовной вменяемости был понижен, третьей сессией В.Ц.И.К. до 16 лет, это перевело около 30.000 несовершеннолетних правонарушителей из ведения комиссий в ведение нарсудов. Помимо малолетних, наказанию по суду не подлежали, в силу постановления 3-ей сессии, «подростки от 14—16 лет, в отношении которых признается достаточным врачебно-воспитательное воздействие».

К сожалению, в эту редакцию 4-ая сессия В.Ц.И.К. внесла указанную поправку, которая значительно ухудшила дело. После слов «в отношении которых» сессия вставила одно только маленькое словечко «судом».

Как справедливо указывала завед. Отделом правовой охраны Нкпроса С. Копелянская, «это маленькое словечко, можно смело сказать, перевернуло вверх дном всю идею медикопедагогической борьбы с детской преступностью».

Ибо в таком случае уже не комиссиям предоставляется определять уместность или неуместность медикопедагогических мер в отношении подростка указанной возрастной группы, а все вообще подростки старше 14 лет поступают

в нарсуд. Все—морально запущенные и дефективные, находящиеся на границе психической ненормальности и мелкие воры, беспризорные и шатающиеся, озорники и нищие и пр.

В результате к передаваемым в нарсуды 30.000 подросткам, достигшим 16 лет, прибавлялось еще около 26.000 подростков от 14—16 лет.

Это грозило серьезнейшим вредом для приговариваемых судами к лишению свободы подросткам, ибо даже те подростки, какие раньше передавались в руки судов в силу декрета от 4 марта 1920 г., чрезвычайно затрудняли суды в смысле устройства их в соответствующие учреждения.

Но кроме того, как правильно подчеркивала С. Копелянская, здесь возникал целый ряд вопросов в связи с тем, какими средствами и силами каких органов нарсуды могут и будут решать вопрос о степени применимости медикопедагогических мер в каждом отдельном случае?

Чтобы выяснить этот пункт, суд должен установить психофизиологическое состояние обвиняемого подростка, степень его моральной запущенности и нормальности, наследственные факторы и пр. Какими силами и средствами суд в состоянии разрешать эти чисто научные вопросы?

У комиссий для этой цели имеется, как-никак, специальный и разнообразный аппарат: это социальная инспекция, обследователи-воспитатели, специальные курсы, исследовательские институты, наблюдательно-распределительные пункты—словом, весь арсенал наркомпросовских учреждений.

Пусть все эти учреждения еще далеко не удовлетворяют потребности в них, но нельзя же и сравнивать компетентность в этом деле наркомпросовских учреждений с органами Нкюста, в частности с народными судами. Не имея соответственного органа, лишенные специального навыка и подготовки, суды едва ли в состоянии правильно разби-

раться в вопросе о применимости медикопедагогических мер к данному случаю.

«Даже в целях защиты государства от юных правонарушителей недопустимо руководствоваться только политикой сегодняшнего дня, ибо, запрятав сегодня подростка в тюрьму, мы на завтра подготовим из него вора-профессионала»: рецидивисты, как известно, вербуются именно из числа прошедших через тюрьму.

Порядок, в каком суд должен устанавливать применимость или неприменимость медикопедагогических мер, в Уголовно-процессуальном Кодексе не предусмотрен, тем не менее, по аналогии с главой 16 Угол. Проц. Кодекса об определении психического состояния обвиняемых, надлежит признать, что вопрос этот должен разрешаться в распорядительном заседании суда при участии эксперта от комиссии по делам о несовершеннолетних (см. «Детское право», Г. Рындзюнского и Т. Савинской). Но порядок этот, очевидно, далеко уступает, в смысле обоснованности научных заключений, заключениям, выносимым самой комиссией.

По ходатайству Нкпроса, поддержанному Нкздравом,—позднее с этим согласился и Нкюст—Совет народных комиссаров 16 июня с. г. принял внесенную Нкпросом поправку ст. 18: вместо слова «судом»—«комиссией по делам о несовершеннолетних».

Внести в ст. 18 отмеченное только-что изменение было совершенно необходимо, тем более, что на местах статья эта в редакции 4-ой сессии почти нигде, по сведениям Нкпроса, не привилась: жизнь не приняла этого уродливого порядка, подобно тому как организм не принимает чуждой, не свойственной ему пищи.

Изменение это было сделано: сессией нового ЦИК,а утверждена окончательная редакция статьи, которая и опубликована в № 45 «Собрания Узак. и распор. от 29-го июля с. г.

Исправлена великая ошибка в нашем законодательстве о детях, и в отношении возрастной группы от 14—16 лет мы вернулись к прежнему, гораздо более правильному порядку. Минимальный срок общей уголовной ответственности отодвинулся до 16 лет, передача же подростков 14—16 лет в нарсуд будет попрежнему регулироваться самими комиссиями.

Само собой разумеется, что обязательного смягчения наказаний для подростков от 14—16 и от 16—18 лет исправление не коснулось, и нормы этого смягчения сохранили свою силу.

Кстати по поводу смягчения меры наказаний находим в «Пролетарском суде» (1923 г. № 1), в статье Т. Сагалова несколько дельных соображений.

Смягчение это создает для несовершеннолетних краткосрочное (6 м., 1 год) заключение под стражу со строгой изоляцией и без нее, с принудительными работами, обязательными у нас для всех мест лишения свободы. Работы эти, однако, очень ограничиваются охраной труда подростков. На подростков с неполноценной личностью, с болезненным душевным складом такое кратковременое пребывание в обществе взрослых преступников имеет особенно растлевающее действие.

Известным коррективом здесь является ряд статей нашего Угол. Кодекса—ст. 17, 46, 47, а также ст. 472 Угол. Проц. Кодекса—которые представляют суду, в зависимости от психического облика обвиняемого, помещать его в специальные медицинские учреждения без ограничения срока.

Упомянутое изменение ст. 18—последняя новелла в нашем законодательстве о комиссиях.

Если сопоставить нынешнюю статью Кодекса с первым декретом о комиссиях от 14 января 1918 г., то разница все же получится огромная: целиком от разгрома устояла только группа малолетних, несовершеннолетние же, даже

в более юных возрастах, в немалом числе случаев попадают все же в руки общего суда и затем и общей со взрослыми тюрьмы.

Было даже предположение самые комиссии в отношении не малолетних, а только несовершеннолетних—окончательно слить с определенной камерой народного суда, чтобы таким образом судебная и медикопедагогическая работа в подлежащих случаях не раздваивалась, а шла в одном русле.

Такое слияние, при всех крупных технических, организационных и финансовых удобствах, неминуемо оттеснило бы педагогическую сторону дела на задний план даже там, где она со всех точек зрения должна была бы доминировать.

Впрочем, толки об этом проекте, одно время довольно оживленные, к счастью, вскоре заглохли.Сейчас, при свете только-что опубликованной измененной редакции ст. 18 Кодекса, такой проект явился бы явно несвоевременным.

С другой стороны, в самое последнее время (август 1923 г.) московским губсудом была разработана и передана на заключение в Икюст докладная записка, прямо противуположная по тенденции. Записка касается изменения законоположения о комиссиях по делам о несовершеннолетних («комонес») в смысле устранения из этих комиссий представителей судебных органов. Мотивировка такова:

«С введением 1 августа 1922 г. института прокуратуры, надзор за производством «комонес» отходит к этой последней и, таким образом, присутствие в комонес'е народного судьи делает связь комиссии с губсудом совершенно искусственной и чисто внешней».

Соображения эти вполне правильны, и дальнейшее участие народного судьи в заседаниях комиссий, пожалуй, нецелесообразно, поскольку участие это теперь покрывается и компенсируется последующим надзором прокуратуры. Но не надо забывать в то же время, что многие наши комо-

нес'ы, особенно уездные, настолько слабы по составу, что участие юриста все же желательно: он дает заседаниям комиссии организованное течение и планомерную форму.

Во всяком случае, наличие ряда проэктов, частью взаимно противоречивых, показывает, что дело комиссий еще далеко не устоялось, а продолжает бродить и вырабатываться жизнью.

Поэтому тенденцию к умалению полномочий комонес в пользу судебных органов отнюдь нельзя еще считать похороненной. Среди судебных деятелей нередко приходится сталкиваться с суровой оценкой и чуть ли не враждебным, неуважительным отношением к деятельности комиссий. В этих кругах считают работников комиссий беспочвенными мечтателями, сантиментальными слабняками, которые не замечают всей призрачности своей, будто бы исключительно «словесной» деятельности. Они сурово зовут комиссии к ответу, указывая, что не могут позволить потворствовать все большему и большему росту детской преступности, и если комиссии не в состоянии с этим справиться, то пусть они устранятся и предоставят работать судебным органам.

Во всем этом много ведомственной узости и непонимания общих причин и следствий. Слабые результаты работы мы наблюдаем вовсе не только в одних комиссиях, но и в целом ряде других органов, которых, однако, не тянут так сурово к ответу, ибо понимают подавляющую зависимость «продукции» от общих условий момента. Мы—нищие, у нас нет подсобных воспитательных и лечебных учреждений, не хватает работников и средств для их оплаты—что могут изменить в этом факте обвинительные по адресу комиссий упреки и толки?

И как справились бы—вот сейчас, в ближайшее время—с этой нищетой судебные органы, еслибы деятели комиссий «устранились»?

Тенденция к «сокращению» комиссий, повторяю, еще не изжита, и потому не лишним будет вернуться на минуту к тому порядку, какой существовал до последнего изменения редакция ст. 18. Сейчас все еще берется под защиту старый принцип «разумения».

Хотя упомянутый порядок не упразднял предварительного обследования несовершеннолетнего в том же приемнике или распределителе, что и для малолетнего, как не упразднял и участия врачебной экспертизы, но фактически, особенно ввиду перегруженности судебных участков работой, судья при всем желании лишался возможности тщательно присматриваться к особенностям психического облика обвиняемого. Тем менее он был в состоянии индивидуализировать отдельный случай в связи с личностью правонарушителя.

Поэтому можно думать, что случаи передачи судьей дел в комиссию зависели не столько от результатов экспертизы врача или педагога, сколько от того, какой, по мнению судьи, степенью разумения обладает несовершеннолетний. Вменяемость в зависимости от степени разумения—вот критерий, к которому неизбежно тяготеет судья.

Предположим, что момент умственного развития при этом учтен и оценен правильно (в чем, конечно, далеко нет гарантии)—но момент физического и нравственного развития несовершеннолетнего неминуемо остается в тени.

Кроме того, всю свою силу сохраняет тот упрек, какой обычно, делают принципу разумения в деле подсудности юных правонарушителей: всей тяжестью уголовной кары этот принцип рискует упасть как раз на самых развитых, самых одаренных, самых живых, энергичных и предприимчивых. Их судья рискует направить в тюрьму, а вялого, малоценного для общества подростка с отсталым интелектом передаст в комиссию для перевоспитания.

Но, даже отдавая себе ясный отчет в подобной опас-

ности, судья все же не имеет выбора при нынешней слабости аппарата комиссий. Если создать потребное число комиссий и даже обеспечить их более или менее подходящим составом сотрудников удастся еще сравнительно скоро— ведь, помимо институтов и курсов, выпускающих новых работников, старые приобретают в процессе работы необходимый опыт—то организовать достаточное число подсобных учреждений удастся еще очень не скоро.

Что же при таких условиях остается делать народному судье с дюжим, косая сажень в плечах, шестнадцатилетним грабителем?

Надо иметь мужество смотреть правде прямо в глаза: положение дел таково, что без дальнейших ограничений компетенции комиссий обойтись было нельзя. Новейшее законодательство явилось выразителем того печального факта, что принцип исключительно педагогической и врачебной борьбы с детскими правонарушениями в данных условиях времени и места не только не обеспечивает успеха в этой борьбе, но даже не способен хоть сколько нибудь замедлить рост этих правонарушений.

С этим бедствием ждать, покуда наладится работа комиссий и будут созданы необходимые воспитательные учреждения, было невозможно: слишком грозно на наших глазах разгорается пламя детской преступности, морального одичания, прямого вырождения целого поколения. Пришлось сузить, свернуть, так сказать, часть педагогических принципов до лучших времен, и прежде всего—тушить пожар, тушить теми средствами, какие надежнее и какие имеются под рукой.

Такими средствами являются общие суды, их арсенал наказаний с лишением свободы во главе.

Излечить преступность этим путем, конечно, немыслимо—даже наоборот, этот путь именно и готовит преступность, как мы уже видели. Но изоляция несовершеннолет-

них правонарушителей хоть на время развязывает обществу руки, дает ему передышку—и оно вынуждено было на это пойти.

Значит ли это, однако, что Советская Россия отказывается от светлых принципов, провозглашенных в декрете от 14 января 1918 г., признает их бесплодными или ошибочными?

Ни в каком случае. Мы говорим только, что при настоящей нашей бедности оборудованием, денежными средствами и подготовленными работниками мы в состоянии осуществить этот принцип лишь частично и постепенно. В настоящее время принципы эти в полном об'еме применяются, как применялись и во все годы революции, к тем, более юным возрастным группам, которые гораздо ценнее старшей для созидания нового общества: они, эти группы, менее старшей восприняли наследие старого мира и крепче успели пропитаться идеалами революции.

Подростки до 16 лет еще и потому гораздо дороже нам, что для их перевоспитания впереди больше времени, а значит, больше простора для применения медикопедагогических мер, тогда как более старшие подростки представляют собой менее благодарный материал: их навыки, их вкусы и склонности отчасти уже сложились. С полувзрослым подростком наши специальные воспитательные учреждения, еще слабые организационно и педагогически, справляются хуже, дают худшие результаты, чем с детьми до 16 лет.

Корень вопроса был в том возрастном минимуме, когда начинается **безусловная** уголовная вменяемость; установленный теперь минимум в 16 лет гораздо справедливее, целесообразнее и больше соответствует основам Советского законодательства о детях, чем минимум в 14 лет.

Несколько ценных мыслей о борьбе с детскими правонарушениями и о направлении этой работы высказал, в газете—однодневке «Спасайте детей» (апрель, 1923 г. Мо-

сква) Нарком по просвещению А. В. Луначарский. В ответ на часто раздающиеся против комиссий о несовершеннолетних упреки в бесплодности их работы, в неспособности уменьшить разлив детской беспризорности и преступности, тов. Луначарский делает вполне правильное указание:

«Из этого следует только, что надо увеличить средства наркомпроса и наркомздрава и не оставлять Отдела социально-правовой охраны несовершенолетних один на один справляться с этим бедствием, а обратить на него сугубое внимание.

Иным представляется, что более экономная борьба заключается в том, чтобы забрать этих детей в тюрьмы. Еще экономнее было бы, например, отравить их как мышат, но ведь, никому не приходит это в голову. Если же рассудить с точки зрения действительной экономии, то, по существу говоря, уже лучше просто прикончить ребенка, чем мучить его в тюрьмах и сделать из него сознательного в будущем преступника. Вот почему мы считаем глубокой ошибкой всякие стремления путем механическим бороться с детской преступностью».

Касаясь, далее, уже известного нам, пагубного для дела действительной борьбы, текста ст. 18 Кодекса о подсудности детей от 14—16 лет, автор замечает, что это нововведение «превращает РСФСР из самой передовой страны в отношении гуманности и законодательства о преступных детях и подростках в одну из стран, плетущихся в хвосте». Он выражает твердую уверенность, что правильная точка зрения все же восторжествует, и ошибка с этой статьей будет исправлена—мы уже знаем, что текст статьи действительно изменен в желательном направлении.

Но—резонно заканчивает автор—«правильность закона останется бесплодной, если за нею не будет идти целый ряд мер более гуманного, гигиенического и педагогического исправления страшной болезни, которая грозит самым корням будущих поколений России».

Летом 1922 г. в московских «Известиях» появилась статья неизвестного автора, заключавшая сводку данных Рабоче-Крестьянской инспекции и явившаяся настоящим обвинительным актом по отношению к результатам нашей борьбы с детской преступностью. Хотя статья во многом грешила преувеличенно мрачными красками и лишена была должной перспективы, хотя на нее тогда же с фактическими данными в руках возразил Отдел правовой охраны, опровергнув некоторые неточные и прямо неправильные утверждения, но в общем картина получилась, к сожалению, близкая к истине, а солидность источника, на который она ссылается, еще более повышает ее значение. Поэтому небезполезно будет на ней здесь остановиться.

Обследование социальной инспекции убедило РКП, что «как действительная сила по борьбе с детской преступностью, она не существует».

«Благодаря полному отсутствию денежных ресурсов, в большинстве губерний (в том числе и в Московской) детская инспекция не была вовсе организована, а где удалось создать некоторое подобие инспекции, она в дальнейшем распадалась вследствие отсутствия поддержки из центра. В лучшем случае, где инспекция оффициально действует, состав ее редко превышает 5—10 человек. Из многочисленных заданий, признанных в свое время ударными, на практике не выполняется ни одно».

По сведениям статьи, обобщенность которой едва ли соответствует истинному положению дела, в провинции «никто даже не подозревает о существовании инспекции, как не знают и о существовании специальных детских адресных столов».

«Работа инспекторов ограничивается выходом на узловые станции и пристани для встречи прибывающих детей (это было в разгар голодного беженства--**Л. В.**), и отправки их в распределительные пункты, откуда они рассеиваются по детским домам».

Состав детских инспекторов, в качественном отношении, «вследствие крайней необеспеченности их материального положения, совершенно неудовлетворителен».

Не лучше, по данным обследования, обстояло дело и с приемниками. Циркуляр об организации приемников на вокзалах и пристанях оказался непроведенным в жизнь: такие пункты существовали только как исключение. Служебный персонал переобременен работой,не обеспечен и живет в самых неблагоприятных условиях, снабжение детучреждений находится в неудовлетворительном состоянии, а меры медикопедагогического воздействия либо не применяются вовсе, либо применяются в таком виде, что «мало чем отличаются от карательных».

Всего печальнее данные обследования именно с этой последней стороны, если только принять, что картина не чрезмерно сгущена. Детей, по данным обследования, заключают в помещение тюремного типа с решетками на окнах, в условиях военной дисциплины. Никаких трудовых процессов планомерно нигде не проводится. Побеги детей—обычное явление. Нередки случаи избиения руководителей. Под видом несовершеннолетних в детдома проникают массами взрослые, чтобы избежать суда и заключения. Нравственная атмосфера в некоторых домах самая невероятная, и дети доходят до полного морального и физического извращения. Благодаря отсутствию своевременной и полной изоляции морально-дефективных детей, от здоровых, происходит постепенное разложение массы детей. РКИ собраны многочисленные примеры подобных случаев».

При таких условиях—мрачным выводом заканчивает свою гнетущую картину автор—«можно определенно утверждать, что, в сущности, никакой борьбы с детской преступностью в общереспубликанском масштабе не ведется и при данных условиях не может вестись».

Мы еще вернемся к этой убийственной оценке официального органа контроля, но сначала приведем резолютивную часть этой статьи, которая, несомненно, не осталась без влияния на последующее ограничение компетенции комиссий, выразившееся в ст. 18 Угол. Кодекса.

«Признавая в принципе правильным применение к преступным детям мер медикопедагогического воздействия, РКИ, считаясь с фактическим положением вещей, предлагает в качестве временной меры, применить изоляцию морально-дефективных детей от здоровых во всех случаях, когда местные органы Наркомпроса не в состоянии применить других мер. В таких случаях несовершеннолетние, совершившие правонарушение, должны направляться в соответствующий реформаторий НКЮ». Последнему же следует передать, по мнению РКИ, и комиссии о несовершеннолетних, созданные декретом 4 марта 1920 г.

Здесь упоминание о передаче части дел в ведение НКЮ выражено так, точно это новое предложение, между тем она, как мы уже видели, давно осуществляется именно в силу декрета 4 марта. Проект же передачи самых комиссий в ведение НКЮ, к счастью, не осуществился: это означало бы полное крушение всего революционного законодательства о борьбе с правонарушениями детей, означало бы полный возврат к детским судам 1910—1916 г.г. Оговорка же, делаемая при этом РКИ, о том, что «идеологическое направление всего дела борьбы с детской преступностью должно непременно остаться в руках Наркомпроса», сохранилась бы только на бумаге. На деле же судебное ведомство неминуемо пропитало бы комиссии, а с этим вместе и всю область правовой охраны своим специфическим духом.

Возвращаясь к убийственной картине, нарисованной по данным РКИ, следует иметь в виду уже упомянутую выше чрезмерную их обобщенность, даже прямо огульность. В своем возражении на эту картину Отдел правовой охраны

там же, на столбцах московских «Известий», привел факты, а главное, цифры, свидетельствующие о том, что итоги работы правовой защиты не так уж ничтожны, как рисует их обследование РКИ.

К лету 1922 г., как здесь указал Отдел, по всей Республике существовало 245 комиссий о несовершеннолетних, 490 обследователей, 160 распределителей, 237 приемников, 277 стационарных учреждений перевоспитания и 1252 детских инспекций (цифры до сокращения). Далее было организовано в центре 7 циклов курсов по подготовке работников в данной области и 2 длительных курсов, состоялось несколько областных конференций, всероссийский с'езд и пр.

Наиболее интересный рост учреждений относится к осени 1921 г., когда, по сведениям т. Н. Семашко, отчасти расходящимися с данными, отмеченными только что, с сентября до декабря работа развернулась по 47 губерниям следующим образом: число детских инспекторов возросло с 411 до 1.000, число приемников и распределителей с 177 до 259, число комиссий с 209 до 230 и, наконец, число воспитательных и лечебных учреждений (Наркомпроса и Наркомздрава) с 111 до 198.

Правда, приводя эти цифры, Н. Семашко с горечью констатирует, что на деле размах и об'ем работы неизмеримо меньше, чем на бумаге:

«Тысяча инспекторов—но мы их почти не видим ни на улицах, ни хотя бы на самых крупных вокзалах; добрая половина их разбежалась, живя без пайка и без жалования. 230 комиссий—но добрая половина их не действует по той же причине, 260 приемников и распределителей—но из них часть не действует по тем же причинам, а действующие переполнены до такой степени, что далеко не выполняют своего назначения, представляя простое «свалочное место».

Картина, таким образом, и здесь, под пером высшего

руководителя здравоохранения в стране, тоже получается печальная, хотя и не такая уже безвыходная, как по данным РКИ.

Сказать, что за все эти годы совсем ничего не сделано, было бы грешно, но что достигнутое и сравнить невозможно с потребностью, с размером детской преступности, с темпом ее роста—это не подлежит никакому сомнению.

В том, что эти итоги так скудны, нельзя, впрочем, видеть ничего исключительного: во всех областях нашего строительства об'ективная сила вещей сводит на нет громадную часть усилий. Дело, прежде всего, в нашей ужасающей бедности: сжатые до нельзя кредиты вынуждают свертывать громадное число учреждений не первой необходимости.

И как ни жизненны, как ни ценны учреждения по борьбе с детской преступностью, но совершенно неотложными, наравне с созданием букваря, добыванием хлеба или изготовлением винтовки они еще не признаны.

А между тем—как правильно и искренно выразился в цитированной статье Н. Семашко—

«Все минется, что переживаем мы в эту тяжелую годину. Не минется и не простится нам одно—разврат, который проникает сейчас в души нашей молодежи, идущей нам на смену, нашего будущего».

И работы на этом пути сейчас—без конца, край непочатый.

Как в довоенное время—напр., в 1913 г. на всю Россию было только 63 ремесленных приюта вместимостью в 2.800 мест,тогда как через тюрьмы и разные арестные помещения прошло за тот год 17.000 несовершеннолетних—так и сейчас все органы правовой охраны детства чудовищно отстают от потребности в них.

После резкой подавленности, почти паралича, какой постиг всю область правовой охраны в первом периоде нэп'а, теперь наступает постепенный переход к более нормальному

темпу развития. При всей повелительной необходимости в крайней экономии, органы Наркомпроса не только перестают сжиматься, но и возращаются на путь дальнейшего развертывания и роста.

На текущий 1923 год ведомством была разработана довольно обширная программа по правовой охране детства. Ближайшей целью принимается следующее: обеспечить каждый узед, по крайней мере, одной комиссией, одним приемником и одним распределителем, каждую губернию одним учреждением принудительного воспитания и одним адрес-столом по вопросам детства (сейчас, кроме центрального адресного детского стола в Москве, имеется только три губернских на всю Россию).

На очереди значительное расширение учреждений принудительного воспитания, в противовес склонности последнего времени к изоляции несовершеннолетних в тюрьмах. Далее, намечается расширение патроната, детской инспекции и наконец—чему Отдел правовой охраны придает огромное значение—расширение опытных учреждений: к началу 1922 г. во всех учреждениях этого типа было всего до 300 детей. В какой мере программу работы на текущий год удастся выполнить, покуда не известно.

Среди законопроектов, какие разрабатываются в Нкпросе для суждения ближайшей сессии В.Ц.И.К., создан ряд проектов, которые должны заполнить имеющиеся в Угол. Кодексе пропуски. Так (см. «Народное просвещение». 1923, июнь) Нкпрос считает необходимым ввести кару за жестокое обращение с детьми-правонарушителями, далее за разного рода половые преступления над детьми со стороны их родителей или опекунов.

Серьезным упущением является отсутствие в Кодексе статей, карающих за склонение несовершеннолетних к занятию нищенством, бродяжничеством и другими преступными промыслами; особо должны быть выделены в Кодексе

также продажа или передача несовершеннолетним спиртных напитков, ядов, сильнодействующих веществ, склонение их к участию в азартных играх (карточной) и пр.

В развитие дела опеки несовершеннолетних, в последние дни состоялось распоряжение, которое привлекает губсуды и прокуроров к заботе о ней: если из имеющихся в производстве дел выяснится, что несовершеннолетние находятся не на попечении родителей или что попечение это служит им во вред, предписывается сообщать об этом местному ОНО для учреждения опеки. Равным образом на обязанность судебных исполнителей, принимающих меры к охране имущества, оставшегося после умерших, возлагается удостовериться, не остались ли после них беспризорные дети, бывшие на попечении умерших.

Наконец, при вынесении приговора, по которому оба родителя или единственный родитель, имеющий при себе детей, присуждается к тюрьме, суды также обязываются сообщать местным ОНО сведения, необходимые для охраны личности и имущества этих, остающихся беспризорными, детей.

Из законодательных проектов Отдела правовой охраны Нкпрос, кроме уже отмеченных, заслуживают быть отмеченным проекты о воспрещении несовершеннолетним занимать ответственные должности, а также о мерах против развращающего влияния на молодежь некоторых видов театральных зрелищ и судебных заседаний.

Что касается преждевременного занятия ответственных должностей, то нежелательность и даже недопустимость этого уже была подробно раз'яснена выше в связи с докладом проф. Л. Г. Оршанского на с'езде по дефективности.

Воспрещение посещать развращающие театральные зрелища, особенно столь модные сейчас кабаре в ресторанах, как и самые рестораны известного типа, тоже ока-

жется полезным для городской молодежи. Сюда же относятся меры против порнографических и мещанских кинофильм. Надо, впрочем, сказать, что голый путь запретов не только трудно осуществим полностью на деле, но и с воспитательной стороны далеко не достаточен.

Мало запретить детям посещение кино—это половина дела: надо еще создать на место этого другой кинотеатр, пригодный для детей и интересный для них. Потребность в зрелищах, в частности в кино слишком велика, и конкурировать с развращающей фильмой можно лишь посредством хорошей, а не лишив детей всякого кино.

Что же касается права посещать судебные заседания для несовершеннолетних—малолетние до 14 лет и теперь не допускаются в залы суда—то здесь интересно привести отзыв председателя московского совнарсуда т. Лисицына. Он пренебрежительно говорит о «либеральной старине», какая ему чудится в признании вредным для подростков посещать нынешний народный суд. Он еще понимает такое отношение к старому буржуазному суду с его показной торжественностью и лицемерием, но сейчас зал народного суда может, по его мнению, принести только пользу подростку, как школа справедливости и революционного сознания.

С этим утверждением, в столь общей форме выраженным, нельзя согласиться. Предположив безупречность, с воспитательной точки зрения, всего того, что скажет сам судья, нельзя забывать, что в деле участвуют и стороны. Какую же пользу может извлечь подросток из той взаимной перебранки, интриг, обливания друг друга помоями, обнажения самых интимных порой сторон человеческих отношений, какие приходится выслушивать суду? На стол судьи, особенно в наше время под'ема мещанского быта и мещанской идеологии, изливаются потоки грубости и пошлости, низости и лжи—надо ли купать подростка во всем этом?

Конечно, время ревнивого оберегания детей от жизненной правды, от подлинных человеческих дел и отношений миновало: суровая школа жизни для ребенка начинается в наши дни очень рано. Но зачем же без нужды слишком преждевременно и круто погружать детский ум и детское сердце в изнанку этих отношений, в то больное, мутное и преступное, что составляет обычно суть судебных процессов?

Пользы от посещения судебных мест для подростков быть не может—революционизирующие впечатления надо ему обеспечить другим путем. Вред же от ковыряния в преступных сторонах быта может быть очень существенный. Туть есть аналогия с пинкертоновской литературой и уголовными фильмами, о чем у нас уже была речь.

Но это, конечно, частности весьма скромного удельного веса: сейчас необходимо упорядочить борьбу с преступностью детей в главных пунктах этого фронта, именно, в пункте беспризорности и правовой беспомощности. Сюда должны быть направлены усилия всех, кому дорого будущее новой России, судьбы революции [1]).

---

[1]) В одном из мартовских номеров московских „Известий„ за 1923 г появилась статья Ин. Жукова о „Детском движении". Указав, что обычные способы борьбы с моральным разложением нашего детства—достаточное увеличение школьной сети, организация нескольких тысяч новых детдомов, подготовка новых десятков тысяч руководителей педагогов—явно не под силу сейчас нашей Республике, автор находит, что выход только один: „вызвать широкое детское движение, овладеть им и руководить им политически и педагогически".

Конкретно автор видит выход в организуемом сейчас РКСМ движении „юных пионеров". Возникшее на основе известной системы „скаутинг" английского генерала Баден-Пауелля, существенно измененной в ее буржуазных приемах, это движение может, несомненно, иметь благотворное влияние на телесное и духовное здоровье нашей молодежи. Автор статьи полагает даже, что, поддержанное взрослыми, движение это „окажет существенную помощь Республике в борьбе с беспризорностью детей, хулиганством и мещанским влиянием на семью".

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Приводим из «Еженедельника Советской Юстиции» № 29 за 1923 г. несколько статистических таблиц, касающихся правонарушений несовершеннолетних в возрасте от 14—16 лет. Данные этих таблиц отчасти не совпадают с данными, помещенными в настоящем очерке, ибо основаны на более суммарных материалах. Таблица 1 и 2 охватывает 24 губ. за 1 и 2-е полугодие 1922 г.

Все таблицы основаны на данных комиссий о несовершеннолетних, судебных учреждений и Центр. Угол. Розыска.

Таблица I.

1-е полугодие.

Виды преступлений.	Дел рассмотр. в комиссии.	Передано в нарсуд.	Подростков в комиссию.	Подростков в судах.
Преступления против советск. власти	47	7	53	11
Против порядка управления	83	133	1148	149
Должностныя преступления	85	14	100	15
Против личности	819	190	808	216
Имущественные	7107	1488	8282	1683
Воинские	24	11	76	11
Итого	9065	1843	10467	2085

Организация распыленной детской массы—дело прекрасное и нужное, но острый недостаток взрослых руководителей слишком низко оценивается автором, а еще более серьезное затруднение—отсутствие средств и материалов для планомерной работы „юных пионеров“—даже и вовсе им не упоминается.

Разумеется, известную пользу в интересующей нас области приносит деятельность организаций физического воспитания с быстро растущим „Муравьем“ во главе, но и это, конечно, лишь небольшая частность ромного вопроса.

Таблица П.

2-е полугодие.

Виды преступлений.	Дел рассмотр. в комиссии.	Передано в нарсуд.	Подростков в комиссии.	Подростков в судах.
Контр-революцион. преступления . .	7	4	7	4
Против порядка управления . . .	595	68	745	73
Должностныя преступления . . .	29	7	32	8
Преступления хозяйственные . . .	152	26	170	36
Против жизни, здоровья, достоинства .	529	168	559	208
Имущественные	3996	1008	4321	1131
Воинские	7	—	11	—
Против правил охраны здоровья и безопасности	394	62	527	91
Итого . . .	5702	1343	6364	1551

По данным Центр. Стат. Управления, относящимся к 1922 г. по 18 губерниям, за 1-ое полугодие было осуждено 204 малолетних от 14—16 лет и 1402 в возрасте от 16—18 лет, что составляет 0,4% и 2,6% всех осужденых вообще. За 2-ое полугодие осуждено 257 малолетних от 14—16 лет и 2384 в возрасте от 16—18 лет, т. е. 0,4% первых и 3,6% вторых из общего числа осужденных. Из числа осужденных от 14—16 лет мальчики составляли 85% и девочки 15%, во втором полугодии соответственные цифры равнялись 88% и 12%.

Таблица III.

Процент осужденных несовершенно-летних (от 14 до 18 лет).

Виды преступлений.	Первое полугодие 1922 г.		Второе полугодие 1922 г.	
	Мужчин.	Женщин.	Мужчин.	Женщ.
Контр-революция . . .	0,4	—	0,4	—
Прест. против порядка управ.	19,6	18,9	20,4	25,0
Имущественные . . .	69,2	73,9	69,6	71,5
Воинские	2,6	0,4	0,6	—
Должностные . . .	3,0	1,8	1,6	1.1
Против личности . . .	5,2	5,0	7,9	2,4
Итого в процентах.	100,0	100,0	100,0	100,0
в абсол. числах	1284	222	2266	372

В отношении числа задержанных подростков приводимая ниже таблица охватывает не всю Республику, ибо относящиеся сюда данные Угол. резыска не вполне надежны, а лишь те 27 губерний, по которым имеются более полные сведения по четвертям года, именно начиная с первой четверти 1921 года.

Таблица IV.

Четверти года.	Абсолют. число.	В %%.
1-я четверть 1921 г. . . .	4127	100
2-я „ „ . . .	4351	105
3-я „ „ . . .	5316	128
4-я „ „ . . .	5721	138
1-я „ 1922 г. . . .	6223	150
2-я „ „ . . .	5154	124
3-я „ „ . . .	4183	101

Цифры задержанных за те же семь четвертей года по Москве дают такой ряд: 1619—1461—1573—1816—

1843—1622—1339. Падение здесь, как и в предыдущей таблице, стоит в несомненной связи с постепенным ослаблением голодной полосы и ее последствий.

Соответственные цифры по Петрограду дают временами какие-то резкие, трудно об'яснимые скачки: задержано было, за те же семь четвертей года, 279—177—264—450—544—299—910.

Таблица V.

Число арестованных подростков по 28 губерниям (Москва не входит).

Четверти года.	Абсолют. число.	В %%.
1-я четверть 1920 г. . . .	1809	100
2-я „ „ . . .	2194	121
3-я „ „ . . .	2526	140
4-я „ „ . . .	2365	131
1-я „ 1921 г. . . .	2147	119
2-я „ „ . . .	2519	139
3-я „ „ . . .	3602	199
4-я „ „ . . .	3939	218
1-я „ 1922 г. . . .	4019	222
2-я „ „ . . .	3393	187
3-я „ „ . . .	1665	92

Общий вывод «Еженедельника» таков, что за последнее время преступность несовершеннолетних приостановилась в своем росте. Кризис 1921 г., катастрофически отразившийся на детской преступности, к концу 1922 г. был, повидимому, уже изжит и поднявшаяся волна упала.

Возможно, что в текущем году начался новый под'ем волны, но сведений об этом пока не имеется.

II

ЛИТЕРАТУРА.

«Дети преступники». Сборник под редакцией М. Гернета. М. 1912.

«Воспитание и обучение дефективных детей». Три тома. Сборник лекций, под редакцией проф. А. С. Грибоедова и д-ра Н. П. Казаченко-Триродова. ПГД. 1918.

Труды С'ездов представителей русских воспитательно-исправительных заведений, особенного 8-го (доклады Окунева, Егорова, Гогеля, Люблинского и др.).

Тарасов. «Детские суды заграницей».

Штамм. «Американские суды для малолетних».

Ануфриев. «Исправительные заведения для подростков на Западе».

Ганза. «Охрана детей в Англии».

Д. А. Дриль. «Малолетние преступники». Вып. 1 и 2. Москва, 1888 г.

Богдановский. «Малолетние преступники». Петроград, 1871 г.

Отчеты петроградского общества защиты детей от жестокого обращения и петербургского общества патроната.

«Движение детской преступности в России». Журнал мин. юстиции за 1911 г., кн. 1.

В. И. Куфаев. «Правонарушения и беспризорность несовершеннолетних», «Советское право». 1922 г., июнь.

«Дефективные дети и школа». Сборник под ред. В. П. Кащенко. Москва, 1912 г. (Статья Крюкова «Нравственное воспитание дефективных детей»).

Труды о ненормальных детях **Симона и Бине, И. Демура, Филиппа и Бонкра.**

Отто Рюле. «Дети пролетариата». 1907 г.

«Здоровые дети—светоч будущего». Сборник, изданный в 1923 г. Наркомздравом. Статьи: Р. Поляковой—«Первич-

ные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних», М. Гуревича—«Об одаренных неуравновешенных детях». Садда—«Художественное воспитание в борьбе с детской безпризорностью» и др.

«Современный ребенок». Сборник под ред. проф. Корнилова и Н. Рыбникова. Москва, 1923 г. Имеется анкетный материал «Приютское одичание»—Сагалова.

«На помощь ребенку». Издание «Недели помощи беспризорному и больному ребенку». Москва, 1923 г.

Н. П. Гришаков. «Детская преступность и борьба с ней путем воспитания». Орел. Госиздат, 1922 г., стр. 73.

Рубашева. «Особые суды для малолетних». Москва, 1912 г.

«Детская беспризорность». (Предупреждение и борьба с ней). Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г. Здесь статьи: С. Копелянской («Органы и учреждения для беспризорных детей»), М. Н. Гернета («Детская социальная инспекция»). Е. Агриковой («Первичные учреждения социально-правовой охраны несовершеннолетних), А. Трайнина («Комиссии по делам о несовершеннолетних), Силова («Опека как мера борьбы с детской беспризорностью»).

Борткевич. «Детская преступность», «Тюремный Вестник». 1905 г., № 10.

Горановский. «Нищенствующие дети, как питомник преступления». «Жур. мин. юст.» 1904 г., № 1.

Гордон. «Преступность детей», «Право». 1908 г., стр. 1271—1280.

Кистяковский. «Молодые преступники и учреждения для их исправления». Киев. 1878 г.

Ковалевский, П. И. —Борьба с преступностью путем воспитания». Петроград.

Коротнев, А. Д. «Малолетние и несовершеннолетние преступники». Петроград, 1905 г.

Маковский. «К вопросу о детской преступности». «Право». 1911 г., № 11.

Позднышев. «Детская преступность и борьба с ней». Петроград, 1911 г.

Тарновский, Е. Н. «Преступность малолетних и несовершеннолетних в Зап. Европе и в России», «Ж. М. Ю.». 1899 г., № 9.

Баранцевич. «Особые суды по делам о малолетних», «Право». 1910 г.

Статьи **Гогеля** и **Дриля** в «Праве» за 1904 и 1911 гг., в «Тюремном Вестнике» за 1894 и в «Ж. М. Ю.» 1900 и 1909 гг.

Люблинский, П. И. Статьи в «Вестнике Воспитания» (1911 г. № 3), в «Судебном Обозрении» (1904 г. № 4), в «Ж. М. Ю.» 1905 г. № 2, 1908 г. № 9 и 10, 1910 г. № 6.

Г. Рындзюнский и Т. Савинская, «Детское право». Москва, 1923 г., стр. 78.

Морозов. «Суды для малолетних», «Русская школа». 1912 г. № 1.

Н. А. Окунев. «Два закона о малолетних».

Люблинский, П. И. «Первый с'езд по охране детства», «Вестник Воспитания». 1913 г. № 5.

Зак. «Типы детской преступности», «Вестник воспитания». 1914 г. № 7 и 8.

Т. Сагалов. «Борьба с преступностью несовершеннолетних», «Пролетарский суд». 1923 г. № 1.

III.

ГЛАВНЕЙШИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ.

Перечень главнейших декретов (циркуляров, инструкций, постановлений и пр.), которыми в настоящее время нормируется правовое положение детства в Советской России:

1. Постановление Совета Народных комиссаров от 4-го марта 1920 г., о комиссиях по делам о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях. («Из-

вестия» В.Ц.И.К. от 6 марта, 1920 г. № 13, ст. 83 «Собрания узаконений и распоряжений»).

2. Постановление С.Н.К. об учреждении Совета защиты детей. «Известия» В.Ц.И.К. от 6 февраля 1919 г., № 3, ст. 32 «Собрания Узак.»).

3. Постановление Нктруда и Нксобез об ассистентах инспекторов труда из среды молодежи. 30 января 1920 г., № 27, ст. 135.

4. О сверхурочных работах несовершеннолетних. «Известия» В.Ц.И.К. от 11 декабря, 1920 г., № 98, ст. 517, и о применении труда малолетних—там же, № 91, ст. 518.

5. Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних. Собр. узак. 1921 г., § 68, ст. 306.

6. Положение о детской (социальной) инспекции. Собр. Узак. 1921 г., § 66, ст. 506.

7. Постановление президиума В.Ц.И.К. о неприменении высшей меры наказания к лицам, не достигшим 18-летнего возраста. «Известия» В.Ц.И.К. № 168, 1922 г.

8. О комиссии при В.Ц.И.К. по улучшению жизни детей. «Известия», 13 февраля 1921 г.. № 11, ст. 75.

9. Положение об охране здоровья подростков и детей. «Известия» В.Ц.И.К., 7 октября, 1921 г. № 65, ст. 497.

10. Кодекс законов об актах гражданского состояния: брачном, семейном и опекунском праве. Ст. 133—246, № 76—77, ст. 818.

11. Декрет 2 декабря, 1920 г., об изъятии опеки из ведения Нксобез (Собр. Узак. § 93, ст. 506).

12. Постановление В.Ц.И.К. об основных частных имущественных правах. «Известия» № 174 за 1922 г.

13. Кодекс законов о труде. (Собр. Узак. 1918 г., §§ 87, 88, ст. 900, ст. 1, 2, 6, 14 и др.

14. Общее положение о тарифе. (Собр. Узак. 1920 г., § 61—62.

15. О предельном минимуме количества подростков в предприятиях. «Известия» В.Ц.И.К., 1922 г., 9/VI, № 39, ст. 447.

16. Изменение положения о детской социальной инспекции. «Известия» В.Ц.И.К., 1922 г., 17 сентября, № 9, ст. 745.

17. Уголовный кодекс, ст. 18. Изменения в пределах компетенции комиссий о несовершеннолетних, о сроках привиллегированной уголовной ответственности и об обязательном смягчении приговоров для подростков от 14—16 и от 16—18 лет. Новая, измененная редакция — Собр. Узак., № 48, от 29/VII, 1923 г.

17. Подсудность дел, где в составе обвиняемых имеются несовершеннолетние—новая редакция ст. 38 Угол. — Проц. кодекса—Собр. Узак. № 48, 1923 г.

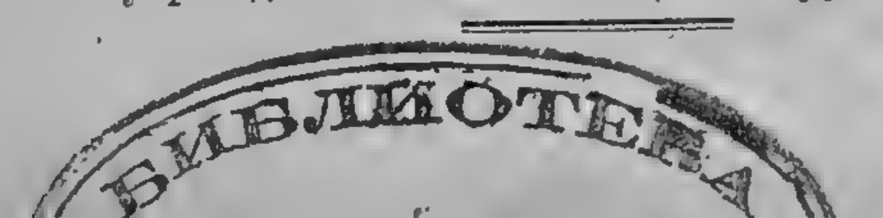
IV

ПРИМЕРНАЯ ПРОГРАММА.

4-х месячные курсы для братьев и сестер социальной инспекции (прежде «социальной помощи»).

Программа была выработана для 4-го цикла.

Советское законодательство—12 час.; **Задачи и значение детской милиции (инспекции)**—72 час.; **Беспризорность в России и заграницей и меры борьбы с ней**—36 час.; **Сведения по детской психологии**—24 час.; **Сведения по психопатологии**—72 час.; **Уголовная техника**—24 час.; **Типы взрослых преступников и их быт**—24 час.; **Сведения по гигиене**—36 час.; **Первая медицинская помощь**—12 ч.; **Первое знакомство с несовершеннолетними, психически ненормальными, спекулянтами, нищенками, карманниками и проч.**—40 час.; **Практические занятия:** права и обязанности братьев и сестер социальной инспекции, комиссия по делам о несовершеннолетних, Приемник, Распределитель. Типы детских домов, дежурство в опросной, в канцелярии, в ночлежках, на рынках, вокзалах и проч., сопровождение задержанных, взаимоотношения с общей милицией, анкетный лист, обследование на дому, отчеты о работе, дежурство в учреждениях—300 час.; **Экскурсии**—28 час.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Замеченные опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть.
13	4 сн.	1869	1864
17	5 св.	признавал	призывал
24	3 св.	области	власти
25	9 св.	разделилась	разделалась
27	14 сн.	нодостаток	недостаток
28	выноска	факторов повышения в	факторов-повышение, в
29	6 сн.	не пьющие	пьющие
33	6 св.	1881	1871
43	8 св.	институты и патронаты	институт патроната и
51	13 св.	24	24%
57	14 св.	марного	мирного
59	3 сн.	сказать	оказать
60	13 св.	характерным	выразительной
70	14 св.	могли	могло
71	9 св.	кадре	кадры
72	18 сн.	удалось	удалось бы
80	13 сн.	усилия	усилий
88	1 св.	166	168
97	5 сн.	иного	юного
102	11 св.	что	то
108	19 св.	принятие	принятием
109	1 св.	их, но;	но,
118	15 св.	ее	их

Издательство
„ОКТЯБРЬ"
• Тверь •

